РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

"НАУКА"

МОСКВА–1997

ЧИТАЛЬНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Потапов (Москва). К современному состоянию проблемы языков в некоторых регионах мира 3
В.Ю. Апресян (Москва). Семантика и ее рефлексы у наречий усилия и малой степени 16
А.Н. Шаламова (Москва). Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (по материалам авторских томов) 35
В.Г. Гак (Москва). Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) 55
А. Тимберлейк (Беркли). Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи 66
И. Майер (Упсала). Русское глагольное управление XVII в.: проблема своего и чужого (На материале "Вестей-Курантов") 87
М.Ю. Федосюк (Москва). Нерешенные вопросы теории речевых жанров 102
М.В. Филипенко (Москва). Об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании (к анализу адвербиалов – определителей "процесса") 121
Г.С. Голева (Москва). Персидская фразеология (лингвосоциокультурологический аспект) 135

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Г.А. Климов, Д.И. Эдельман (Москва). *Th.V. Gamkrelidze, V.V. Ivanov.* Indo-European and the Indo-Europeans. A reconstruction and historical analysis of a Proto-language and a Proto-culture 142
Н.Н. Казанский (С.-Петербург). *A.L. Sihler.* New comparative grammar of Greek and Latin 145
И.Г. Добродомов (Москва). Palaeoslavica. International journal for the study of Slavic Medieval literature, history, language and ethnology 151
И.Г. Добродомов (Москва). *М.Ф. Мурьянов* "Слово о полку Игореве" в контексте европейского средневековья 155

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, М.М. Маковский (отв. секретарь), *Т.М. Николаева* (зам. главного редактора), *Ю.В. Откупщиков, В.В. Петров, В.М. Солнцев, О.Н. Трубачев* (главный редактор), *А.М. Щербак*

Зав. отделами *Л.Л. Агафонова, М.М. Маковский, Г.В. Строкова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-74-42

© Российская академия наук
Отделение литературы и языка РАН, 1997 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1997

© 1997 г. В.В. ПОТАПОВ

К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВЫМИРАЮЩИХ ЯЗЫКОВ В НЕКОТОРЫХ РЕГИОНАХ МИРА

> ... языки возникли не по произволу и не по договору, но вышли из тайников человеческой природы и являются ... саморегулируемыми и развивающимися звуковыми стихиями.
>
> *В. Гумбольдт*

Проблема вымирания живых языков и диалектов мира является достаточно острой и с каждым днем требует к своему решению все большего внимания. С позиции динамики языкового развития процесс вымирания живых языков может быть представлен в известной степени на основе натуралистической (или "биологической") концепции языка А. Шлейхера, который исходил из того, что язык не зависит от отдельного лица, так как в языке действуют определенные законы, которые не может изменить воля человека. Согласно этой концепции, впервые изложенной А. Шлейхером в труде "Языки Европы в систематическом освещении" [Schleicher 1850], язык уподобляется организму. Позже, спустя почти десять лет в книге "Немецкий язык" [Schleicher 1888], определяя язык как живой организм, Шлейхер пишет о том, что жизнь языка несущественно отличается от жизни других живых организмов. Как и все живые организмы, язык имеет период роста от простейших начал к более сложным формам и период старения, в который языки постепенно все более отдаляются от достигнутой наивысшей степени развития и их формы терпят ущерб. Известно, что А. Шлейхер понимал под "организмом" развивающуюся структуру, которая образовалась естественно, без вмешательства человеческой воли. Именно в этом смысле А. Шлейхер называет язык природным организмом (Naturorganism), сопоставляя его с организмами, существующими в природе. Следует подчеркнуть, что на мировоззрение А. Шлейхера в значительной степени повлияла теория Ч. Дарвина о происхождении и изменении видов. Этому вопросу он посвятил свою работу "Теория Дарвина в применении к науке о языке" [Шлейхер 1864]. По его мнению, отдельные языки соответствуют видам одного рода, подвиды соответствуют диалектам, разновидностям соответствуют местные говоры, или наречия, наконец, отдельным особям соответствует образ выражения отдельных людей. А. Шлейхер переносит на языки и положение Ч. Дарвина о борьбе за существование в природе, согласно которому выживают лишь наиболее приспособленные, жизнеустойчивые виды, в то время как слабые исчезают. Он полагает, что в настоящем периоде жизни человечества победителями в борьбе за существование оказываются преимущественно языки индоевропейские, и их распространение беспрерывно продолжается, а многие другие языки ими вытеснены.

Несмотря на то, что ряд языковедов усматривает в лингвистических постулатах А. Шлейхера определенную наивность [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975; Березин 1984], упоминая факт не слишком серьезного отношения к ним и самого немецкого ученого, тем не менее, приходится признать наличие рационального зерна в представлении некоторых языковых процессов. Учитывая вышеупомянутые положе-

ния А. Шлейхера, можно выделить наиболее жизнестойкие языки, к которым причисляют, во-первых, широко распространенные языки, являющиеся языками международного общения (например, английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский); во-вторых, языки, обслуживающие несколько наций (например, португальский язык в Португалии и Бразилии, немецкий – в Германии, Австрии и Швейцарии и др.). Следовательно, существуют достаточно широко распространенные и активно используемые в коммуникации языки, которые являются в большой степени функционально значимыми и лингвистически разработанными с позиции, например, терминологии, языками. Таким образом, на первый план выдвигаются доминирующие языки, конкурирующие даже в некоторых случаях друг с другом, как в случае французского и английского языков, и вследствие этого "подавляющие" другие местные языки. У местного разнонационального населения многонациональных стран происходит постоянная ориентация на "более мощные" и "престижные" языки из-за стремления молодого поколения к получению качественного образования и к достижению более высокого общественного положения в связи с профессиональной деятельностью. В частности, экономическое положение в обществе позволяет некоторым лингвистам вычленять в рамках социолингвистики даже отдельный аспект исследования – эконолингвистику [Baugh 1995], включающую такие стороны явления, как жилищный статус (частное владение жильем, собственность на землю, аренда помещения, принадлежность жилья госсектору и т.д.), финансовый статус (малоимущий, средний достаток, достаток выше среднего, богатый, супербогатый и т.д.), статус личностной свободы (под следствием, условно осужденный, в заключении и т.д.). Данная языковая ориентация на "более престижные" и широко распространенные языки вкупе с уменьшением количества носителей языков малочисленных народов и недостаточной экономической поддержкой, а в некоторых случаях и полным ее отсутствием, приводит к негативным сдвигам в области жизнедеятельности языков. Таким образом, с нашей точки зрения вышеперечисленные факторы, а главное – их комбинаторика, влияют на жизнеспособность языков, т.к. сужать сферу деятельности могут и языки с достаточно большим числом носителей языка. В этой плоскости как раз и происходит своего рода "конкуренция" между теми или иными языками за право быть использованными в качестве одного из важнейших средств коммуникации. Поэтому можно говорить о коммуникативной значимости в выборе того или иного языка. Важно обратить внимание на "рациональное зерно" теории А. Шлейхера, которое заключается в том, что язык как феномен развивается по своим законам, имеющим нечто общее с законами рождения, развития и "угасания". В настоящее время еще пока трудно выявить механизмы "смерти" языков. Следует также указать, например, на "выпадение" некоторых пластов лексики, отмирание явлений фонетики и грамматики и т.д. В определенном смысле к выяснению некоторых причин утраты отдельных элементов языка и целых блоков лексики с позиции лингвистической генетики подошли М.М. Маковский [Маковский 1992], а также Б. Бичакджян [Bichakjian 1989; ср. Жакоб 1992].

Таким образом, концепция А. Шлейхера привлекает своей метафоричностью и позволяет представить, с нашей точки зрения, процесс развития языка в рамках общей концепции ноосферы по Тейяру де Шардену и В.И. Вернадскому [Де Шарден 1987; Вернадский 1967]. Вместе с тем подход А. Шлейхера не учитывает основополагающих экономических и политических механизмов развития общества как такового, что несомненно находится в каузальной зависимости с процессами языкового развития.

В настоящей статье будут рассмотрены основные тенденции "участия" языков в различных регионах мира [социально-экономические, психологические, политические (языковое планирование), демографические, этнические (языковые контакты), факторы культуры и др.].

Динамика развития языковой ситуации в различных странах складывается в значительной мере в зависимости от наличия, например, диглоссии (применительно к двум факторам одного языка), а также билингвизма, многоязычия. В первом случае, по на-

шим наблюдениям, приоритетное развитие получает кодифицированный литературный язык по сравнению с диалектами (говорами), имеющими более ограниченные локальную и функциональную сферы употребления. Во втором случае в позиции максимально "помехоустойчивого" языка оказывается язык, имеющий более престижный экономический и политический статус.

Все сказанное позволяет предположить, что прогнозирование дальнейшего развития языка возможно, однако только с учетом последующего развития грамматических явлений в языке, специфики языковых контактов, процессов конвергенции и дивергенции, а также с учетом тенденций в изменении интегративных этно-, психо-, социолингвистических составляющих речевой коммуникации.

Состояние языков малочисленных народов мира в настоящее время заставляет задуматься многих лингвистов, этнографов, историков и культурологов о возможности потери огромных культурных пластов человечества. В наши дни лингвисты все активнее становятся на защиту языков, находящихся под угрозой вымирания. Показательно, что на XV Международном лингвистическом конгрессе (9–14 августа 1992 г., Квебек, Канада) основным предметом дискуссии был вопрос о выживании "умирающих" языков. Ранее, на XIV Международном лингвистическом конгрессе, проходившем в Берлине в 1987 г., выражались серьезные опасения в связи с быстрым исчезновением многочисленных языков в различных частях света. Согласно последним статистическим данным с лица земли ежегодно исчезает 12 языков малочисленных групп населения. Речь идет не только об Индии и Океании, но также об Африке, Южной и Северной Америке. Как отмечают ведущие специалисты, мы только начинаем получать представление о всех существующих языках. Языки национальных меньшинств исчезают ежегодно, но хуже всего то, что многие из них никогда не были описаны и пребывали в забвении. Лингвисты, собравшиеся на XV Международном лингвистическом конгрессе, сформулировали ряд конкретных предложений для ЮНЕСКО в целях сохранения языкового наследия мира для будущих поколений.

Тенденция исчезновения языков вызвана тем, что повсеместно языки малочисленных народов постоянно испытывают на себе давление социально доминирующих языков. Соответственно, это не может не вызывать обеспокоенность лингвистов, среди которых растет сознание важности решения указанной проблемы. Одним из путей такого решения являются шаги в направлении повсеместной и широкомасштабной регистрации и описания грамматики, лексики, фонетических особенностей и устной литературы многих языков, находящихся на грани исчезновения. Именно поэтому основным положением "Красной книги" языков, которым угрожает опасность исчезновения, принятой ЮНЕСКО 16–17 июня 1993 г., а также "Красной книги языков народов России" [ККЯНР 1994], признается положение по поводу продолжения сбора информации о языках, рассматриваемых в качестве потенциально исчезающих, об их статусе, степени необходимости их изучения и т.п.

В том случае, когда речь идет о жизнеспособности языков, то их, как правило, дифференцируют на жизнестойкие, или "здоровые", и нежизнестойкие, или "больные", языки [Кибрик 1981; 1991]. "Здоровый" язык способен на продолжение или даже расширение своего социального статуса, сферы употребления и численности носителей языка – другими словами, он развивается и функционирует без каких-либо отклонений. "Больной" язык, теряющий свою значимость в качестве средства общения, на каждой стадии своего развития характеризуется наличием отрицальных показателей. Это проявляется в снижении его социального статуса, сокращении сферы употребления, уменьшении числа носителей данного языка[1]. Перечисленные социальные параметры функционирования языка могут вступать во взаимодействие с внутренними параметрами, к которым относятся стабильность структуры языка по отношению к

[1] Сохраняясь лишь у старших представителей данного народа, "больной" язык постепенно переходит в категорию исчезающих языков, а количество говорящих на таком языке исчисляется сотнями, а то и десятками человек.

внешнему влиянию, динамика его лексической эволюции и т.д. В данном случае, когда "состояние здоровья" достигает критического уровня ухудшения, под угрозой оказывается сам факт существования языка.

Этнические, социальные, демографические и культурные факторы могут влиять на жизнеспособность языков малочисленных народов как положительно, так и отрицательно [Кибрик 1981; Kibrik 1991]. К наиболее значимым факторам на примере России могут быть отнесены следующие: 1) величина этнической группы и число носителей данного языка в этой группе, например, согласно переписи населения бывшего СССР 1989 г. [Население СССР 1990], проживали 209 энцев, из которых только 45,5% считали энецкий язык родным; среди ульчей, которых насчитывается 3.200 чел., 30,8% считают родным ульчский язык; свыше 83% нганасан, которых насчитывается 1.278 чел., считают нганасанский язык родным; большинство кетов, которых насчитывается 1.100 чел., говорят на своем родном языке, что приблизительно составляет 80–85%; 2) число носителей данного языка, сгруппированных с учетом возраста [например, ижорский язык представляет собой язык бытового общения старшего поколения; наблюдается достаточно резкий перепад между знанием орокского языка (старшее поколение) и его полным незнанием (дети, подростки, молодые взрослые)]; число говорящих на ительменском языке составляет приблизительно 200 чел., главным образом люди старшего возраста; все носители удэгейского языка старше 50 лет; 3) этнический характер браков (например, в ряде смешанных семей у энцев языком общения является ненецкий; среди ороков велико число смешанных браков с русскими, нивхами, нанайцами, эвенками, негидальцами и корейцами); 4) дошкольное воспитание детей (например, старшее поколение знает ульчский язык, среднее – несколько хуже, подростки и молодые взрослые знают ульчский язык в большинстве случаев плохо, дети до 10 лет на нем не говорят вообще); 5) местоположение этнической группы (например, созданная в начале XIX в. И.Е. Вениаминовым и Я.Е. Нецветовым алеутская письменность на основе русского алфавита прекратила существование после того, как в 1867 г. Алеутские острова перешли во владение США) [ЛЭС 1990]; языковые контакты этнических групп и образ жизни можно хорошо проиллюстрировать на примере энецкого языка [энцы состоят из двух этнических групп: лесной – бай и тундровой– маду (мадду) или сомату]. Отсутствие единого самоназвания объясняется известной разобщенностью этих групп энцев, разделенных расстоянием в несколько сот километров, различающихся типом материальной культуры, говорящих на различных наречиях, испытывающих на себе различные языковые влияния. Основная масса энцев многоязычна: почти все они говорят по-русски и/или по-ненецки, понимают речь долган, частично эвенков; часть тундровых энцев знает язык нганасанов [ЯМ. УЯ 1993]; 6) национальное самосознание; 7) языковое обучение в школе (например, для детей ительменский практически является иностранным языком, несмотря на то, что этот язык преподается в школе до четвертого класса; в 1988 г. был издан букварь ительменского языка, а в 1989 г. – школьный словарь; чаплинский диалект азиатского эскимосского языка преподается в школе до четвертого класса; письменность на юкагирском языке, разработанная в 70-х гг. XX в. Г.Н. Куриловым на основе русского и якутского алфавитов, применяется в местных изданиях и в школьном образовании) [ЛЭС 1990]; 8) языковая политика государства (например, в Верховном Совете России в июне 1992 г. обсуждался Закон "Основы правового статуса малочисленных народов Российской Федерации", в котором закрепляется юридический статус малочисленных народов).

Российская Федерация не является исключением в вопросе о вымирающих языках [Потапов 1994], ибо представляет собой многонациональное государство, в котором на первый план выдвигаются проблемы языкового регулирования. Малочисленные народы продолжают оставаться самыми незащищенными, т.к. прогрессирует их физическое сокращение, утрачиваются пласты национальной культуры, национальных видов деятельности, вымирают языки.

Языки малочисленных народов Российской Федерации, подверженные опасности

исчезновения, в зависимости от степени "жизнестойкости" могут подразделяться на пять основных групп [Kibrik 1991].

1. Группа языков, находящихся на грани вымирания (водский, югский (сымский), керекский, алеутский языки);

2. Языки, подверженные непосредственной опасности вымирания и нуждающиеся в активной поддержке и документировании (ижорский, орокский, энецкий, негидальский, ительменский, удэгейский языки);

3. Группа среднежизнеспособных языков с малым количеством носителей (азиатский эскимосский, юкагирский, алюторский, нивхский языки);

4. Группа относительно жизнеспособных языков, которым необходима поддержка для того, чтобы они могли функционировать (орочский, ульчский, нганасанский, селькупский, кетский языки);

5. Группа, включающая ряд бесписьменных языков, которые продолжают использоваться в каждодневном семейном общении небольшими этническими группами. Эти группы живут на своих национальных территориях, имеющих небольшие размеры (одна или несколько деревень), и до некоторой степени придерживаются традиционного образа жизни. В ту же группу входят такие языки, как кавказкие языки на территории Дагестана: гинухский, гунзибский, арчинский, хваршинский, тиндинский, годоберинский.

В настоящее время известно, что в мире насчитывается приблизительно 5.000 языков [ЯДМ 1982], сотни из которых, однако, уже не используются их носителями и языковыми обществами в быту и повседневной деятельности. Некоторые из мертвых языков продолжают функционировать и в наши дни в качестве специальных вербальных средств, применяемых в определенных ситуациях и с определенными целями (например, латинский, древнегреческий, церковнославянский и др.). Иногда почти угасшие языки вновь возрождаются (например, иврит).

Большинство из исчезнувших языков представляет интерес лишь для небольшой группы языковедов, историков и других специалистов в различных областях знания. Некоторые языки вымирали постепенно на протяжении многих веков, не оставляя каких-либо сохранившихся до наших дней точных сведений о себе, другие дошли до нас благодаря письменно зафиксированным или устно передаваемым фактам существования языка.

Исчезновение языков продолжается активно и в наши дни. Более того, оно значительно ускорилось на протяжении двух последних столетий. Сотни языков, в особенности местные языки таких континентов, как Америка и Австралия, вымерли на протяжении этого периода. Согласно прогнозу специалистов такая же судьба ожидает ряд языков в недалеком будущем. В качестве основных причин этого явления можно назвать, во-первых, недостаточную степень изученности таких обширных регионов, как, например, внутренние районы Южной Америки, Австралии, Новой Гвинеи и т.д., и, во-вторых, отсутствие окончательных выводов на базе имеющихся лингвистических и социолингвистических данных о принадлежности, например, наречий двух соседних племен к одному и тому же языку в качестве его диалектов или к разным языкам, что может быть отнесено и к более изученным на сегодняшний день районам Юго-Восточной Азии и Африки. К тому же у некоторых народов недостаточное функциональное распространение родных языков компенсируется широким распространением двуязычия или многоязычия, причем недостаточная развитость литературного языка в условиях двуязычия способствует сохранению диалектной расчлененности общенародной речи [Исаев 1990]. Вопрос о дифференциации диалекта и языка в условиях отсутствия письменности характеризуется рядом трудностей и именно поэтому в конкретных ситуациях статус того или иного вербального средства общения вызывает так много споров.

С момента появления Колумба на берегах современной Венесуэлы в 1498 г. Южная Америка претерпела по многим параметрам продолжительные и глобальные изменения [Галич 1990]. Местное индейское население в расовом и культурном отно-

шении стало национальным меньшинством. Множество языков аборигенов континента на протяжении "постколумбового" периода времени исчезло. По мнению лингвистов, такая судьба в недалеком будущем ожидает более ста языков мира. Можно упомянуть следующие основные факторы, влияющие на процесс вымирания и исчезновения языков: смерть носителей языка, изменение в экологии языков, взаимодействие и столкновение культур (экономическое, культурное и политическое влияние, завоевание народов – носителей тех или иных языков) [Wurm 1991]. Одним из важных моментов демографического фактора являются способы расселения носителей языка: компактный или дисперсный, что может существенным образом влиять на возникновение притязаний того или иного народа на развитие его языка и культуры [Михальченко 1992].

Лингвистическая география Южной Америки отличается от других сравниваемых регионов мира наличием степени ограниченного генетического разнообразия языков и наречий, с одной стороны, и относительно малого количества языков, с другой [Adelaar 1991]. Южная Америка имеет значительное число изолированных языков. Ограниченное генетическое разнообразие языков объясняется, по-видимому, тем, что многие языки исчезли, не сохранив при этом названия племени, говорившего на соответствующем языке, или хотя бы нескольких топонимов. Огромные области, такие, например, как Бразилия и большая часть Аргентины, были свидетелями уничтожения коренного населения и, как следствие этого, его языков. Кроме того, усилия колониальных правителей были направлены, главным образом, на замену большего числа местных языков, которые рассматривались в качестве препятствий при обращении в христианскую веру и большей эффективности власти (например, кечуа, тупи, гуарани), общим языком (lingua franca).

Существует ряд подробных классификаций языков этого региона [Greenberg 1987; Kaufman 1990; Loukotka 1968]. Наиболее широко распространенной группой языков среди всех южноамериканских индейских языковых групп является группа аравакских языков. До испанского завоевания аравакские языки были в употреблении в ряде разрозненных областей, простираясь от Кубы и Багамских островов до территории южнее равнины Гран-Чако и верховья реки Ксингу в Южной Бразилии, и от дельты реки Амазонки до восточного нагорья Анд. Большое количество групп людей до сих пор говорят на аравакских языках в Бразилии, Перу, Колумбии, Венесуэле, Гайане, Французской Гвиане и Суринаме. Таино, в настоящее время мертвый аравакский язык, некогда доминировал на Антильских островах и был первым индейским языком, с которым столкнулись европейцы. Важными устными языками являются языки гоахиро в Колумбии, кампа и мачигенга в Перу, мохо и бауре в Боливии.

Африка является континентом с огромным количеством живых местных языков, принадлежащих нигеро-конголезской, нило-сахарской, койсанской и семито-хамитской языковым макросемьям. До сих пор число африканских языков оценивалось в следующих пределах: от 800 до более чем 1.000. Подсахарские языки включают: языки фулани, йоруба, игбо и зулу нигеро-конголезской семьи; языки кунама, шиллук, динка и нуер нило-сахарской семьи; и языки галла, сомали и хауса семито-хамитской семьи. Общие языки, которые объединили арабские и европейские заимствованные слова, включают суахили, лингала, фанагало и санго. Несмотря на то, что европейские языки, главным образом английский, французский и португальский, распространились за последние 200 лет среди всех народов Африки, использование этих "иностранных" языков до сегодняшнего дня было ограничено большей частью такими сферами употребления, как высшее образование, политика, торговая деятельность, а также относительно узким кругом людей. При этом процесс развивался в следующих направлениях: языки бывших колониальных владений еще не приобрели статуса национального языка в широких масштабах, но в большинстве случаев местные языки вытеснялись. Языки национальных меньшинств на африканском континенте были "заброшены" в угоду более престижным африканским языкам.

Контакты между людьми, которые не говорили на одном языке, вынуждали разви-

Таблица 1

Количество вымирающих языков/диалектов Африки

[Brenzinger, Heine, Sommer 1991]

Мертвые языки	47
Языки, которые либо уже вымерли, либо находятся на стадии вымирания	66
Языки, находящиеся на стадии вымирания	44
Языки, которые либо находятся на стадии вымирания, либо подвержены опасности вымирания	12
Языки, подверженные опасности вымирания	53
Общее количество языков/диалектов	222

вать общие для данного территориального ареала языки (lingua franca). Примерами таких языков могут служить суахили в Восточной Африке, лингала в бассейне реки Конго, санго в Центральной Африканской республике и арабский в большинстве областей Судана.

В этом отношении к явлению исчезновения языка можно подходить с двух различных позиций. Во-первых, рассматривать факторы, при которых язык вымирает (например, изменения в экономике, демографический фактор – абсолютное число носителей языка, процесс урбанизации, появление общего языка). Во-вторых, в пределах языковых общин исследовать модели речевого поведения, которые могут привести к исчезновению языка (например, национальное и/или региональное отождествление).

Для многих африканских народов (за исключением Танзании) сложилась не такая уж угрожающая языковая ситуация в отношении исчезновения местных диалектов, и, тем не менее можно отметить, что языки Африки вымирают с достаточно большой скоростью, и каждый год несколько таких языков становятся утерянными для потомков (см. табл. 1)

К началу европейской колонизации арктическое побережье материка и полярные острова современной территории Канады были заселены эскимосами, остальные области – индейскими племенами; на западе и северо-западе – атапасками, тлинкитами, хайда и цимшианами, на юге и востоке – алгонкинами (кри, оджибве, монтанье, наскапи), на крайнем западе – сэлишами и вакашами (нутка, квакиютл), на крайнем юго-востоке – ирокезами [Брук 1986]. Индейцы обитали, главным образом, вдоль больших рек (Св. Лаврентия, Маккензи, Юкон, Фрейзер), по берегам озер и побережью Тихого и Атлантического океанов. В настоящее время индейцы и эскимосы расселены примерно в тех же областях, но занимают намного меньше территории. Численность индейцев и эскимосов со времени европейской колонизации и до начала XX в. неуклонно падала. Аборигенное население (около 1774 г.) достигало 200 тыс. чел. В 1901 г. насчитывалось всего 128 тыс. индейцев и 6 тыс. эскимосов. В течение последних нескольких десятилетий многие национальные общины утратили свои родные языки навсегда. Позднее, когда была провозглашена политика большей терпимости, сокращение числа языков исконного населения Канады продолжается с неослабевающей силой. Английский и французский языки всесторонне доминируют во всей Канаде, и употребление одного или другого является обязательным во всех сферах повседневной жизни: в школах, больницах, правительственных учреждениях и в торговле. Конкуренция двух этих языков может быть проиллюстрирована такими факторами [Mougeon, Beniak 1996], как недостатки школьного обучения на французском языке. В соответствии с языковыми изменениями можно констатировать, что активный контакт с английским языком и ограничение в использовании французского языка взаимодействуют с категорией социального класса в плане появления и распространения того или иного языкового изменения. Языковой контакт и ограничение являются первичными и внешними причинами некоторых видов лингвистических

инноваций, а социальный класс, традиционно представляющий собой предвестника языковых изменений в одноязычных сообществах, играет только второстепенную роль. В качестве примера языкового изменения можно привести следующие процессы: дифтонгизация (например, *la rose* [ro^{w}z] vs. [ro:z]), родительный притяжательный, выражающийся аналитической формой с предлогом *à* vs. *de* (например, *le char à mon père* vs. *l'auto de mon père,* что соответствует англ. *my father's car*), использование формы 1 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. *vas* (нестандартный вариант) vs. *vais* (стандартный вариант) глагола движения *aller* (например, *je vas à Montréal* vs. *je vais à Montréal,* что соответствует англ. *I am going to Montreal*). Во французском языке также происходят такие грамматические явления, как сглаживание различий глагольных форм 3 л. ед./мн. ч., т.е. использование немаркированной формы 3 л. ед. ч. глагола как дублет маркированной формы 3 л. мн. ч. изъяв. накл. в наст. и буд. вр. (например, *eux-autres, ils* ***peut****/pour****ra*** *comprendre* vs. *eux-autres, ils* ***peuvent****/pour****ront*** *comprendre,* что соответствует англ. *they can/will be able to understand*), интерференция и процесс заимствования (например, чередование предлогов *sur* (инновация) и *à* в локативных выражениях в средствах массовой информации (например, *j'ai vu un bon film* ***sur*** *la télévision* vs. *à la télévision,* что соответствует англ. *I saw a good movie on TV* и т.п.).

Только изолированные или составляющие единое целое общины в состоянии поддерживать свой родной язык [LC 1979; Potapov 1991]. Это относится прежде всего к использованию языка дома, в рамках общины или для богослужебных целей. Современные средства массовой информации также требуют применения английского и французского языков. Даже если мы обратимся к проблеме англо-французского билингвизма в Канаде, то обнаружим более широкое владение франкоязычными канадцами английским языком, чем наоборот [Швейцер 1977]. На этих языках издаются газеты, журналы и книги. Почти все программы радио и телевидения – также на этих двух языках. Телевидение, являющееся доминирующим средством массовой информации во второй половине XX в., заставляет людей использовать английский или французский язык, а не свой родной. По всей Северной Америке существует сильное нежелание использовать любые другие языки, кроме как доминирующий (в большинстве случаев английский). Билингвизм и "иностранный акцент" являются негативными факторами, не поощряемыми в данном ареале. Вследствие этого сохранение местных языков (как и в ситуации с языками этнического происхождения из других стран и континентов)[2] получает мало поддержки, иногда даже в пределах национальных общин. В настоящее время известны по крайней мере 60 языков, на которых говорят на территории Канады. Эти языки относятся к двенадцати языковым семьям. Те языки, которые находятся под угрозой полного исчезновения, насчитывают от 10 до 40 носителей языка.

Языки аборигенов Канады подразделяются [LNA 1979; Dale Kinkade 1991] на мертвые языки (например, гурон, петун, ноттовей, конестога, лаврентийский и др.), находящиеся на грани вымирания (например, тагиш – немногим более 10 носителей языка, абнаки – 10 носителей языка, половина которых проживает в США, хан – около 20 носителей проживают на Аляске и в Канаде, тальтан – около 40 носителей и др.); языки, подверженные опасности вымирания (например, потоватоми – 100 носителей языка, но большинство из них проживают в США, онеида – 200 носителей языка, из которых 50 проживают в США, онондага – 50–100, из которых 50 проживают в США, секани – 100–500 чел. и др.); жизнеспособные языки с малым количеством носителей языка (к этой группе языков относятся языки с количеством носителей более чем 1.000, например, чилкотин, тучоне, слейв, догриб и др.) и устой-

[2] Примером данной ситуации может служить личная беседа автора данной статьи с одним молодым канадским ученым (канадцем во втором поколении) китайского происхождения, который убежден в ненадобности изучения ни китайского языка, ни китайской культуры. По его словам, знание родной культуры (и языка, соответственно) автоматически становятся ненужными вследствие того, что он является канадцем.

Таблица 2

Четыре языковые семьи Индии

[Mahapatra 1991]

Языковые семьи	Количество языков и носителей языка	% от общего количества населения
Индоиранская	491,087,116(20)	74,24
Дравидийская	157,836,723(17)	23,86
Аустроазиатская	7,705,011(14)	1,16
Тибето-бирманская	4,071,701(53)	0,62

чиво жизнеспособные языки (например, на языке кри, используемом исключительно в Канаде, количество носителей насчитывает более 60.000 чел.).

Несмотря на то, что с того момента, как Индия приобрела независимость, прошло уже более полувека, страна до сих пор не имеет достаточно полного списка функционирующих на ее территории языков. Народы, говорящие на языках иранской группы, занимают северную и среднюю часть Индии, народы дравидийской семьи населяют в основном южную часть страны [Mastan 1992]. Народы группы мунда, прежде занимавшие обширную территорию в центральной и северной Индии, теперь сохранились отдельными островками среди крупных массивов индо-иранских народов. Входящие вместе с народами мунда в одну аустро-азиатскую семью кхаси живут в штате Мегхалая, а никобарцы – на Никобарских островах. На севере и северо-востоке Индии, по границам с Непалом, Бутаном, КНР и Бирмой, живут горные народности и племена, относящиеся к центральной и западногималайской группам сино-тибетской семьи. Изолированное место в языковой классификации занимают языки андаманцев (Андаманские острова) и буришей (север Кашмира) [Брук 1986]. Языковая классификация народов Индии не отражает всей разнородности и пестроты этнического состава страны. Ее населяет множество этнических общностей, различающихся по расовому типу [Чебоксаров, Чебоксарова 1985], религии, степени развития кастовой системы, уровню этнической консолидации, характеру расселения. Тем не менее были приняты многие важные решения, определяющие роль различных языков или диалектов в системе политики государства, таких, как, например, официальный язык Индийского Союза, региональные языки штатов и объединенных территорий, языки национальных меньшинств и племен, и языки различных официальных учреждений, например, Верховного суда и т.д. Кроме того, вся страна была переструктурирована на базе распределения языковых штатов. Для каждой территории были установлены языки с учетом их юрисдикции. За основу прежде всего была взята лингвистическая карта Индии, созданная Дж.А. Грирсоном в период между 1886 и 1927 гг., т.е. до установления независимости страны. Перечень языков включал 179 языков и 544 диалекта для целого субконтинента, который в то время назывался Индийской империей. В настоящее время в Индии этот список широко не используется, так как некоторые территории, включенные ранее в этот перечень языков, сейчас не входят в Индийский Союз, а те территории, которые образуют Союз, ему уже не соответствуют. Языки, функционирующие в этом регионе, принадлежат четырем языковым семьям: индоиранской, дравидийской, аустроазиатской и тибето-бирманской (см. табл. 2).

Три группы языков/диалектов: группа бихари (бходжпури, магадхи/магахи, майтхили, нагпирья, пунхпарганья, садан/садри, кхортха/кхотта); группа раджастхани (багри-раджастхани, баньяри, дхундхари, годжри, хараути, джайпури, кхайрари, ламани/ламбади, малви, марвари, мевари, мевати, нимади, раджастхани и сондвари); группа пахари (бхадравахи, бхармаури/гадди, чамбеали, джаунсари, кулви, кумауни, мандеали, пахари, сирмаури). Несмотря на то, что на них говорит по 10 миллионов человек, тем не менее, они подвержены опасности исчезновения, т.к. эти языки все больше и больше лишаются социальных функций, т.е. большое количество сфер употребления перекрывается такими языками, как хинди.

Континентальная (материковая) Юго-Восточная Азия образует один из величайших языковых ареалов мира, что связано не только с абсолютным числом функционирующих здесь языков (сотен из них, принадлежащих пяти большим языковым семьям), но также и с наличием определенных разительных общих сходств между этими языками: фонологических, морфологических и семантических характеристик, которые генетически объединились в динамике развития языковых семей.

К аустроазиатским языкам относятся 8 языковых групп: семангсакай, вьетнамский – мыонг, мон-кхмер, палаунг-ва, группа никобарского языка, группа языка кхаси, группа языков мунда, группа языков нагали.

Причины отмирания языков в значительной мере проясняются в свете известной теории катастроф, в частности теории языковых катастроф, которые в последнее время стали объектом пристального внимания лингвистов [Wildgen 1982].

Различается два вида исчезновения языка: стремительный (быстрый) и постепенный [Matisoff 1991]. Быстрая смерть языка является неестественной и представляет собой относительно редкое явление, несмотря на то, что существуют определенные документально зафиксированные случаи подобного рода. Главной причиной подобных катастроф, как правило, является война. Например, тангуты – народ тибето-бирманской группы – в X в. создали государство Си-Ся на севере Китая. После разгрома государства монголами тангуты были ассимилированы, а часть жителей Си-Ся вошла в состав тибетцев провинции Цинхай. Внезапное и быстрое исчезновение языка может быть вызвано также эпидемией. Медленное "угасание" языка представляет собой часто встречающееся явление. Это происходит вследствие военного или политического давления, как в случае с пью-предками бирманцев.

В наши дни носители некоторых языков испытывают сильное давление со стороны носителей другого языка, но так как на этих языках говорит достаточно большое число людей, то такие языки, безусловно, имеют тенденцию к выживанию (например, тибетский по отношению к китайскому, кхмерский по отношению к вьетнамскому).

В отчете ЮНЕСКО указывается, что языковая ситуация в Океании очень сложная – намного сложнее, чем в любой другой части земного шара: в Океании функционирует между 20% и 25% всех языков мира, на которых говорит около 0,1% и 0,2% населения мира. Индонезия и Филиппины имеют большую плотность населения и до сих пор поразительное количество языков. Из около 1980 языков 250 принадлежат австралийской семье языков и свыше 950 – огромной австронезийской. Остальные 750 языков часто называются папуасскими, но в действительности относятся от 50 до 60 отдельным языковым семьям.

Австралийские языки – группа приблизительно из 260 взаимосвязанных языков; носители этих языков населяют весь Австралийский континент, а также западные острова Торресова пролива. К концу XX в. огромное большинство этих языков были либо вымершими, либо на грани исчезновения. До сих пор функционирующие живые языки, большей частью, имеют только несколько сот говорящих на этих языках. Язык с большим количеством носителей – это язык мабуиаг, язык западных островов Торресова пролива и так называемый "язык Западной пустыни".

Самая последняя классификация австралийских языков подразделяет их на 28 языковых семей, из которых 27 локализуются на севере и северо-западе страны, занимая 1/8 континента, и одной языковой семьи пама-нюнга, которая занимает оставшиеся 7/8 территории Австралии. Предполагается, что такое распределение является результатом распространения языковой формы, именующейся общим австралийским языком (датируемым около 5.000–6.000 лет тому назад), возникшей где-то на северо-западе Австралии, охватившей почти весь континент, за исключением северного и северо-западного регионов.

В отношении данного региона можно говорить о таких факторах, способствующих процессу исчезновения языка, как экспансия одних родов по отношению к другим (аборигенному населению), языковой выбор аборигенов, смещение акцента в области культуры, давление со стороны средств массовой информации.

Таблица 3

Вымирающие языки Австралии

[Dixon 1991]

Имеющиеся данные	Этапы постепенного вымирания языков				Внезапная утрата языков
	2	3	4	5	
полные	15	20	5	1	10
средние	10	20	30	30	20
скудные	–	5	10	35	–
минимальные	–	–	–	40	–

Существует около 2,000 языков, на которых говорили или говорят в данном регионе. Почти половина из них имеет более чем 1.000 носителей языка. Языки имеют постоянную тенденцию к процессу вымирания с устойчивой скоростью, которая, в свою очередь, в будущем, возможно, возрастет (см. табл. 3).

Половина языков может прекратить свое существование в пределах двух последующих поколений, и не более чем 200 языков (некоторые исследователи называют более низкую цифру) имеют реальный шанс более продолжительного функционирования.

К сожалению, многие языки не могут быть спасены, но тот факт, что они были зафиксированы в свое время, будет способствовать языковому самоопределению общин и предоставит возможность изучения документов языкового прошлого человечества. Работа по фиксации и описанию языков сможет хотя бы на какое-то время задержать или в некоторых случаях даже повернуть вспять процесс утраты того или иного языка.

Таким образом, характеризуя современную языковую ситуацию в мире, можно констатировать, что она не может расцениваться более или менее благополучной, т.к. ее наиболее уязвимым моментом является процесс вымирания ряда языков, что представляет собой широко распространенное явление применительно к различным странам и континентам. В качестве основных причин этого явления в настоящее время можно назвать, во-первых, феномен конвергенции и дивергенции в процессе образования новой политической карты различных регионов мира (ярким примером чему может служить Европа), и, во-вторых, сложности экономического порядка (например, недостаточные субсидии на поддержку и развитие национальных культур малых народов). Перечисленные факторы базируются на очень важном показателе: демографическом. Функциональный аспект использования языка занимает одно из важнейших мест в плане дальнейшей судьбы того или иного языка. При этом необходимо различать виды языковой политики в зависимости от типов языковой ситуации [Швейцер 1977]: языковую политику в условиях одноязычного государства, языковую политику в условиях многоязычного государства и языковую политику за пределами данного государства. С позиции языковедения можно говорить о недостаточной степени изученности некоторых регионов мира и об отсутствии заключительных выводов на основе уже имеющихся лингвистических и социолингвистических данных (например, вопрос о принадлежности наречий двух соседних племен к одному и тому же языку в качестве его диалектов или к разным языкам и т.п.).

По мнению В. Дресслера [Dressler 1996], социально-экономические изменения являются главной, но не исчерпывающей причиной вымирания языка. Необходим также учет социально-психологических факторов (таких, как престиж, установки и мотивации). В. Дресслер считает, что на современном уровне наших знаний мы можем лишь выделить факторы и ситуации, способствующие или препятствующие увяданию языка, и попытаться смоделировать взаимодействие между ними, но при этом наши

теории не имеют достаточной объяснительной силы и не способны прогнозировать "смерть языка". Лишь на основе междисциплинарных теорий, связывающих воедино различные аспекты этого явления ("bridge theories"), и с учетом многочисленных социопсихологических факторов мы сможем приблизиться к удовлетворительному объяснению этого феномена.

Следовательно, ситуация, связанная с проблемой вымирающих языков, может быть рассмотрена, во-первых, в связи с научным подходом, т.е. когда все естественные языки должны быть зафиксированы и документированы [Леман 1996] (ср., например, попытки стандартизации языка [Фумио Ину 1996], создание письменности для бесписьменных языков [Дзиро Икегами 1991], построение акустических баз данных для языков малочисленных народов [AIR 1996; Люблинская 1996] и т.п.), и, во-вторых, в связи с практическим подходом, то есть когда ставится вопрос о том, как обеспечить непрерывное функционирование этих языков в качестве живых (например, [Отанина 1996]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. 1975 – Очерки по лингвистике. М., 1975.

Березин Ф.М. 1984 – История лингвистических учений. М., 1984.

Брук С.И. 1986 – Население мира. М., 1986.

Вернадский В.И. 1967 – Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Избранные труды по биогеохимии. М., 1967.

Галич М. 1990 – История доколумбовых цивилизаций. М., 1990.

Дзиро Икегами 1991 – Проект письменности ульчского языка // Korean linguistics and Korean language education in the USSR. Seoul, 1991.

Жакоб А. 1992 – Лингвистическая модель в биологии // ВЯ. 1992. № 2.

Исаев М.И. 1990 – Языки малочисленных народов СССР: проблемы функционирования и сохранения // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. М., 1990.

Кибрик А.Е. 1981 – О факторах, отрицательно влияющих на жизнеспособность языков малочисленных народов // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Л., 1981.

Кибрик А.Е. 1991 – Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1991.

ККЯНР 1994 – Красная книга языков народов России / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1994.

Леман К. 1996 – Документация языков, находящихся под угрозой вымирания (Первоочередная задача лингвистики) // ВЯ. 1996. № 2.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.

Люблинская М.Д. 1996 – Компьютерные возможности сохранения и обработки звуковых записей для исчезающих языков // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996.

Маковский М.М. 1992 – Лингвистическая генетика. М., 1992.

Михальченко В.Ю. 1992 – Проблема витальности языков малочисленных народов России // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992.

Население СССР 1990 – Население СССР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

Отанина Г.А. 1996 – Проблемы ревитализации языков малочисленных народностей Дальнего Востока // Социолингвистические проблемы в различных регионах мира. М., 1996.

Потапов В.В. 1994 – Проблема вымирающих языков в Российской Федерации // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994.

Тейяр де Шарден П. 1987 – Феномен человека. М., 1987.

Фумио Ину 1996 – *S*-образная модель языковой стандартизации и процесс смерти языка // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М., 1996.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1985 – Народы, расы, культуры. М., 1985.

Швейцер А.Д. 1977 – Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М., 1977.

Шлейхер А. 1864 – Теория Дарвина в применении к науке о языке. СПб., 1864.

ЯДМ 1982 – Языки и диалекты мира. Проспект и словник. М., 1982.

ЯМ. УЯ. 1993 – Языки мира. Уральские языки. М., 1993.

Adelaar W.H. 1991 – The endangered languages problem: South America // Endangered languages. Oxford; New York, 1991.

ALR 1996 – Archives of the languages of Russia / Ed. by L.V. Bondarko, T. de Graaf. St.-Petersburg; Groningen, 1996.

Baugh J. 1995 – Dimentions of a theory of econolinguistics // Towards a social science of language. V. 1: Variation and change in language and society / Ed. by G.R. Guy, C. Feagin, D. Schiffrin, J. Baugh. Amsterdam; Philadelphia, 1995.

Bichakjian B.H. 1989 – Evolution in language. Ann Arbor, 1989.

Brenzinger M., Heine B., Sommer G. 1991 – Language death in Africa // Endangered languages. Oxford; New York, 1991.

Dale Kinkade M. 1991 – The decline of native languages in Canada // Endangered languages. Oxford; New York, 1991.

Dixon R.M.W. 1991 – The endangered languages of Australia, Indonesia and Oceania // Endangered languages. Oxford, New York, 1991.

Dressler W.U. 1996 – Language death // Towards a critical sociolinguistics / Ed. by Rajendra Singh. Amsterdam; Philadelphia, 1996.

Greenberg J.H. 1987 – Language in the Americas. Stanford, 1987.

Kaufman T. 1990 – Language history in South America: what we know and how know more // Amazonian linguistics. Studies in Lowland South American languages. Austin, 1990.

Kibrik A.E. 1991 – The problem of endangered languages in the USSR // Endangered languages. Oxford; New York, 1991.

LC 1979 – The languages of Canada. Ottawa, 1979.

LNA 1979 – The languages of native America: historical and comparative assessment. Austin, London, 1979.

Loukotka C. 1968 – Classification of South American Indian language. Los Angeles, 1968.

Mahapatra B.P. 1991 – An appraisal of Indian languages // Endangered languages. Oxford; New York, 1991.

Mastan S. 1992 – Urdu influence on Telugu: a sociolinguistic study // XV International congress of linguists. Québec, 1992.

Matisoff J.A. 1991 – Endangered languages of Mainland Southeast Asia // Endangered languages. Oxford; New York, 1991.

Mougeon R., Beniak E. 1995 – Social class and language variation in bilingual speech communities // Towards a social science of language. V. 1: Variation and change in language and society / Ed. by G.R. Guy, C. Feagin, D. Schiffrin, J. Baugh. Amsterdam, Philadelphia, 1995.

Potapov V.V. 1991 – Bilingualism in Canada and in the USSR: preliminaries to sociolinguistic typology // Korean linguistics and Korean language education in the USSR. Seoul, 1991.

Schleicher A. 1850 – Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht // Schleicher A. Linguistische Untersuchungen. Bonn, 1850. B. 2.

Schleicher A. 1888 – Die deutsche Sprache. Stuttgart. 1888.

Wildgen W. 1982 – Catastrophe theoretic semantics. Amsterdam, 1982.

Wurm S.A. 1991 – Language death and disappearance: causes and circumstances // Endangered languages, Oxford; New York, 1991.

№ 5 1997

© 1997 г. В.Ю. АПРЕСЯН

СЕМАНТИКА И ЕЕ РЕФЛЕКСЫ У НАРЕЧИЙ УСИЛИЯ И МАЛОЙ СТЕПЕНИ[1]

В настоящей работе рассматривается две группы наречий – со значением усилия (*с трудом, насилу, еле, едва, чуть*) и со значением малой степени (*немного, слегка, еле, едва, чуть* в их степенном значении). Наречия этих групп обладают сложной и богатой семантикой и интересными синтаксическими, коммуникативными и сочетаемостными свойствами, которые (по крайней мере частично) могут быть мотивированы семантически.

Насколько нам известно, детального описания этой группы слов не существует, хотя вообще наречия степени постоянно привлекают к себе внимание[2]. В насыщенной материалом и содержащей много ценных наблюдений работе [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993], к сожалению, не содержится толкований этих наречий, равно как и семантически мотивированного описания их языковых свойств. Кроме того, в указанной работе все слова со значением усилия и малой степени, несмотря на существенные различия в семантических и прочих языковых свойствах, рассматриваются как единый класс. Так, *с трудом, насилу, еле, едва* и *чуть* попадают в ту же группу, что и *слегка, немного*; отсутствует разбиение на значения внутри наречий *еле, едва* и *чуть* (разные их значения описываются как разные употребления).

Между тем, наречия усилия и малой степени интересны не только сами по себе, но и в общетеоретическом плане – как класс слов, на материале которого можно проследить мотивирующие связи между значением лексемы и ее синтаксическими, сочетаемостными, коммуникативными и иными лингвистически существенными свойствами.

Итак, первая наша задача – выделить и описать интересующие нас значения наречий *с трудом, насилу, еле, едва, чуть, немного, слегка* и пр. Затем будут рассмотрены синтаксические, сочетаемостные и коммуникативные свойства этих лексем и предложены их семантические объяснения. Сначала мы рассмотрим группу наречий усилия, а затем группу наречий малой степени.

Наречия *с трудом* и *насилу* имеют только по одному значению. *Еле, едва* и *чуть* многозначны. В первом значении они синонимичны только что названным наречиям. Это значение реализуется во фразах типа *Путники с трудом ⟨насилу, еле⟩ добрели до ночлега. Пьяный с трудом ⟨едва⟩ держался на ногах. Он так уставал, что к вечеру с трудом ⟨чуть⟩ ноги волочил*[3]. Во втором значении – 'в очень малой степени' – они синонимичны наречиям *немного, слегка* и т.п., ср. *Ветер слегка ⟨еле, едва, чуть⟩ шеве-*

---

[1] Я бы хотела выразить благодарность за ценные замечания сотрудникам сектора Теоретической семантики в ИРЯ РАН, принявшим участие в обсуждении синонимического ряда наречия *с трудом*, а именно, Апресяну Ю.Д., Богуславской О.Ю., Галактионовой И.В., Гловинской М.Я., Крыловой Т.В., Левонтиной И.Б., Птенцовой А.В., Урысон Е.В. Данная работа также излагалась на лингвистическом семинаре в ИППИ, и я приношу благодарность за полезные замечания всем участникам семинара.

[2] См., например [Sapir 1944; Bolinger 1972; Lyons 1977; Wierzbicka 1996]; ср. также подробное описание английских наречий малой степени в грамматике [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1982].

[3] Для *чуть* это значение является устаревающим, и его употребление лексически ограничено.

лил листву. Он немного ⟨чуть⟩ картавит. Другие их значения – 'как только' у *едва* и *чуть* (*Едва ⟨чуть⟩ рассвело, они вышли из дома*) и 'только что' у *едва* (*Ему едва исполнилось восемнадцать*) – здесь рассматриваться не будут.

1. СЕМАНТИКА НАРЕЧИЙ *С ТРУДОМ, НАСИЛУ, ЕЛЕ 1, ЕДВА 1* И *ЧУТЬ 2*.

1.1. Толкования наречий *с трудом, насилу, еле 1, едва 1* и *чуть 2*[4]

1.1.1. Наречие *с трудом*.

X с трудом P (Услышав это печальное известие, она с трудом сдержала слезы. Он с трудом крутил педали старого велосипеда) =

'а. X делает P;
б. P происходит, несмотря на неблагоприятные для P обстоятельства;
в. P происходит, потому что X прилагает к этому усилия;
г. из-за наличия неблагоприятных для P обстоятельств X прилагает больше усилий, чем обычно требуется для ситуаций типа P'.

1.1.2. Наречие *насилу*.

X насилу P (Родители насилу уговорили его отказаться от этой безумной затеи. "Насилу ушли", – вздохнул с облегчением хозяин, провожая гостей) =

'а. X сделал P;
б. P произошло, несмотря на неблагоприятные для P обстоятельства;
в. P произошло, потому что X или другой участник ситуации приложил к этому усилия;
г. из-за наличия неблагоприятных для P обстоятельств были приложены все возможные усилия;
д. усилия прилагались в течение некоторого времени;
е. если бы было приложено немного меньше усилий, P не произошло бы;
ж. говорящий испытывает эмпатию к участнику ситуации, заинтересованному в том, чтобы P было сделано'.

1.1.3. Наречие *еле*.

Еле P (Мы еле достали билеты на самолет. Его принесли еле живого) =

'а. существует ситуация P;
б. P существует, несмотря на неблагоприятные для P обстоятельства;
в. P существует, потому что тот, кто хочет P, прилагает к этому усилия или потому, что имеются благоприятные для P обстоятельства;
г. из-за наличия неблагоприятных для P обстоятельств прилагаются все возможные усилия;
д. если бы прилагаемых усилий или благоприятных для P обстоятельств было немного меньше, P не существовало бы;
е. P существует на нижнем пределе нормы;
ж. прилагаемые для существования P усилия заметны наблюдателю'.

1.1.4. Наречие *едва*.

Едва P (Хлеба едва хватило на всех; Был час пик и машины едва двигались) =

'а. существует ситуация P;
б. P существует, несмотря на неблагоприятные для P обстоятельства;
в. P существует, потому что имеются благоприятные для P обстоятельства или потому, что кто-то прилагает к этому усилия;
г. из-за наличия неблагоприятных для P обстоятельств прилагаются все возможные усилия;
д. если бы неблагоприятных для P обстоятельств было немного больше или усилий прилагалось немного меньше, P не существовало бы;

---

[4] Для удобства чтения мы не будем использовать цифровые индексы в тех случаях, когда из контекста однозначно ясно, какое именно значение имеется в виду.

е. Р существует на нижнем пределе нормы;
ж. то, что Р существует на нижнем пределе нормы, заметно наблюдателю'.

1.1.5. Наречие *чуть*.

Чуть Р (*С работы возвращались чуть живые. Штаны на нем чуть держались*) =

'а. существует ситуация Р;
б. Р существует, несмотря на неблагоприятные для Р обстоятельства;
в. Р существует, потому что неблагоприятных для Р обстоятельств недостаточно, чтобы Р не существовало;
г. если бы неблагоприятных для Р обстоятельств было немного больше, Р не существовало бы;
д. Р существует на нижнем пределе нормы;
е. то, что Р существует на пределе нормы, заметно наблюдателю'.

1.2. Комментарий к толкованиям.

Толкования наречий не разделены на логические составляющие – ассерцию, пресуппозицию. Провести это разделение затруднительно, так как наречия *с трудом, насилу, еле, едва* и *чуть* не употребляются в традиционных контекстах, различающих эти два слоя значения (в контексте отрицания и с усилительными и оценочными наречиями). Интуитивно представляется, что пресуппозиция – это первый элемент толкования ('X делает P', 'X сделал P', 'существует ситуация X'), а ассерция – все прочие элементы толкования. Кроме того, в значении наречия *насилу* есть модальная рамка – 'говорящий испытывает эмпатию к участнику ситуации, заинтересованному в том, чтобы Р было сделано'. Ниже будут прокомментированы различия в толкованиях наречий.

1.2.1. Действие или процесс vs. ситуация.

Это противопоставление зафиксировано в первом компоненте толкования – 'X делает P' у наречия *с трудом*, 'X сделал P' у наречия *насилу*, 'существует ситуация X' у наречий *еле, едва* и *чуть*. Наречия *с трудом* и *насилу*, как правило, предполагают динамику, активность, изменение. Они указывают на **действия** и поэтому не сочетаются с названиями **процессов** и **статичных** ситуаций – **состояний, положений вещей**. Наречие *чуть*, напротив, по своей семантике статично. Оно **не может** указывать на действия и сочетается только с названиями статичных ситуаций и непредельных, не предполагающих изменения процессов. Для наречий *еле* и *едва* это противопоставление нерелевантно, и поэтому они могут определять все перечисленные типы предикатов. Ср. следующие контрастные пары примеров:

(1а) *Свеча еле ⟨едва, чуть⟩ теплилась* (процесс),
при невозможном
(1б) **Свеча с трудом теплилась.*

(2а) *Нам еле ⟨едва⟩ хватило денег на дорогу* (положение вещей),
при странном
(2б) ??*Нам насилу хватило денег на дорогу.*

(3а) *Он с трудом ⟨еле, едва⟩ шел* (действие),
при невозможном
(3б) **Он чуть шел.*

1.2.2. Действие или процесс vs. результат.

Это противопоставление также зафиксировано в первом компоненте толкования – 'X делает P' у наречия *с трудом*, 'существует ситуация X' у наречий *еле, едва* и *чуть* в противоположность 'X сделал P' у наречия *насилу*. *Насилу* предполагает **законченное** действие, **результат** и поэтому сочетается только с совершенным видом, ср. контрастную пару примеров:

(4а) *Косцы насилу скосили луг тупыми косами*,
при невозможном

(4б) **Косцы насилу косили луг тупыми косами*[5].

Наречие *чуть*, напротив, исключает результат, ср. невозможность

(5) **Он чуть выжил.*

Для наречий *с трудом, еле* и *едва* это противопоставление нерелевантно, они могут определять как результат, так и действие (для *еле* и *едва* также и процесс) в развитии.

1.2.3. Усилия vs. благоприятные обстоятельства.

Это противопоставление очень важно и объясняет многое в свойствах рассматриваемых наречий. Оно отражено в компоненте "в" толкований. *С трудом* и *насилу* содержат указание на то, что желательная ситуация наступает благодаря **усилиям** заинтересованного лица. *Еле* и *едва* могут в качестве причины существования ситуации предполагать как усилия, так и **благоприятные обстоятельства** (причем для *еле* в качестве такой причины чаще выступают усилия, а для *едва* – обстоятельства). Ср. контрастную пару примеров:

(8а) *Брошка едва ⟨еле⟩ прикрыла пятно на блузке* (благоприятные обстоятельства), при невозможном

(8б) ??*Брошка с трудом ⟨??насилу⟩ прикрыла пятно на блузке.*

Благодаря указанию на усилие, наречия *с трудом* и особенно *насилу* обычно сочетаются с названиями **трудновыполнимых** действий, требующих большой затраты усилий (*уговорить, уломать, выдворить, выпроводить, добиться, управиться, вырвать* и т.п.).

Существуют примеры, на первый взгляд, противоречащие утверждению о наличии противопоставления "усилия vs. обстоятельства". В них наречие *с трудом* определяет предикаты, не предполагающие усилий, а именно, физический процесс и ментальное состояние, соответственно, ср.:

(9) *Последние дни я засыпаю с трудом.*

(10) *Свежо предание, а верится с трудом.*

Однако в действительности ситуации, описываемые этими примерами, предполагают некоторое усилие над собой. Если человек *с трудом засыпает*, это значит, что он пьет снотворное, считает до ста или прилагает другие усилия, ведущие к засыпанию. Аналогично, если во что-то *с трудом верится*, естественно заключить, что субъект старается себя в чем-то убедить, прилагает усилия, чтобы поверить. В этом смысле ментальное состояние *вериться* отличается от ментального состояния *верить*. Последнее не допускает или в меньшей мере допускает усилие и поэтому не сочетается с наречием *с трудом*, ср. пример с фраземой *верить своим ушам* (см. также ниже):

(11а) ??*Он с трудом верил своим ушам.*

Наречие *едва*, не предполагающее обязательного усилия, с этой фраземой сочетается, ср.

(11б) *Он едва верил своим ушам.*

Наречие *еле* в большой степени акцентирует усилия, чем *едва*, и поэтому хуже сочетается с *верить*, ср. странность

(11в) ?*Он еле верил своим ушам.*

Указанное различие зафиксировано в компоненте "в" толкований *еле* и *едва*. Ср. компонент 'Р существует, потому что тот, кто хочет Р, прилагает к этому усилия или потому, что имеются благоприятные для Р обстоятельства' (у *еле* усилия, как более частая причина наступления ситуации, стоит на первом месте) и компонент 'Р существует, потому что имеются благоприятные для Р обстоятельства или потому, что тот,

---

[5] Наречие *насилу* уходит из современного языка, и это семантическое ограничение еще больше сужает сферу его употребления; в XIX в. *насилу* достаточно свободно появлялось в нерезультативных контекстах, ср. *Вслед за свитским офицером на казачьей лошади, которая насилу несла его галопом, подъехал толстый Несвицкий* (Л.Н. Толстой, Война и мир).

кто хочет Р, прилагает к этому усилия (у *едва* обстоятельства, как более частая причина наступления ситуации, стоит на первом месте).

Это различие отмечено в [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 73], однако на некорректных примерах:

(12а) *Он едва повернул голову в нашу сторону* 'мало'.

(12б) *Он еле повернул голову в нашу сторону* 'с усилием'.

В действительности в (12а) и (12б) сопоставляются разные значения этих наречий – *едва* рассматривается в своем втором значении ('в очень малой степени, почти не', а *еле* – в первом ('с большим усилием'), что и дает требуемую разницу интерпретаций. На самом деле и (12а), и (12б) двусмысленны – *едва* может также иметь интерпретацию 'с усилием' (ср. *Больной едва повернул голову в нашу сторону. Я утром едва встала*), а *еле* – интерпретацию 'мало' (ср. *Этот грубиян еле повернул голову в нашу сторону*).

Ср. также следующий пример на второе значение *еле* (вне контекста *еле* могло бы восприниматься и как употребленное в первом значении): *Марина ахнула, увидев Мандельштама, но мне еле протянула руку* (Н.Я. Мандельштам, Вторая книга).

Что касается наречия *чуть*, то оно не предполагает никаких усилий, так как в принципе исключает действие – ситуация имеет место потому, что количество неблагоприятных обстоятельств недостаточно для того, чтобы прекратить ее существование. Примеры типа

(13) *Он чуть дышал*

не опровергают этого утверждения, потому что описывают не действие, а неконтролируемый процесс.

1.2.4. Существование ситуации (осуществление действия) на пределе возможностей.

По компоненту 'на пределе возможностей' наречию *с трудом*, лишенному его, противопоставлены все прочие наречия. Ср. следующие пары примеров:

(14а) *Я с трудом доплыл до мелкого места и с еще большим трудом вскарабкался на крутой берег*,

при странности

(14б) ??*Я насилу ⟨еле, едва⟩ доплыл до мелкого места и с еще большими усилиями вскарабкался на крутой берег.*

Ср. также

(15а) *Он еле ⟨едва, чуть⟩ дышал.*

(15б) *Он дышал с трудом.*

(15а) уместно как высказывание о тяжелобольном или умирающем, а (15б) – как высказывание о спортсмене, пробежавшем дистанцию.

1.2.5. Существование на нижнем пределе нормы.

'На нижнем пределе нормы' – важный компонент в значениях наречий *еле* и *едва*, многое объясняющий в их свойствах. На нем построены и другие их значения. Поясним его. Некоторые ситуации имеют целый спектр возможных реализаций, помимо канонической, – как на нижнем пределе нормы, так и на верхнем. Например, для ситуации *идти*[6] верхним пределом нормы будет *идти очень быстро, почти бежать*; если выйти за этот предел, оно перейдет в ситуацию *бежать*. Нижним пределом нормы для ситуации *идти* будет реализация *идти очень медленно, еле идти, едва идти*. Если спуститься чуть ниже, то ситуация *идти* перестанет иметь место и перейдет в ситуацию *плестись, тащиться*.

В работе [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993] компоненты 'на пределе возможностей' и 'на нижнем пределе нормы' не разграничены, в то время как разница между ними представляется важной. Наречие *насилу* отличается от *с трудом* (и в этом совпадает с наречиями *еле, едва* и *чуть*) тем, что на поддержание ситуации затрачи-

[6] Мы используем эту формулировку вместо более корректной, но и более громоздкой формулировки "ситуация, обозначаемая лексемой *идти*".

ваются **все** возможные ресурсы, т.е. имеет место предел возможностей (см. примеры из предыдущего раздела). Однако, подобно *с трудом*, наречие *насилу* **не** предполагает, что ситуация имеет место на нижнем пределе нормы. Ср. следующую пару примеров:

(16а) *Они с трудом ⟨насилу⟩ успели на самолет (бежали три километра по лесу, ехали на двух попутках).*

(16б) *Они еле ⟨едва⟩ успели на самолет (приехали всего за три минуты до вылета).*

Фразу (16а) естественно интерпретировать следующим образом: 'чтобы успеть на самолет, им пришлось приложить много усилий; при меньшем количестве усилий они могли бы не успеть'. Ее можно продолжить предложенным в скобках уточнением количества затраченных усилий. При этом имеющая место ситуация успевания нормальна; фраза (16а) уместна и тогда, когда к самолету приехали заранее, задолго до отлета. Ср. возможность *Они с трудом ⟨насилу⟩ успели на самолет – бежали три километра по лесу, ехали на двух попутках – но приехали за час до отлета.*

Фразу (16б) более естественно понять как 'они были очень близки к тому, чтобы опоздать на самолет; если бы они приехали немного позже, они бы не успели'. Ее можно продолжить предложенным в скобках уточнением степени близости к опозданию. Ситуация успевания существует на нижнем пределе нормы и поэтому фраза (16б) неуместна, когда остается некоторый запас времени; ср. странность ?*Они еле ⟨едва⟩ успели на самолет – бежали три километра по лесу, ехали на двух попутках – но приехали за час до отлета.*

Ср. также следующие литературные примеры, где лексемы *едва* и *чуть* выражают смысл 'ситуация имеет место на нижнем пределе нормы и близка к тому, чтобы не существовать': *Мы ожидали увидеть большого, уверенного, коммуникабельного мужчину. Но он* [Лебедь] *едва говорил. Не знал, куда встать.* (МН, 20–27 октября 1996); *А вещи, действительно, хотя и были ношеные, и, вообще говоря, чуть держались, однако, слов нет – настоящий, заграничный товар – глядеть приятно* (М.А. Зощенко, Качество продукции).

У наречий *еле, едва* и *чуть* есть и другие значения, выражающие идею неполноценности имеющей место ситуации: значение 'в очень малой степени, почти не' (*Он еле ⟨едва, чуть⟩ коснулся ее руки*); значение 'как только, еще почти не' у *едва* и *чуть* (*Едва ⟨чуть⟩ стемнело, они вернулись*); значение 'только что, еще недавно не' у *едва* (*Да куда ей замуж, ей едва пятнадцать исполнилось*).

Эта семантическая особенность наречий *еле, едва* и *чуть* подтверждается и их сочетаемостью. Так, для *еле* и *едва* наиболее характерно употребление либо в контекстах **малоинтенсивных** действий (*ползти, ворочать языком, тащиться, передвигать ноги, плестись*), либо **слабо** воспринимаемых состояний (*улавливать, различать*); ср., например, *Бедный Алик еле волочил свой сундучок, отдуваясь и рукавом куртки отирая со лба пот* (Л.К. Чуковская, Опустелый дом); *Поезд кряхтя вползал в чащу и еле тащился по ней* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Спросив анальгина у Риты, она запила его водой и еле доволокла ноги до преподавательской* (В. Сорокин, Тридцатая любовь Марины); *Довлатов ненавязчиво фиксирует едва различимую границу между отречением и предательством* (А. Арьев, Предисловие к повести С. Довлатова "Заповедник").

Чуть **обычно** сочетается с названиями малоинтенсивных процессов (*тлеть, теплиться*), либо слабо воспринимаемых состояний.

1.2.6. Наблюдаемость.

Наречия *еле, едва* и *чуть*, описывающие существование ситуации на нижнем пределе нормы, предполагают, что усилия, прилагаемые для ее осуществления, равно как и ее ущербность, неполноценность, **не могут быть скрыты** от наблюдателя. Наречие *с*

трудом может описывать как **наблюдаемые**, так и **скрытые** от наблюдения усилия. Ср. следующую тройку примеров:

(17а) *Я шла с трудом, но виду не показывала* (скрытое усилие),

при невозможных

(17б) **Я еле ⟨едва⟩ шла, но виду не показывала.*

(17в) **Штаны на нем чуть держались, но он это скрывал.*

Поскольку *с трудом* может указывать и на наблюдаемые, и на скрытые (или скрываемые) усилия, это наречие возможно в контекстах **неуверенности**, т.е. в случаях, когда говорящий не располагает полной, объективной информацией о происходящем. Ср. *Он двигался медленно, как будто с трудом*; *И прощаясь, держась за перила / Она словно с трудом говорила*: / "*Это все. Ах, нет я забыла*" (А. Ахматова, "Помнишь ты, как все это было").

В этих случаях внешние признаки действия (медленность передвижения, тихий голос и т.п.) наводят на мысль о наличии усилий, но какие-то другие обстоятельства заставляют говорящего сомневаться в этом.

Наречие *чуть* предполагает, что наблюдателю заметна неполноценность имеющей место ситуации, ср. пример (20в). Наречия *еле* и *едва* предполагают, что можно наблюдать как неполноценность ситуации, так и усилия, прилагаемые для ее осуществления. Однако в силу своей смысловой специфики (см. раздел **1.2.3**), *еле* фокусирует внимание наблюдателя на усилиях, а *едва* – на ущербности имеющей место ситуации. Ср. контрастные примеры:

(18а) *Он еле ходит* – 'Он ходит с трудом, с усилием' – например, о больном, акцент на усилиях, наблюдаются усилия.

(18б) *Он едва ходит* – 'Он плохо умеет ходить, еще почти не ходит' – например, о маленьком ребенке, акцент на ненормативности, наблюдается ненормативность.

Для наречия *насилу* проверить релевантность этого параметра трудно, так как *насилу* описывает не актуальные действия или процессы, разворачивающиеся перед взглядом наблюдателя, а результаты, – и усилия, приложенные для их достижения, остаются за кадром. Аналогично, этот параметр нерелевантен для тех употреблений *еле* и *едва*, которые описывают результаты.

1.2.7. Эмпатия говорящего.

Этот компонент присутствует в значении *насилу*, что отличает его от всех остальных наречий. Наречие *насилу* предполагает, что говорящий так или иначе заинтересован в том, чтобы некоторое действие совершалось (даже когда оно не имеет к нему непосредственного отношения) и с нетерпением ожидает результатов. Поэтому *насилу* не употребляется в тех случаях, когда эмпатия к субъекту действия невозможна или неестественна, ср. странность

(19а) ?*Девушка отчаянно сопротивлялась и преступник насилу с ней справился.*

Вариант той же фразы с наречием *с трудом* представляется более естественным, ср.:

(19б) *Девушка отчаянно сопротивлялась и преступник с трудом с ней справился.*

1.2.8. Длительность усилий.

В отличие от всех остальных наречий, *насилу* обязательно предполагает **длительные** (с точки зрения говорящего – даже слишком длительные) усилия, предшествующие достижению некоторого результата. Ср. естественный для *насилу* контекст: – *Ach, Erlaucht*! – *сказал Фриц. – Я ничего не знаю, кроме того, что я насилу добрался до вас* (Л.Н. Толстой, Война и мир); действие *добраться* предполагает длительные – по крайней мере, по сравнению с некоторой нормой – усилия. Очевидным образом, *насилу* не употребляется в контекстах моментальных действий, ср. прагматическую странность

(20а) ?*Он насилу подавил зевок.*

Аналогичные примеры с наречиями *с трудом, еле* и *едва* абсолютно нормальны:

(20б) *Он с трудом ⟨еле, едва⟩ подавил зевок.*

2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НАРЕЧИЙ *С ТРУДОМ, НАСИЛУ, ЕЛЕ 1, ЕДВА 1* И *ЧУТЬ 2*.

В этом разделе описываются лингвистические свойства рассматриваемых наречий и там, где возможно, даются их семантические обоснования, вытекающие из предложенных толкований.

2.1. Сфера действия.

У наречия *насилу* (и, возможно, *еле*), в отличие от прочих наречий этой группы, семантическая сфера действия может не совпадать с синтаксической. Ср. следующую пару примеров:

(21а) *Гости с трудом ушли.*

(21б) *Гости насилу ушли.*

Наречие *с трудом* как синтаксически, так и семантически относится к глаголу *ушли*. Пример (21а) значит 'гостям было трудно уйти, гости приложили усилия к тому, чтобы уйти'.

Для примера с наречием *насилу* допустима (и даже предпочтительна) другая интерпретация, а именно, 'Хозяину было трудно выпроводить гостей, он приложил к этому усилия'. Иными словами, наречие *насилу*, синтаксически относясь к глаголу *ушли*, семантически определяет не его, а какой-то другой, не упомянутый, но подразумеваемый контекстом глагол типа *выпроводить*. Таким образом, синтаксически *насилу* характеризует субъект действия, а семантически – не всегда с ним совпадающий субъект желаний и усилий. Ср. также пример (22), где субъект действия не совпадает с субъектом желания и усилий, и, соответственно, синтаксическая сфера действия *насилу* отличается от семантической.

(22) *Ну, насилу поел*

(естественно о ребенке; ≈ 'трудно было уговорить его поесть; тому, кто кормил ребенка, пришлось приложить к этому много усилий').

Согласно интуициям некоторых информантов, подобное употребление возможно и для наречия *еле*[7]; ср.

(23а) *Ох уж эти гости, еле ушли*

(в интерпретации 'Хозяину было трудно выпроводить гостей, он приложил к этому усилия').

(23б) *Ну, как ребенок сегодня днем спал? Плохо, да и вечером еле заснул*

(в интерпретации 'трудно было уложить, усыпить; тому, кто это делал, пришлось приложить много усилий').

Эта особенность *насилу* и *еле* отражена в толкованиях этих наречий. Ср. фрагменты толкований: 'а. X сделал P; б. P произошло, потому что X или другой участник ситуации приложил к этому усилия' (*насилу*) и 'в. P. существует, потому что тот, кто хочет P, прилагает к этому усилия или потому, что имеются благоприятные для P обстоятельства' (*еле*). Здесь предусмотрена возможность несовпадения субъекта действия (X-а) с субъектом желания и усилия (X-ом или другим участником ситуации).

2.2. Поведение рассматриваемых наречий в сочетании с отрицанием.

Из всех наречий этой группы только *чуть* и *едва* сочетаются с отрицанием, образуя фраземы *чуть не* и *едва не*:

(24) *Кирилин пошел за нею. На одном месте он споткнулся, едва не упал и засмеялся* (А.П. Чехов, Дуэль).

(25) *Ася поняла необходимость нашей разлуки, но заболела и чуть не умерла* (И.А. Тургенев, Ася).

---

[7] Интуиции опрошенных нами информантов не допускают такого употребления для *едва*, однако окказионально оно подобным образом употребляется: *Командировочным по броне и тем едва дают [билеты], а простые смертные простаивают на вокзале неделями* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Для прочих наречий это невозможно или сомнительно, ср. неправильность:

(26) **Они насилу ⟨?с трудом, ??еле⟩ не поссорились.*

2.2.1. Статус сочетаний *едва не* и *чуть не*.

Сочетания наречий *едва* и *чуть* с отрицательной частицей считаются фраземами на следующих основаниях:

1) Смысл этих сочетаний не выводится из комбинации смыслов исходных наречий и частицы *не*. В самом деле, сочетания *едва не* и *чуть не* имеют примерно следующий смысл: *едва не ⟨чуть не⟩* Р 'по каким-то не зависящим от агенса причинам имеет место не-Р; было близко к тому, чтобы было Р'; ср: *Он едва не ⟨чуть не⟩ потерял работу* 'По не зависящим от него обстоятельствам он не потерял работу; было близко к тому, чтобы он потерял работу'. Присутствующие в *едва* и *чуть* смыслы 'существование на нижнем пределе нормы', 'усилия', 'благоприятные обстоятельства', 'наблюдатель' из значений этих сочетаний исчезают.

2) Сочетаемостные ограничения фразем *едва не* и *чуть не* меняются на почти противоположные, и, таким образом, практически нет контекстов, общих для *едва* и *едва не*, и *чуть* и *чуть не*. Так, *едва* сочетается либо с названиями желательных для кого-то ситуаций, для осуществления которых требуется усилие (*едва уговорить, едва успеть, едва плестись, едва ползти*), либо с названиями слабо воспринимаемых состояний (*едва видный, едва слышный*[8]). Фразема *едва не* в подобных контекстах практически невозможна и сочетается, как правило, с названиями нежелательных для кого-то ситуаций, неосуществление которых изображается как результат стечения обстоятельств; ср. *едва не умереть, едва не потерять сознание, едва не упасть*. Для *едва* такие контексты невозможны.

Чуть сочетается, как правило, с названиями процессов, состояний или положений вещей (*чуть видный, чуть слышный, чуть держаться, чуть дышать*). *Чуть не* сочетается с названиями действий, результатов, событий (*чуть не ударить, чуть не поссориться, чуть не умереть*), что исключено для *чуть*.

Даже когда можно сконструировать контекст, где появляется и исходное наречие, и его сочетание с отрицанием (для *чуть* это исключено, но для *едва* в очень небольшом количестве случаев возможно), фраза с частицей *не* будет не отрицанием фразы без *не*, а выражением какого-то третьего, независимого смысла. Ср. следующую пару примеров:

(27а) *Нерон едва убил свою мать.*

(27б) *Нерон едва не убил свою мать*[9].

Несколько искусственный пример (27а) выражает примерно следующий смысл:

'а. Нерон убил свою мать;

б. Нерон убил свою мать, несмотря на неблагоприятные для этого обстоятельства [как известно, ему пришлось сделать несколько попыток];

в. Нерон приложил к этому все возможные усилия;

д. если бы Нерон приложил немного меньше усилий или неблагоприятных для этого обстоятельств было немного больше, ему бы не удалось убить свою мать'.

Пример (27б) интерпретируется как:

'а. Нерон не убил свою мать;

б. было близко к тому, чтобы Нерон убил свою мать;

в. какие-то внешние обстоятельства помешали Нерону убить свою мать'.

Обстоятельства, сопутствующие ситуации, остаются в тени. В отсутствие энциклопедической информации и проясняющего контекста, (27б) может описывать любую из следующих двух ситуаций:

---

[8] В этих употреблениях *едва 1* сближается с *едва 2*, и трудно провести между ними четкую границу.

[9] См. известную работу [McCawley 1968], где впервые был предложен анализ подобных примеров.

а. Нерон **пытался**, но из-за вмешательства каких-то внешних обстоятельств не **смог** убить свою мать;

б. Нерон **нечаянно** сделал что-то, что чуть было не привело к ее смерти.

Однако при любой из этих интерпретаций, смысл фразы (27б) не может считаться отрицанием смысла фразы (27а), какие бы логические статусы (ассертивный, пресуппозитивный, слабый смысл) ни были приписаны составляющим эти смыслы компонентам.

3) частица *не* в этих сочетаниях является не проклитикой (ее обычное положение), а энклитикой.

2.2.2. Причины возможности и невозможности сочетания рассматриваемых наречий с отрицанием.

Как уже было сказано, наречия *насилу, с трудом* и *еле* не сочетаются с эксплицитным отрицанием.

Однако с содержащими имплицитное отрицание перифразами эти наречия сочетаться могут. Ср. контрастные пары примеров:

(28а) **Он насилу ⟨с трудом, еле⟩ не рассмеялся.*

(28б) *Он насилу ⟨с трудом, еле⟩ сдержал смех.*

(29а) **Он еле не выражал волнения.*

(29б) *И я, еле превозмогая волнение, говорю: "Ничего себе, Ваше величество".*

(30а) **Он насилу ⟨с трудом, еле⟩ не потерял самообладания.*

(30б) *Он насилу ⟨с трудом, еле⟩ сохранил самообладание.*

(31а) **Она насилу ⟨с трудом, еле⟩ не заплакала.*

(31б) *По времени она с трудом сдерживала подступавшие к горлу и готовые вырваться рыдания* (Короленко, БАС).

(32а) **Они насилу ⟨с трудом, еле⟩ не поссорились.*

(32б) *Они насилу ⟨с трудом, еле⟩ сохранили хорошие отношения.*

Как известно, во многих случаях имплицитное отрицание ведет себя так же, как эксплицитное. Интересно выяснить, почему в сочетании с интересующими нас наречиями эти два вида отрицания ведут себя по-разному.

В книге [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993:73] предлагается следующее объяснение невозможности для наречий *с трудом* и *еле* сочетаться с эксплицитным отрицанием: "модальность желания (ср. целевой компонент в значении *еле* и *с трудом*) вообще плохо сочетается с эксплицитным *не*, ср. неестественность ?*Я хотел не заснуть*, при норме *Я не хотел заснуть*". Представляется, что это объяснение, по крайней мере, в предложенной формулировке, не вполне точно. Указанный запрет на самом деле носит отчасти синтаксический характер, и в определенных синтаксических конструкциях (а именно, когда *не* достаточно дистанцировано от слова *хотеть*) часто нарушается. Ср. нормальность:

(33) *Единственное, чего он хочет – это не потерять расположения своего начальника.*

(34) *Я хочу только одного – не мешать тебе.*

Что касается слов *цель* и *желание*, то они тоже могут сочетаться с эксплицитным отрицанием:

(35) *Моя единственная цель сейчас – не попасться ему на глаза.*

(36) *Мое всегдашнее желание – никого не осуждать.*

Таким образом, наличие компонентов 'цель' или 'желание' в значениях интересующих нас наречий само по себе еще не является достаточным основанием для запрета на их сочетание с эксплицитным отрицанием. Кроме того, возможность их сочетания с имплицитным отрицанием остается необъясненной.

Мы предлагаем другое обоснование этому явлению. Наречия *насилу, с трудом* и *еле* фокусируют внимание на **усилии** и таким образом определяют **способ совершения**

некоторого действия[10]. В наречиях же *чуть* и *едва* в фокусе внимания – **степень близости некоторой ситуации к тому, чтобы перестать существовать** (*едва* тоже может указывать на усилие, но, как отмечено в **1.2.3**, это наречие фокусирует внимание в первую очередь на благоприятных обстоятельствах как причине существования некоторой ситуации).

Рассмотрим теперь контексты эксплицитного отрицания с точки зрения их отношения к значению способа выполнения действия. Сочетания типа *не засмеяться, не заплакать* несут в себе следующую информацию: 'действия 'засмеяться' и 'заплакать' не произошли'. Становится понятно, почему наречия способа действия, к тому же указывающие на усилие, не могут появляться в таких контекстах: так как никакого действия не происходит и никакого усилия не прилагается, им просто нечего определять[11].

Теперь рассмотрим отличие имплицитного отрицания от эксплицитного. Псевдосинонимичные перифразы сочетаний *не засмеяться, не заплакать* имеют (очень приблизительно) следующую семантическую структуру:

(37) *сдержать слезы* ≈ 'приложив усилия, не заплакать'.

(38) *сдержать смех* ≈ 'приложив усилия, не засмеяться'.

Эти толкования подтверждаются, в частности, сочетаемостью приведенных перифраз – они обычно употребляются в контекстах таких лексем как *трудно, стараться, пытаться, смочь, изо всех сил*, указывающих на приложение усилий.

Таким образом, выражения с имплицитным отрицанием отличаются от соответствующих выражений с эксплицитным отрицанием наличием компонента 'прилагать усилия'. Приложение усилий подразумевает действие и, следовательно, при имплицитном отрицании возможны наречия способа действия – так как присутствует тот семантический компонент, который они определяют.

Такое поведение свойственно и другим определителям способа действия; ср. наречия *брезгливо, скромно,* сочетающиеся с имплицитным, но не с эксплицитным отрицанием:

(39а) *Он брезгливо отвернулся,* при невозможном

(39б) **Он брезгливо не повернул голову в ее сторону.*

(40а) *Он скромно отвел глаза,* при невозможном

(40б) **Он скромно не стал на нее смотреть.*

3. СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ СВОЙСТВА НАРЕЧИЙ *С ТРУДОМ, НАСИЛУ, ЕЛЕ 1, ЕДВА 1, ЧУТЬ 2.*

3.1. Сочетаемость с модальными словами.

В этой области различий между рассматриваемыми наречиями почти не оказалось. Единственное различие, которое мы бы хотели отметить, касается сочетаемости с модальным словом *уметь*. Из всех интересующих нас наречий только *едва* может с ним сочетаться, ср.:

(41) *Он едва умеет ходить,* при неправильности.

(42) **Он насилу ⟨с трудом, еле, чуть⟩ умеет ходить.*

(43) *Значит, была башка на плечах, если из нищего, едва умевшего читать мальчишки, вышел не Тишка, а Тихон Ильич* (И.А. Бунин, Деревня).

---

[10] То употребление *еле*, которое описывает не действие, а состояние (*еле видный, еле слышный*), в данном случае нерелевантно, потому что в таком употреблении не только *еле*, но и *едва*, и *чуть* с отрицанием не сочетаются.

[11] В контексте некоторых глаголов запрет на сочетание с эксплицитным отрицанием ослабляется, ср. достаточно приемлемую фразу *Он с трудом не проговорился* (этим примером мы обязаны А.Д. Шмелеву). Объяснение этого примера очевидно: глагол *проговорился* уже содержит в себе имплицитное отрицание ('не хотел этого говорить, но случайно сказал'), и эти два отрицания друг друга отчасти нейтрализуют.

Сочетание *едва уметь* имеет примерно следующий смысл: 'плохо уметь, почти не уметь'. Оно возможно, поскольку *едва*, в отличие от *насилу, с трудом* и *еле*, фокусирует внимание не на усилии, требующемся для совершения какого-то действия (поддержании какой-то ситуации), а на неполноценности этого действия (ситуации). Нельзя **с усилием уметь*, но можно *плохо уметь, почти не уметь* – и это объясняет различия между *едва*, с одной стороны, и *насилу, с трудом* и *еле*, с другой.

Наречие *чуть* не может сочетаться с *уметь*, хотя и фокусирует внимание на неполноценности ситуации, по следующей причине: модальное слово *уметь* непременно вводит какое-то действие, а *чуть* не может определять действий.

3.2. Сочетаемость с разными видовыми значениями.

Сочетаемость наречий этой группы с различными аспектуальными значениями очень интересна и семантически мотивирована. Мы не располагаем сколько-либо исчерпывающим ее описанием и можем предложить только несколько беглых замечаний на эту тему.

В силу своей семантики, наречие *насилу* (очевидным образом) не сочетается с несовершенным видом глаголов (за исключением результативных значений НЕСОВ). В свою очередь, *чуть* не сочетается с совершенным видом и с результативными значениями НЕСОВ.

У наречий *с трудом, еле* и *едва* нет запретов на сочетаемость ни с одним из видов. Однако для них можно сформулировать некоторые ограничения и предпочтения.

Специфика наречий *еле* и *едва* по сравнению с наречием *с трудом* состоит в том, что они плохо сочетаются с результативными видо-временными значениями НЕСОВ (настоящим историческим, настоящим репортажным). Ср. сомнительное

(44а) ?*Он приезжает в незнакомый город, еле ⟨едва⟩ находит место в гостинице...* (настоящее историческое),

при нормальном

(44б) *Он приезжает в незнакомый город, с трудом находит место в гостинице...*

(45а) ?*Тяжелоатлет выходит на помост, раскланивается, еле ⟨едва⟩ поднимает гирю и роняет ее* (настоящее репортажное),

при более естественном:

(45б) *Тяжелоатлет выходит на помост, раскланивается, с трудом поднимает гирю и роняет ее.*

Представляется, что это связано с коммуникативной структурой: настоящее историческое и настоящее репортажное обычно предполагают перечисление нескольких событий, и, следовательно, множественные ремы, а *еле* и *едва*, в отличие от *с трудом*, в подобных коммуникативных контекстах не употребляются (см. об этом ниже, раздел 4). Другие видовые значения, обычно совместимые с *еле* и *едва*, тоже становятся невозможными в контексте последовательного перечисления нескольких событий (т.е. со множественными ремами). Ср. нормальную фразу с наречием *с трудом* и странные с *еле* или *едва*:

(46а) *Он с трудом повернул голову и улыбнулся.*

(46б) ?*Он еле ⟨едва⟩ повернул голову и улыбнулся.*

Наречие *с трудом*, в принципе сочетающееся с обоими видами и с большинством видовых значений, обнаруживает следующее свойство: с некоторыми глаголами оно может сочетаться только в форме СОВ.

Глаголы, подчиняющие наречие *с трудом* в СОВ, но не в НЕСОВ, принадлежат по М.Я. Гловинской [Гловинская 1982] к четвертому типу видового противопоставления. В этом типе форма НЕСОВ часто имеет значение 'быть в состоянии', а форма СОВ – 'начать быть в состоянии'. Сочетаемость таких глаголов с наречием *с трудом* мотивирована их индивидуальными особенностями и заслуживает особого упоминания, так как объясняет семантическую специфику не только наречия, но и самих этих глаголов. Ср. следующие контрастные примеры:

(47а) *Я маслины-то с трудом полюбила, а уж эти устрицы никогда в рот взять не смогу,*

при невозможности

(47б) **Я маслины-то с трудом люблю.*

(48а) *Он с трудом поверил в эту историю,* при сомнительности

(48б) ??*Он с трудом верит в эту историю.*

Такая избирательная сочетаемость с видовыми формами свойственна далеко не всем глаголам этого типа – с большинством из них *с трудом* не может сочетаться ни в совершенном, ни в несовершенном виде, ср.:

(49а) **Он с трудом удивился.*

(49б) **Он с трудом удивляется.*

(50а) **Он с трудом заболел.*

(50б) **Он с трудом болеет.*

(51а) **Он с трудом обрадовался.*

(51б) **Он с трудом радуется.*

Этому явлению можно дать следующее объяснение: *с трудом,* как было сказано выше, всегда предполагает усилие и поэтому, как правило, сочетается с названиями действий. Глаголы четвертого аспектуального типа, как правило, обозначают состояния и усилий не предполагают. Правда, эмоциональные состояния *обрадоваться, удивиться* могут быть реакциями на усилия какого-то лица, заинтересованного в том, чтобы их вызвать, ср. *Ну, наконец-то ты обрадовался ≈ Наконец-то мне удалось тебя обрадовать.* Однако *с трудом*, как было отмечено, предполагает, что ситуация имеет место благодаря усилиям субъекта, а не какого-то другого лица, почему это наречие и не сочетается с названиями такого рода состояний.

Между тем, эмоциональное состояние *любить* и ментальное состояние *верить* устроены несколько иначе. Они не являются спонтанными неконтролируемыми реакциями на внешние факторы. Хотя обычно эти состояния возникают сами собой, иногда их появление может быть спровоцировано усилиями субъекта (ср. [Шмелев 1993] об активности субъекта веры, в отличие от субъекта знания). В СОВ возможность такой "активной" интерпретации у этих глаголов увеличивается, из-за свойственного их совершенному виду компонента начинательности – так как начало, преодоление какого-то порога естественно сочетается с идеей усилия. Ср. фразы *Она заставила себя полюбить этого человека, Он заставил себя поверить ей,* акцентирующие контролируемость (по крайней мере частичную) этих эмоциональных состояний. Аналогичные фразы с глаголами *обрадоваться, удивиться* или невозможны, или интерпретируются иным образом; ср. *Он заставил себя обрадоваться* ⟨*удивиться*⟩ ≈ 'Он заставил себя выразить подобие радости ⟨удивления⟩'.

4. КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА НАРЕЧИЙ *С ТРУДОМ, НАСИЛУ, ЕЛЕ 1, ЕДВА 1, ЧУТЬ 2.*

Наречия этой группы различаются в коммуникативном отношении по двум основным параметрам: предпочтительное положение в коммуникативной структуре (в теме/в реме) и способность самостоятельно формировать тему или рему.

Наречие *с трудом* может появляться как в теме, так и в реме. *Насилу* предпочтительнее в реме, но иногда может появиться в теме. Наречия *еле, едва* и *чуть*[12] тяготеют к реме и в теме практически не встречаются. Ср.:

(52а) *Медленно, с трудом ворочая лебедки, взял со стола синий флакончик и подал Маше* (Е. Замятин, Мамай; *с трудом* в теме).

[12] Указанная коммуникативная особенность относится только к рассматриваемому значению наречий *еле, едва* и *чуть*.

(52б) *Насилу развернувшись в узком переулке, он выехал на проспект* (*насилу* в теме),

при странности

(52в) ?*Еле повернув ручку, он открыл тяжелую дверь* (*еле* в теме).

(52г) ?*Едва*[13] *повернув ручку, он открыл тяжелую дверь* (*едва* в теме).

и невозможности

(52д) **Чуть тлея, костер почти не грел.*

Рематичность *еле, едва* и *чуть* объясняется их семантикой. Они содержат, во-первых, сообщение об исчерпанности ресурсов, о пределе возможностей и, во-вторых, сообщение об отклонении ситуации от нормы – два компонента, привлекающих к себе внимание и поэтому слишком сильных для темы. По этой же причине для *еле, едва* и *чуть* неблагоприятен контекст множественных рем, рассмотренный выше в разделе **3.2.** – слова, содержащие столь сильную оценку, сосредотачивают на себе **все** внимание слушающего и, следовательно, могут быть только **единственной** ремой в предложении.

Насилу содержит сильный оценочный компонент 'на пределе возможностей' и поэтому обычно тоже предпочтителен в реме; однако это наречие все же возможно в теме, так как не содержит еще более сильного компонента 'на пределе нормы'.

По параметру способности–неспособности формировать самостоятельную коммуникативную единицу рассматриваемые наречия делятся следующим образом: *с трудом* (как вариант: *с большим трудом*) может формировать самостоятельную тему (обычно контрастную) и самостоятельную рему, все прочие наречия вместе с глаголом обычно формируют сложную рему. Ср.:

(53а) ↓*С трудом я сдал математику, а английский – запросто* (самостоятельная контрастная тема).

(53б) *Это было сделано* ↓*с трудом* (самостоятельная рема).

(54а) *Он насилу ⟨еле, едва⟩ пришел,*

но не

(54б) **Он пришел* ↓*насилу ⟨еле, едва⟩.*

(55а) *Он чуть дышал,*

но не

(55б) **Он дышал* ↓*чуть.*

Эта коммуникативная особенность мотивируется особенностью синтаксической – кроме *с трудом*, ни одно из наречий не обладает достаточной синтаксической самостоятельностью и ни одно не может употребляться дистантно. Поскольку *насилу, еле, едва* и *чуть* не отчуждаются от своих синтаксических хозяев – глаголов (для *насилу* степень свободы немного больше, чем для *еле, едва* и *чуть*), то для них невозможна и коммуникативная самостоятельность.

У *насилу* есть еще одна особенность, имеющая коммуникативное следствие: в семантическую сферу действия *насилу* часто входит вся ситуация (а не одно только действие, выражаемое глаголом). В этих случаях *насилу* образует коммуникативно нечленимые предложения, содержащие только рему. Ср.

(56) *Насилу они починили этот кран* (все предложение является ремой).

Хотя *еле* и *едва* не могут быть самостоятельными ремами, синонимичные им редуплицированные лексемы *еле-еле* и *едва-едва*[14] могут выполнять такую функцию. Ср.

(57) *Эй, что ты там плетешься еле-еле?*

(58) *Ну что, налез костюм? – Едва-едва, рукава коротки, борта не сходятся.*

---

[13] Не следует путать с союзным значением *едва*, для которого позиция темы является предпочтительной.

[14] Редуплицированная лексема *чуть-чуть* является синонимом к другому значению *чуть* ('в малой степени') – см. ниже.

Лексемы *еле-еле* и *едва-едва* более "наречны", чем нередуплицированные *еле* и *едва*, обладают большей синтаксической динамичностью и большей коммуникативной самостоятельностью.

Еле-еле отличается от *еле* и семантически. В работе [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993] это различие описывается как интенсификация основных смысловых компонентов по сравнению с исходными наречиями. Отличия *еле-еле* от *еле* анализируются как сдвиг в сторону увеличения количества усилий.

Нам представляется, что это нуждается в коррекции. Редуплицированная лексема *еле-еле* не предполагает большего количества усилий по сравнению с нередуплицированной. В случае редупликации интенсифицируется не компонент 'усилия', а другой важный компонент – ненормативность, ущербность имеющей место ситуации. В частности, если речь идет о действиях, то в фокусе внимания в первую очередь оказывается **медленность** совершаемого действия, особенно если *еле-еле* находится в реме. Ср.

(59а) *Она [Надежда Федоровна] ослабевала от страха и тоски и, предчувствуя лихорадку, томилась и еле передвигала ноги, но не шла домой, так как была уверена, что за ней пойдет Кирилин или Ачмианов, или оба вместе* (А.П. Чехов, Дуэль),

где *еле* интерпретируется в первую очередь как 'с большим усилием'.

(59б) *Она передвигала ноги еле-еле,*

где *еле-еле* интерпретируется в первую очередь как 'медленно'.

Сочетаемость редуплицированной лексемы *еле-еле* также подтверждает нашу гипотезу – это наречие "выбирает", в первую очередь, глаголы, указывающие на медленность и вялость действия – *плестись, ползти, ворочать (языком)* и т.п.

Кроме того, в работе [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993] редуплицированная лексема *чуть-чуть* рассматривается как синоним к *чуть* в интересующем нас значении. Последнее, на наш взгляд, неверно, и лексема *чуть-чуть* такого значения не имеет, а имеет только значения 'в малой степени' и 'малое количество', ср. невозможность ее употребления в характерных для *чуть 2* контекстах:

(60) **Штаны на нем чуть-чуть держатся.*

(61) **Он пришел чуть-чуть живой.*

5. НАРЕЧИЯ *ЕЛЕ 2, ЕДВА 2, ЧУТЬ 1.*

5.1. Семантика.

Основное отличие значений рассмотренных выше *еле 1* и *едва 1* от *еле 2* и *едва 2* состоит в следующем: в первом своем значении эти наречия предполагают недостаток ресурсов, предел возможностей; тот факт, что ситуация существует на пределе нормы, является следствием этой ограниченности ресурсов и неблагоприятных обстоятельств. Во втором своем значении *еле* и *едва* тоже предполагают существование ситуации на пределе нормы, но не как следствие ограниченности ресурсов или неблагоприятных обстоятельств. Ср.:

(62) *Ветер еле ⟨едва⟩ шевелил листву* (нет указания на неблагоприятные обстоятельства и недостаток ресурсов).

Чуть 1, в отличие от рассмотренного выше *чуть 2*, не предполагает существования ситуации на пределе нормы, хотя и содержит указание на очень малую степень. Этим *чуть 1* отличается от своих синонимов *еле 2* и *едва 2*.

Наш анализ перечисленных наречий отличается от их анализа в работе [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]. Авторы описывают значение *еле 2, едва 2, чуть 1*, а также наречия *немного* как 'близость к не-Р'. Это представляется не вполне верным.

Наречия *еле* и *едва*, действительно, фокусируют внимание на близости ситуации к тому, чтобы перестать существовать. Это не настоящие степенные наречия; их

смысл можно сформулировать примерно как 'почти не' (а не как 'нечто имеет место в какой-то степени'). Но *чуть* и *немного* – настоящие наречия степени, они содержат сообщение о том, что нечто **имеет** место, хоть и в малой степени. Ср. следующие контрастные примеры:

(63а) *Надо, чтобы эти колбы еле ⟨едва⟩ касались друг друга* ≈ 'касались в исчезающе малой степени, почти не касались'.

(63б) *Надо, чтобы эти колбы чуть ⟨немного⟩ касались друг друга* ≈ 'касались, хоть и в малой степени'.

Таким образом, *еле* и *едва* представляют собой случай отрицательной полярности, так как они содержат в имплицитной форме негативную информацию – информацию о том, что некая ситуация практически **не существует.** *Чуть* и *немного* не содержат отрицательной полярности, так как они несут информацию о том, что нечто **имеет место.**

Здесь нам кажется уместным сделать небольшое отступление и пояснить, как мы используем термин "отрицательная полярность". Традиционный формальный критерий отрицательной полярности – невозможность для лексемы употребляться вне контекста отрицания, эксплицитного и иногда имплицитного [McCawley 1988: 562]. Ср. в английском *He wouldn't lift a finger to help her* 'Он пальцем не пошевельнет, чтобы ей помочь' (эксплицитное отрицание); *Do you think he'd lift a finger to help her?* 'Ты думаешь, он хоть что-нибудь для нее сделает?'[15] (имплицитное отрицание; говорящий выражает уверенность, что ничего не будет сделано), но не **He'd lift a finger to help her* 'Он пошевельнет пальцем, чтобы ей помочь'.

По этому критерию ни *еле 2*, ни *едва 2* не могут считаться наречиями отрицательной полярности, так как они вовсе не сочетаются с эксплицитным отрицанием. Однако нам кажется оправданным применить к ним этот термин, по следующим соображениям:

1) *еле* и *едва*, подобно обычным лексемам отрицательной полярности, придают фразе негативный смысл (как видно из примера (63а));

2) *еле* и *едва*, в отличие от прочих наречий этой группы, часто употребляются с имплицитным отрицанием. Это утверждение необходимо пояснить. Эти наречия не сочетаются с имплицитным **синтаксическим** отрицанием, в отличие, например, от английского *to lift one's finger* (где негативный смысл выражается синтаксической конструкцией), однако они употребляются с имплицитным семантическим отрицанием. А именно, многие из предикатов, с которыми обычно сочетаются *еле 2* и *едва 2*, содержат, в той или иной форме, отрицание. Например, моментальные глаголы (*взглянуть, вздрогнуть*) указывают на то, что действие, описываемое ими, почти **не** имеет длительности; глаголы физического контакта (*касаться, дотрагиваться*) указывают на **слабость, незначительность** этого контакта. Ср. *Теперь едва взглянул, не спросил, почему Саша, студент, работает грузчиком* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Расположился снег, едва прикасаясь к ветвям, и лежит как ни в чем не бывало* (Л.К. Чуковская, Спуск под воду).

Настоящие наречия малой степени *немного, чуть-чуть, капельку* не могут употребляться в этих контекстах. С другой стороны, *еле* и *едва* невозможны в позитивных контекстах градуируемых предикатов, типичных для наречий степени, ср. *немного ⟨чуть-чуть, капельку⟩ старше*, но не **еле ⟨едва⟩ старше; немного ⟨чуть-чуть, капельку⟩ устать*, но не **еле ⟨едва⟩ устать*.

Чуть и *слегка* занимают промежуточную позицию – они возможны и с имплицитным отрицанием, и с градуируемыми предикатами.

Таким образом, все синонимы этой группы можно упорядочить по признаку полярности (понимаемой нами в расширенном смысле): на отрицательном полюсе будет

[15] Буквально: 'Ты думаешь, он для нее пальцем пошевельнет?'.

наречие *почти не*, за ним *еле* и *едва*; затем – промежуточное, но все же тяготеющее к нейтральному наречие *чуть*, затем *слегка*, потом еще более нейтральные наречия *чуточку*, *капельку*, и, как ни странно, редуплицированная лексема *чуть-чуть*[16] и, наконец, совершенно нейтральные наречия – *немножко* и *немного*. Ср. следующие примеры:

(64а) *Ну кто же вытирает стол сухой тряпкой, ты же ее почти не ⟨еле, едва⟩ смочила!* – отрицательная полярность.

В этом негативном контексте невозможны нейтральные наречия:

(64б) **Ну кто же вытирает стол сухой тряпкой, ты же ее чуть ⟨чуточку, капельку, чуть-чуть, слегка, немножко, немного⟩ смочила!*

Для них естествен контекст утверждения:

(64в) *Надо чуть ⟨чуточку, капельку, чуть-чуть, слегка, немножко, немного⟩ смочить хлеб сладкой водой перед тем, как ставить его в печь.*

Ср. также следующие фразы:

(65а) *Он вытер стол еле ⟨едва⟩ смоченной тряпкой.*

(65б) *Он вытер стол чуть смоченной тряпкой.*

Фраза (65а) выражает обманутые ожидания и неудовольствие говорящего. Ничего подобного во фразе (65б) нет. Это различие свидетельствует о том, что в значении наречий *еле 2* и *едва 2* присутствует некая модальная рамка, привносимая их отрицательной полярностью; предварительно ее можно сформулировать как 'X почти не имеет места; говорящий считает, что X должен был бы иметь место в более высокой степени'. Существование этой модальной рамки объясняет некоторые факты сочетаемости, отмеченные в работе [Апресян 1995], а именно, невозможность для *еле* и *едва* сочетаться с частицей *все-таки*. Ср. неправильность

(66а) **Старая краска все-таки еле ⟨едва⟩ заметна,*

при правильном

(66б) *Старая краска все-таки чуть ⟨чуть-чуть, немного⟩ заметна.*

Модальная рамка *еле* и *едва* вступает в противоречие с модальной рамкой *все-таки*, которая в цитируемой работе толкуется как 'X, и говорящий считает, что в данной ситуации более вероятен не X'. У *чуть, чуть-чуть, немного* модальной рамки нет, и поэтому они свободно сочетаются с *все-таки*.

По этой же причине *еле* и *едва* не сочетаются с частицей *хоть*; ср. невозможность

(67а) **Хорошо, что печка хоть еле ⟨едва⟩ теплая,*

при возможном

(67б) *Хорошо, что печка хоть чуть-чуть ⟨немного⟩ теплая.*

Хоть имеет примерно следующее значение: 'имеет место некоторая степень X-а; эта степень невелика; говорящий хочет, чтобы был X; говорящий считает, что в данной ситуации более вероятен не X; поэтому говорящий доволен, что X имеет место; говорящий был бы более доволен, если бы X имел место в большей степени'. *Хоть* предполагает благодарность говорящего за то, что X имеет место, даже в небольшой степени, так как говорящий и этого не ожидал; *еле* и *едва* предполагают недовольство говорящего, так как он ожидал, что X будет иметь место в большей степени, чем это на самом деле произошло.

5.2. Сочетаемость *еле 2, едва 2* и *чуть 1* с временными наречиями *еще* и *уже*.

Рассматриваемые наречия различаются по той интерпретации, которую они навязывают временным наречиям *еще* и *уже*. Ср.

(68а) *Когда мы пришли, печка была еще еле ⟨едва⟩ теплая* ≈ 'Когда мы пришли, печка была слабо теплая; вскоре она должна была стать более теплой'.

(68б) *Когда мы пришли, печка была еще чуть теплая* ≈ 'Когда мы пришли, печка была слабо теплая; вскоре она должна была перестать быть теплой'.

---

[16] См. об этом ниже.

(69а) *Когда мы пришли, печка была уже еле ⟨едва⟩ теплая* ≈ 'Когда мы пришли, печка была слабо теплая; вскоре она должна была перестать быть теплой'.

(69б) *Когда мы пришли, печка была уже чуть теплая* ≈ 'Когда мы пришли, печка была слабо теплая; вскоре она должна была стать более теплой'.

Из этих примеров видно, что *еще* и *уже* меняют свою интерпретацию на прямо противоположную в зависимости от того, употреблены ли они с наречиями *еле* и *едва* или с наречием *чуть*. В контексте *еле* и *едва* наречие *еще* обозначает примерно следующее: *еще еле ⟨едва⟩ Р* ≈ 'Р почти не имеет места; в будущем Р будет иметь место в большей степени'. В контексте *чуть* (а также *чуть-чуть, немного, слегка*) наречие *еще* имеет примерно следующий смысл: *еще чуть Р* ≈ 'Р почти не имеет места; в будущем Р вообще перестанет иметь место'. С *уже* все наоборот: в контексте *еле* и *едва* получается интерпретация 'Р почти не имеет места; в будущем Р вообще перестанет иметь место', а в контексте *чуть* – 'Р почти не имеет места; в будущем Р будет иметь место в большей степени'.

Рассмотрим причины этого интерпретационного различия. Значения наречий *еще* и *уже* можно огрубленно сформулировать как, соответственно, 'в некий момент имеет место ситуация Р; естественно думать, что в близком будущем будет иметь место не Р' (для *еще*) и 'в некий момент имеет место ситуация Р; естественно думать, что в недавнем прошлом была не Р'[17] (для *уже*).

При сочетании с наречием *чуть* и другими нейтральными наречиями смысл *еще* и *уже* не меняется (см. выше). При сочетании же с *еле* и *едва* интерпретация меняется на противоположную. Это связано с отрицательной полярностью *еле* и *едва*, с наличием отрицания в их значениях. *Еле* и *едва* навязывают *еще* и *уже* ту же интерпретацию, что и эксплицитное отрицание, ср.:

(70а) *Когда мы пришли, печка была еще не теплая* (была не теплой в прошлом и будет теплой в будущем).

(70б) *Когда мы пришли, печка была уже не теплая* (была теплой в прошлом и не будет теплой в будущем).

В своем первом значении *еле* и *едва* также содержат имплицитное отрицание и при сочетании с наречиями *еще* и *уже* обнаруживают те же свойства (впрочем, некоторая отрицательная полярность свойственна и другим синонимам той группы – *с трудом, насилу* и *чуть 2*). Ср. литературные примеры с *еле 1* и *едва 1*:

(71) *Когда Мура вернулась, он все еще едва стоял на ногах* (Н. Берберова, Железная женщина) ≈ 'в будущем его состояние улучшится'.

(72) *Врач сказал: Может день, может два. / Он и счас уже дышит едва. – Врач сказал "Ай-ай-ай, вот те раз! / А больной-то, братцы, помер у нас* (А. Галич, Смерть Ивана Ильича).

Специфическая сочетаемость рассматриваемых наречий с временными наречиями *еще* и *уже* упоминается в работе [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993], однако только для наречия *едва* и только в контекстах слов восприятия типа:

(73) *Горы стали едва заметны.*

5.3. Коммуникативные свойства *еле 2, едва 2* и *чуть 1*.

Еле 2, едва 2 и *чуть 1* отличаются от *еле 1, едва 1* и *чуть 2* тем, что могут входить в тему, ср.:

(74) *Еле ⟨едва, чуть⟩ заметная улыбка появилась на его лице.*

Впрочем, для *еле* и *едва* позиция темы становится возможной только в тех контекстах, где нейтрализуется свойственная им отрицательная оценка, как в примере (74). Подобно *еле 1, едва 1* и *чуть 2*, наречия *еле 2, едва 2* и *чуть*

---

[17] Мы сознательно не используем прекрасные тонкие толкования этих наречий, предложенные в работе [Богуславский 1992], так как нашу мысль удобнее проиллюстрировать с помощью более грубых семантических представлений.

1 не могут быть самостоятельными ремами, ср. невозможность:

(75) **Он улыбнулся ↓еле ⟨едва, чуть⟩.*

Однако редуплицированные лексемы *еле-еле 2, едва-едва 2* и *чуть-чуть* могут формировать самостоятельные ремы, ср.[18]:

(76) *Надо подрумянить пирог совсем чуть-чуть.*

(77) *Ветер дул едва-едва.*

(78) *Фрося не стала чистить зубы; она умылась еле-еле, поплескав немного водою в лицо* (Фро, А. Платонов).

С *чуть* при редупликации происходит неожиданная семантическая трансформация – усиливается не только смысл 'малая степень', но и смысл 'иметь место', и поэтому наречие *чуть-чуть* менее негативно по сравнению с *чуть*. С *едва* и *еле* такого не происходит, так как они слишком негативны, и их негативность при редупликации увеличивается, они еще дальше сдвигаются в сторону отрицательной полярности.

В зависимости от коммуникативной позиции у наречия *чуть-чуть* и других ненегативных наречий (*немного, слегка* и пр.) акцентируется либо положительный, экзистенциальный смысл 'иметь место', либо отрицательный смысл 'малая степень'. Когда эти наречия формируют рему вместе с глаголом, акцентируется смысл 'иметь место', ср.:

(79а) *– Он картавит? – Немного ⟨слегка, чуть-чуть⟩ ↓картавит (немного, слегка, чуть-чуть* – часть ремы, смысл 'иметь место, существовать')[19].

Когда эти наречия образуют самостоятельную рему, то акцентируется смысл 'малая степень':

(79б) *– Он картавит? – ↓Немного ⟨слегка, чуть-чуть⟩ (немного, слегка, чуть-чуть* – самостоятельная рема, смысл 'мало, слабо'.

Ср.: также *Часто не так больно со всего размаху удариться головой о притолоку, как чуть-чуть, легонько дотронуться до наболевшего, натруженного места* (Л.Н. Толстой, Детство. Отрочество. Юность), где акцентируется смысл 'малая степень'.

Эта зависимость экзистенциальной или степенной интерпретации от коммуникативной позиции была отмечена для слова *немного* в работе [Булыгина, Шмелев 1988].

Указанное различие в интерпретациях подобно разнице в парах *a little–little, a few–few* в английском языке, где первая лексема в паре акцентирует смысл 'существование', а вторая – смысл 'малая степень'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. М., 1995.

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1993 – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Богуславский И.М. 1992 – Соотношение значения и сфер действия в темпоральных употреблениях слов *еще, уже* и *только* // Slavistische Beiträge. Bd. 292. München, 1992.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1988 – Референция и проблемы квантификации // Логический анализ языка. М., 1988.

Гловинская М.Я. 1982 – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Шмелев А.Д. 1993 – "Хоть знаю, да не верю" // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

Bolinger D. 1972 – Degree words. The Hague; Paris, 1972.

Lyons J. 1977 – Semantics. Cambridge; London; New York, Melbourne, 1977.

McCawley J. 1968 – Lexical invention in a transformational grammar without deep structure // Darden B.I., Bailey C.I.N., Davidson A. (Eds.). Papers from the fourth Regional Meeting of CLS. Chicago, 1968.

McCawley J. 1988 – The syntactic phenomena of English. Chicago, 1988.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. 1982 – University grammar of English. Moscow, 1982.

---

[18]См. об этом также [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993].

[19] Для *чуть* такое экзистенциальное употребление нехарактерно, ср. странность ?? *– Он картавит? – Чуть картавит.* Поэтому утверждается, что *чуть-чуть* обладает большей положительной полярностью, чем *чуть*.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1997

© 1997 г. А.Н. Шаламова

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVII вв.: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

(по материалам авторских томов)

1. ВВЕДЕНИЕ

Необходимость создания полного исторического словаря русского языка назрела давно. К настоящему времени для всех европейских (и многих неевропейских) языков, имеющих большую культурную традицию, исторические словари составлены или составляются. Трудность выполнения этой задачи применительно к русскому языку, как это ни парадоксально, определяется в значительной степени грандиозностью письменного наследия, оставленного столетиями развития русской культуры. Огромная масса памятников письменности остается доныне неопубликованной; имеющиеся издания, за исключением нескольких, выполненных лингвистами (преимущественно в последние десятилетия), не снабжены словоуказателями.

Обязательное условие для создания словаря – наличие картотеки с возможно более полным охватом памятников письменности и максимально возможным отражением их лексики во всех ее семантических оттенках. Картотека древнерусского словаря (далее – картотека ДРС), хранящаяся ныне в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, составлялась усилиями нескольких поколений ученых начиная с 1925 года; начало этой работы было положено академиком А.И. Соболевским. Специфика исторических условий, в которых создавалась картотека, определила некоторые ее особенности: преимущественное внимание к памятникам деловой и бытовой письменности и зарождающейся светской литературы, весьма неполное отражение лексики переводной богослужебной, богословской, гомилетической, аскетической и агиографической литературы, почти полное игнорирование текстов Священного писания; частичное исключение в этом отношении составляла выборочно расписанная Геннадиевская библия 1499 года (без Нового завета). "Книги XII пророков" в издании Н.Л. Туницкого – в напечатанную первую часть вошли только шесть "малых пророков" – присутствуют в картотеке в чрезвычайно редких выборках; Чудовская псалтырь XI в. и Лествица Иоанна Синайского в русском списке XIII в., числящиеся в списке источников картотеки, по каким-то причинам не были расписаны. Не были даже включены в список источников Пандекты Никона Черногорца, Златоструй полной редакции; из Златоструя краткой редакции – памятника с богатейшей и интереснейшей лексикой[1], – были выборочно расписаны первые десять слов (т.е. гомилий) по публикации, подготовленной В.Н. Малининым. Евангелие, Апостол (за исключением редких выборок из изданий Г.А. Воскресенского), паремейники, рукописные Книги пророков, восходящие к оригиналу XI в., Псалтырь – важнейшие источники для понимания древне- и старорусских текстов – не нашли отражения в картотеке. Невостребованным оставалось лексическое богатство Изборника 1073 г.

[1] Полный его текст по списку XVI в. напечатан в ВМЧ за ноябрь. Сокращенные наименования источников даны по Указателю источников Картотеки СлРЯ XI–XVII вв. (М., 1984) и Дополнениям к Указателю источников, печатавшимся в т. 15 (М., 1989) и т. 20 (М., 1995) СлРЯ XI–XVII вв. При цитировании материалов СДР XI–XIV даются сокращения, принятые в этом издании.

Такая специфика картотеки неизбежно должна была сказаться на облике составляемого на ее основе словаря. Словарь русского языка XI–XVII вв., отметивший в 1995 г. свое двадцатилетие выходом в свет двадцатого и двадцать первого томов, начинался в 1963 г. как Малый древнерусский словарь (далее – МДРС) под руководством С.Г. Бархударова. Он составлялся на базе картотеки ДРС и "Материалов для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского.

В рамках МДРС был подготовлен значительный алфавитный отрезок, размеры которого позволяли приступить к изданию словаря. К этому времени стало очевидным, что под понятие "малого" создаваемый словарь не подходит: фактически составители стремились максимально полно отразить данные картотеки. С другой стороны, восполнение хронологических пробелов и пробелов в словнике МДРС за счет "Материалов" Срезневского не давало адекватной картины развития лексического состава из-за фрагментарности и как бы чужеродности данных, почерпнутых у Срезневского. Среди иллюстративных примеров наблюдался отчетливый перевес позднего материала.

При подготовке к изданию первого тома, вышедшего в 1975 г., словарь получил свое современное название и началась работа пополнения словника и обновления цитатного материала по недавно изданным Изборнику 1076 года, Синайскому патерику, Успенскому и Выголексинскому сборникам, Грамоткам, Вестям-Курантам (первый выпуск вышел в 1972 г.). Со временем этот список пополнялся вновь выходившими изданиями Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка ИРЯ АН СССР, вводились в круг наблюдений ранее опубликованные тексты со словоуказателями (Остромирово евангелие, Чудовская псалтырь), обязательным стал тщательный просмотр славяно-греческого словаря к Хронике Георгия Амартола (с неизбежным обращением к греческо-славянской его части – именно в ней указывается точный адрес искомых слов). Огромным приобретением для составителей стали снабженные словоуказателями и параллельными греческими текстами издания Шестоднева Иоанна Экзарха, его же Богословия, в недавнее время – Ефрема Сирина. Усилиями византологов Отдела исторической лексикологии и лексикографии ИРЯ РАН создавалась и пополнялась библиотека греческих оригиналов используемых источников (в фото- и ксерокопиях)[2]. Все это неизмеримо увеличило возможности совершенствования словаря.

При обращении к данным, приведенным в "Материалах" Срезневского, стала господствовать тенденция проверить эти данные, осмыслить их в широком контексте, подвести греческую параллель (если она отсутствовала), уточнить указанием на лист рукописи или страницу издания, а когда возможно – процитировать по изданию, отраженному в Указателе источников СлРЯ XI–XVII вв. Эта работа вела, в свою очередь, к пополнению Указателя источников новыми наименованиями.

Среди источников "Материалов" Срезневского немалую часть составляют церковнославянские конфессиональные тексты (евангелие, Книги пророков, списки Пятикнижия, Златоструи, Служебники, служебные минеи и т.п.). Правомерность использования таких текстов в словаре древнерусского языка в свое время была обоснована И.И. Срезневским (см.: [Труды 1871: CXXXV]); из недавних высказываний по этому вопросу сошлемся на формулировку В.Б. Крысько, данную в рецензии на 18 выпуск СлРЯ XI–XVII вв.: «Церковнославянская языковая стихия... вливалась в тексты, неотторжимые от собственно древнерусского языка – например, летописи – и образовывала столь сложную амальгаму с языковыми особенностями восточнославянского происхождения... что попытки расчленить "русское" и "русско-церковнославянское" для большинства источников словаря едва ли могут быть признаны перспективными» [Крысько 1994: 243].

Углубление знакомства с текстами, выборочно расписанными для картотеки ДРС, и

---

[2] Основы этой библиотеки были заложены М.И. Чернышевой, пришедшей в Отдел в 1977 г. (ныне – ученый секретарь редколлегии Словаря).

с источниками Срезневского, происходившее при обращении к ним по частным поводам, способствовало накоплению своего рода личной авторской картотеки выписок, заметок и отсылок, фиксирующих вновь найденные слова и значения; эта картотека при подготовке 11-го и 21-го выпусков использовалась наряду с словоуказателями филологически точных изданий.

Работа со словоуказателями позволяет ознакомиться с множеством случаев употребления каждого слова в разных контекстах и в соотнесенности с разными словами греческих оригиналов.

В процессе подготовки Словаря нам пришлось составить словарные статьи **бранье – бяшенина, доитися – дяфинъ, З – завръчивати, Л – лисяникъ, наметъ – нятье, образецъ – обратный, однако – околъ, П – падение, посѣдѣние – посидѣти, посилье – посильице, прошеный – рященко, С – сбытный,** вошедшие в различные выпуски СлРЯ XI–XVII вв., и участвовать в первичном редактировании значительных по объему алфавитных отрезков, составленных другими авторами.

Том 11 был подготовлен в первоначальном варианте в 1969–1971 гг. в рамках МДРС (как вторая половина буквы Н). При подготовке текста к изданию в 1982–1983 гг. автором было привлечено значительное количество дополнительных источников, использованных с различной степенью полноты. С целью выявления ранних случаев употребления слов охваченного в выпуске алфавитного отрезка, а также для пополнения словника этой части словаря были специально обследованы такие памятники, как Изборник Святослава 1073 г. и Богословие Иоанна Экзарха (Ио. екз. Бог. и ВМЧ, Дек. 1–5, ст. 141–293), полностью просматривались печатные указатели к Синайскому патерику, Чудовской псалтыри (впервые применительно к целому тому), Выголексинскому и Успенскому сборникам, к вышедшим к тому времени лингвистическим изданиям старорусских текстов, а также хранящиеся в Институте русского языка рукописные указатели к Ефремовской кормчей (к ее первому выпуску) и Печерскому патерику. По мере возможности непосредственно из текстов извлекались случаи приставочных образований с *не-*, которые не были идентифицированы издателями и не вошли в словоуказатели на букву Н[3].

Результатом указанной работы было заметное увеличение объема тома: сорок восемь авторских листов вместо запланированных и обычных для СлРЯ XI–XVII вв. тридцати пяти. Алфавитный отрезок, вошедший в 21 том, также был подготовлен автором ранее, в 1977–1979 гг. (за исключением отрезка **пята – пячати,** который был составлен в ходе подготовки к изданию тома). Сравнительно с прежним размер текста на отрезке **прошеный – раскидати** вырос в 1,5 раза – за счет источников, вошедших в обиход словаря за последующие годы, и за счет личной картотеки автора, о которой говорилось выше.

Следует отметить, что работа по расширению круга наблюдений, поиски новых путей и решений в описании материала на всем протяжении работы над 11 и 21 томами неизменно встречали поддержку со стороны главного редактора словаря Г.А. Богатовой – условие, без которого нормальное научное творчество в столь регламентированной области, как лексикография, было бы невозможно.

2. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВА

Работа по формированию словника 11 тома постоянно ставила исследователя перед вопросом о границах слова, перед необходимостью различать случаи, в которых *не* является частицей, и случаи с приставкой *не-*. Обращение к логическим критериям не давало результата – по утверждению Леви-Стросса, с которым нельзя не согласиться,

---

[3] Для ряда переводных текстов Успенского сборника такая работа была проведена с опорой на их греческие оригиналы византологом А.А. Пичхадзе, которой я приношу свою сердечную благодарность за постоянную помощь в работе с греческими и латинскими параллелями 11 тома. Пользуюсь случаем выразить свою благодарность также К.А. Максимовичу, консультанту-византологу 21 тома.

язык est un système prélogique. Наиболее надежным критерием было наличие или отсутствие противопоставления (как и в современном языке). Но в большинстве случаев, когда противопоставление отсутствовало, приходилось опираться на греческое соответствие (обычно – слово с отрицательной приставкой ἀ-), в случае оригинального текста – на лексическое окружение и синтаксическую позицию, а в позиции неразличения – на аналогию близких по значению слов, встретившихся в позиции наибольшего различения. Позиция наибольшего различения для прилагательных и существительных – а в старорусском языке было немало существительных с приставкой *не-* – это позиция в сочетании с притяжательным местоимением или вообще согласуемым определением (*каково ... придеть твое неверемя*), после предлога (*бойцу с небойцом не битися; на неустроение и на нетишину*), в косвенном падеже (*выму невѣнчалную жену, неслугами сдѣлать*), в именительном падеже после глагольного сказуемого (*приходит невремя*). Позиция неразличения – именительный падеж в составе сказуемого. В некоторых случаях такого рода могут быть полезны сопоставления системного характера. В предложении "А коли ему на бои нечасъ ѣхати, пес же тот воет ... и коня его за узду грызет" слово *нечасъ* в значении 'неблагоприятное время' входит в синонимический ряд с существительными *невремя, неверемя, непора* (в отличие от современного предикатива *не время* что-л. делать). В предложении же "невѣжда есмь и неукъ, паче же о тончайшихъ догматѣхъ невѣдокъ" (Г. Фирсов, 107) интерпретация предиката как существительного с отрицательной приставкой остается неподтвержденной, хотя в предложении ему предшествуют два таких образования, а теоретически возможно представить себе фразу типа "с невѣдоками не мудрствую".

В качестве глаголов с отрицательной приставкой в 11 том были включены только те, которые 1) употребляются преимущественно или исключительно в отрицательной форме: *ненавидѣти, незалюбити, невзберечи;* 2) имеют в этой форме особое значение, несводимое к отрицанию "положительной" формы (*небрещи*); 3) соответствуют греческим глаголам с отрицательной приставкой ἀ- и употребляются после отрицательной частицы *не,* которая соответствует обычно греческим οὐκ и μή (*невѣдѣти* 'не знать, быть в неведении', ср. *не невѣдѣти* – μὴ ἀγνοεῖν, *невѣровати* 'сомневаться, не верить', ср. *не невѣрую* – οὐκ ἀμφιβάλλω). Глагол *невзберечи* рассматривается нами как параллельное образование к *вознебрещи* со свободной перестановкой отрицательной приставки – явление, которое очень ярко выражено в предложно-падежных конструкциях существительных и прилагательных, а также в наречиях, образованных на базе таких конструкций (*неотвелика* и *отневелика, по небольшому* и *не по большому* и т.д.).

Факты постановки предлога после отрицания при существительных и прилагательных были описаны Ф. Миклошичем для старославянского языка (см.: [Miklosich 1869: 6, 7]); в соответствующем перечне им был приведен и материал из русских источников: *не на добро бывають* из Летописца Переяславля Суздальского; *пугач (филин) не к добру кричит* из Даля. С. Урбанчик описал аналогичные факты старопольского языка (см.: [Urbańczyk 1968: 285–287]), сопоставив с ними данные старочешского словаря Я. Гебауэра, который определил это явление как "тмесис, в новочешском языке необычный" [Gebauer 1970: 522]). Как свидетельствуют названные имена и даты, специфические особенности отрицательной приставки в славянских языках выявлялись и описывались лексикографами по итогам (или в процессе создания) крупных словарей (напомним, что Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum Ф. Миклошича печатался в 1862–1865 гг., а выпуски Старопольского словаря на *nie-* выходили в 1966–1967 гг.).

Для говоров русского языка подвижность отрицания *не-* отмечал Г.И. Куликовский (см.: [Куликовский 1898: 63, 64]); "передвижение" отрицания *не* в народном и литературном языке нового времени рассмотрено В.И. Чернышевым (см. [Чернышев 1927: 10–12]), хотя сам автор считал более точной формулировку "употребление сходных по

смыслу отрицательных оборотов, в которых отрицание находится в разных местах". Аналогии старорусским фактам в материалах В.И. Чернышева представлены почти исключительно диалектными и фольклорными примерами (*не в доростках был*, т.е. *в недоростках* 'подростком', *внедалеке, не в милое солдацко это платьице, не с большим 21 год*); единственным примером, в точности воспроизводящим народное словоупотребление, у автора, вполне принадлежащего сфере литературного языка, кн. Вяземского, является оборот *которому было не с большим двадцать лет*.

В Словаре русских народных говоров [СРНГ 1985: 310]) факты, относящиеся к данному явлению, отражены в словарной статье **НЕ,** *отрицательная частица*. Примеры в основном воспроизводят старые записи, но один случай: *не за послушание* 'за непослушание', судя по географической помете, принадлежит недавнему времени.

В древне- и старорусских текстах подвижность приставки *не-*, точнее, ее слабая закрепленность в качестве словообразовательного элемента, проявляется в первую очередь в том, что в предложно-падежных конструкциях наряду с широко распространенными фактами препозиции предлогов встречаются – также отнюдь не единичные – случаи интерпозиции предлога, отделяющего приставку *не-:* грѣхъ... иже ѥ не въ разумѣнии (τὴν ἐν ἀγνοίᾳ). Изб. Св. 1076 г., 164 об.; не въ окрадомѣемь лежать богатьствѣ (ἐν ἀσύλῳ... θησαυρῷ). Там же, 89 об.; не по испытанъимъ его судомь и по неислѣждению... путии его (κατὰ τὰ ἀνεξερεύνητα αὐτοῦ κρίματα). Гр. Наз. XI в., 169 и т.п.[4].

Отделяемость приставки *не-* в предложно-падежных конструкциях наблюдается в памятниках переводных и оригинальных, различных по содержанию, жанру и диалектной принадлежности. В хронологических рамках XI–XV вв. материал такого типа был выделен нами преимущественно из памятников книжно-славянского языка; с начала XVI в. появляются примеры из памятников делового языка: черезъ дорогу прямо не на дѣлавой лѣсъ. Арх. Стр. I, 137. 1509 г.; сказываетъ ... не по дружбѣ. Англ. д., 122. 1583 г. (при обычном *"по недружбѣ"*); бьетъ челомъ не въ отдачѣ иконы. АХУ II, 1085. 1682 г. (рядом: била челомъ... въ неотдачѣ хлѣба). Случаи дистантного расположения приставки в предложно-падежной конструкции отмечены для слов *небракъ, невѣдение, невходный, неглаголаный, недавный, недопашка, недовѣдѣние, незданый, нелицемѣрный, нелюбый, нелюбомудрие, неораный, непахотный, непокаянный, неполный, нерасужение, нетлачный, нетомление, нетоплый, нетщета, неустойка* и др. Обычно наряду со случаями дистантного расположения *не-* в распоряжении лексикографа имеются случаи беспредложного употребления того же слова с приставкой *не-* или предложные конструкции с препозицией предлога (ср. приведенные выше данные о словах *недружба* и *неотдача*). При составлении словарных статей в качестве документирующего материала в первую очередь отбирались именно такие очевидные случаи. Однако случается, что какое-то слово встретилось в единственном контексте с дистантным *не-:* Сѣеть бо ся въ тьлю, въстаеть не въ тьлю (ἐν ἀφθαρσίᾳ). Ио. екз. Бог., 356. XII–XIII вв.; не на дѣлавой лѣсъ (см. выше); съ судна имати съ полубленого и не съ полубленого... по алтыну. ААЭ I, 296. 1563 г.; не въ дорубѣ тѣ денги были. АЮБ III, 121. 1667 г. Имеющиеся данные об отделяемости приставки *не-* в предложных конструкциях позволяют и здесь без оговорок реконструировать исходную форму *нет(ь)ля, недѣловой, неполубленый, недорубъ*. Для переводных текстов однозначность реконструкции может быть подтверждена греческими параллелями.

В непосредственной связи с названным явлением находится вариативность словообразования наречий, содержащих отрицательную морфему *не-*, возникших на базе

---

[4] Автор полагает, что слабая закрепленность приставки может проявляться и в других типах словосочетаний, ср.: *идѣже бѣ непроходно плъкомъ Александровымъ*. Ж. Ал. Нев., 22. XVI в. ~ XIII в. и *идеже не бѣ проходно полку Александрову*. Лавр. лет., 480.

субстантивированных прилагательных и существительных с приставкой *не-: по небольшому* и *не по большому, отневелика* и *неотвелика, понемногу* и *непомногу, поневелику* и *неповелику, без невелика* 'без малого' и *небезвелика* с тем же значением, *вневѣды* и *неввѣды*, каждое с двумя значениями: 1) 'по неосведомленности' и 2) 'неожиданно', *заневѣды* с теми же значениями и *невзавѣды*, встретившееся в наших источниках один раз со значением 'неожиданно'. Источник последних четырех наречий в диалектных словарях русского и белорусского языков нам найти не удалось: в польском толковом словаре [SJP 1904: 361, 362] слово *niewiedy, -ów* присутствует с указанием на его диалектный характер один раз в самостоятельной статье, с единственным примером фразеологического характера *pleść troje niewiedy* и без определения, вторично в статье **niewid** как второе заголовочное слово, с определением 'rzecz niewidziana, niebywała, dziwo' (здесь все примеры содержат форму *niewidy* в том же или сходном фразеологическом контексте). Следует отметить, что наречия *вневѣды, неввѣды, заневѣды, невзавѣды* предполагают у исходного существительного значение 'незнание'. Примеры на эти четыре наречия принадлежат по преимуществу текстам, отражающим в той или иной мере языковые черты территориальных групп, которые находились в сфере польско-восточнославянских и белорусско-русских контактов, в связи с чем они обычно имеют в корне написание *е* в соответствии с этимологическим ѣ.

Наречие *невзавѣды* мы рассматриваем как контаминированную форму, возникшую на базе случайно не зафиксированного или исчезнувшего наречия *незавѣды* и реально существующего в текстах *неввѣды*. Основанием для такого заключения являются распространенные в памятниках того же культурного круга формы наречий, имеющих в своем составе дважды повторенный предлог[5] (ср. *вневдавнѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 237] и *невдавнѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., 11: 26, 27]), и прилагательные, включившие предлог в форму именительного падежа: из города Келна невдавные вѣсти (Куранты[1], 192). Нет сомнения, что в основе словообразования прилагательного *невдавный* лежат предложно-падежные конструкции прилагательного *недавный* с интерпозицией предлога *в* типа *не в давных днѣх* (Куранты[1], 118), *не в давных летех* (Переп. Гр. Курб., 67), которые испытывали воздействие параллельного употребления конструкций с препозицией предлога.

В текстах с книжно-славянским типом языка аналогичные рассмотренным выше словообразовательные отношения выступают в парах *вънезаапъ – невъзаапъ, вънезаапь (вънезапь) – невзаапь (невъзапь), внезаапу – невъзаапу*. Из существительных, на базе которых создались эти наречия, засвидетельствовано *незаяпъ* в предложно-падежном сочетании *по незаяпу*.

В глаголах можно наблюдать подвижность *не-* относительно второй приставки: полностью совпадают по значению *занемочи* и *незамочи* 'заболеть', *разнемочися (рознемочися)* и *нерозмочися* 'разболеться'. Учитывая эту закономерность, мы реконструируем, в параллель к известному глаголу *вознебрещи*, двухприставочный инфинитив *невзберечи* для летописного текста "и не възберегоша цѣловати х҃а" (Ипат. лет. под 1147 г.), в котором обычно усматривали частицу *не* и глагол *в(ъ)зберечи* (Срз. I, 336; СлРЯ XI–XVII вв., 2, 142). Принятая нами интерпретация учитывает также семантику и словообразование глаголов *неберечи* и *небрещи*, по отношению к которым *невзберечи* выступает как глагол совершенного вида.

Третий весьма важный для лексикографической практики результат подвижности *не-* состоит в том, что при наличии двух отрицательных однородных членов отри-

---

[5] Повторение предлога перед *nie-* отмечал для старопольского языка С. Урбанчик: w nie w rozdzielnym jimieniu [Urbańczyk 1968: 287]. Редкий для русского языка случай повторения предлога приведен в работе [Чернышев 1927: 11]: *всего лишь с не с большим 21 год* (из Рыбинск. у. Яросл. губ.).

цательная приставка второго, отделяясь, сливается с союзом *и;* второй член как бы распадается на два слова: безаконьная... творять независтьно ни въздержаньно. Лавр. лет., 16 (текст восходит к переводу Хрон. Г. Амарт.: и безаконие... творять низавистьно ни въздержимо[6] – τὸ παράνομον... ἀζήλωτον καὶ ἀκώλυτον); Инъ образъ сущьству... недостижьнъ же ни довѣдьнъ (ἄληπτός τε καὶ ἄγνωστος). Ио. екз. Бог., 65; Бѣ бо ненарочьно кое дѣло, ни одьрьжимо (ἀόριστόν τι πρᾶγμα καὶ ἀπερίδρακτον). Усп. сб., 374 и др. под. В Словаре конструкции указанного типа представлены еще в словарных статьях **неотступимый, непремѣнимый, неуставный,** в статье **ни**[3] (в примере *недовѣдомъ ни домыслимъ* – ἀκατάληπτον... καὶ ἄγνωστον). Во всех этих случаях в греческом оригинале находятся прилагательные (в некоторых, не приведенных здесь, примерах – наречия) с отрицательной приставкой ἀ-, соединенные союзом καί. Отмеченное на материале предложно-падежных конструкций свойство приставки *не* отделяться, а также ясная конструкция греческих параллелей позволяют с определенностью заключить, что в сочетаниях подобного типа выступает синтаксически обусловленный позиционный вариант прилагательных и наречий с приставкой *не-*, отделенной союзом *и* от "положительной" основы и слившейся с этим *и*. Из приведенных здесь текстов, таким образом, должны быть извлечены исходные прилагательные и наречия *невоздержанно* (в заголовочной орфографии, принятой в СлРЯ XI–XVII вв.), *недовѣдный, неодержимый*. В связи с рассмотренными случаями следует отметить, что и частица *не* в предложении могла предшествовать союзу *и* (по крайней мере, в языке архаического, книжно-славянского типа): *тоже не и самъ приде изгънатъ мя, нъ женѣ въда область изгънати мя* (καὶ οὔτε). (Сл. Евсевия Алекс.) Усп. сб., 363 (в позднем русском списке данного апокрифа – XVI–XVII вв., опубликованном в Сб. ОРЯС т. 52 № 4, древний порядок частицы и союза заменен новым, существующим и в современном языке: *тоже и не самъ приде изгнати нас, но женѣ дас<ть> власть изгнати мя); да не и прочимъ ... своеа красты подадуть.* Ник. лет. X, 44. Результатом стяжения сочетания *не и ли* 'а разве не', засвидетельствованного в Ио. екз. Бог., 327, по-видимому, является воспросительная частица *нили* 'разве не'. Изложенные факты позволяют с большой вероятностью допустить, что *ни* в качестве перечислительного союза в отрицательных предложениях и в качестве усилительно-отрицательной частицы явилось результатом слияния отрицательной частицы *не* с последующим *и*. Именно такой "гибридный" характер частицы-союза делает столь затруднительной грамматическую квалификацию *ни* в словарной статье (распределение материала по рубрикам "союз" и "частица").

В заключение этой темы подчеркнем, что в древнерусских и старорусских текстах речь идет не о "сходных по смыслу оборотах, в которых отрицание находится в разных местах" [Чернышев 1927: 10], а о действительной подвижности отрицательной приставки, о ее отделяемости, не влияющей на лексическое значение слова. Объективным свидетельством семантического тождества слов и конструкций с различным положением приставки *не-* являются примеры их взаимозаменяемости в разных списках одного памятника: *на неоранѣ земли – не на оранне земли* в разных списках Печерского патерика, *въ незаяпъ приставъши* – Сл. на Вознесение Ио. екз. по Усп. сб. – *невзапь приставши* – тот же текст по сп. 1535 г.

3. СЛОЖНЫЕ СЛОВА И СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

В процессе составления словаря исследователь многократно сталкивается с проблемой разграничения сложного слова и словосочетания. Трудность в этом отношении составляют образования, имеющие в первой части наречие или падежную форму существительного: *горѣнесемо ихъ* (греч. τὸ ἀνωφερὲς αὐτῶν) Ио. екз. Бог.[1], II, 6,

---

[6] Следует отметить, что В.М. Истрин без оговорок реконструировал для данного случая прилагательное *невъздръжимъ* (см.: [Истрин 1930: 265]).

XII–XIII вв.; *злѣобразьствуеть* (греч. ἀσχημονεῖ) Патерик Син., 217, XI в.; *(бремена) неудобь носима* (греч. δυσβάστακτα) Остр. ев., 79 об., 1057 г.; *крьста образно* (греч. σταυροτύπως) Ио. екз. Бог.[1], III, 8, XII–XIII вв. (при наличии более древнего, по замечанию Л. Садник, см. [Sadnik 1983: 8], варианта krьstoobrazno в рукописи XIV в.)[7], *путьшествовати* (примеры см. в т. 21 СлРЯ XI–XVII вв.); *землимѣритель* (греч. γεομετρής) (Дамаскин. Диал.) ВМЧ, Дек. 1–5, 328, XVI в.~ XV вв.; *лжусвидѣтельный* Врем. И. Тим., 297 и др. под.

Образования такого типа в литературе нередко рассматриваются как "несобственные" сложные слова, как "соположения" (Juxtapositionsformen, juxtaposés). Степень сращенности членов в обеих категориях "несобственных" komposita зависит, по Вайану, от частоты употребления [Vaillant 1974: 753]; формальной предпосылкой превращения их в настоящие сложные слова признается объединение обоих членов главным ударением (см.: [Dickenmann 1934: 64]); Г. Пауль ставит во главу угла привычность данного образования и ощущение единства и целостности выражаемого им понятия (см.: [Пауль 1960:400]). При этом как в живых языках, так и памятниках письменности те или иные сложные единицы нередко бывают представлены в переходном состоянии. Отсюда трудность их грамматической квалификации в словаре.

В 11 том вошла значительная группа словарных статей с первым членом *неудобь-*. Основанием для этого явилось однотипное строение соответствующих образований: во второй их части в большинстве случаев выступают отглагольные прилагательные с суффиксами *-им-, -ем-, -ьн-*, которые с приставкой *не-* образуют прилагательные со значением невозможности действия: *неудобьвосклонный, неудобьвосходимый, неудобьлѣчебный, неудобьносимый, неудобьплѣнимый, неудобьпостижный, неудобьсказаемый, неудобьтерпимый* и др. под. Среди примеров, возможно, присутствуют (в небольшом числе) и несращенные сочетания (например, *и великое дубие, неудобь носимо за долгость*. Патерик Печ., 117), однако к таким случаям мы не относим факты тмесиса: *И аще же неудобь всѣмъ бѣ носимъ Никонъ, то не у извержениа достоинъ*. Д. патр. Никона, 86. 1660 г.

Расчленение сложного слова, своего рода игра словом, вообще используется как выразительный прием риторического стиля: *потщася долгъ путь гнати и многъ шествовати*. Ж. Стеф. Перм. Епиф., 82. XV–XVI вв. ~ XV в. В том же житийном тексте встретился случай возвращения сложного глагола *путьшествовати* к состоянию свободного сочетания: *И кто может толь далече путь надолзѣ часто шествовати о еп҃скплѣх вещех... и о ц҃рковных управлениих*. ВМЧ, Апр. 22–30, 1051. XVI в. ~ XV в.[8].

Включение служебных слов (частиц и союзов) в словообразовательных швах сложных слов – явление нередкое, характеризующее как сращения (т.е. наречные и Kasuskomposita), так и собственно сложные слова (с соединительным гласным): *Пятеро же образьное есть се* (греч. πεντάτροπος δέ) Изб. Св. 1073 г., 223; *ср҃дце бо видець сыи* ВМЧ, Апр. 1–8, 172, XVI в.; *не же ся домышляше* (греч. διηπόρει) ВМЧ, Ноябрь 13–15, 1023, XVI в. ~ XIV в. (Ж. Ио. Злат.); *да литургисаетъ... и священно да дѣйствуетъ* Арх. Стр. I, 315–316, 1551 г.; *священно- и мнихоругатель Гришка Розстрига* Врем. И. Тим., 382, XVII в.; *внутрь же юду* Сказ. Авр. Палицына[1], 168, 1620 г.; *пока де мѣстъ* АХУ I, 944, 1688 г. и др. под.

---

[7] Ср. также *крстообразно распростирая длани свои* (греч. σταυροειδῶς) Мин. Пут., 100, XI в. и *крьста образьно распростирая длани свои* в соответствующем месте майской минеи XII в. по рукописи ГИМ Син. 166 (пример был сообщен автору М.Ф. Мурьяновым).

[8] Существование цельнооформленного слова *путьшествовати* уже в XII–XIII вв. доказывается, на наш взгляд, приставочным образованием *спутьшествовати: Гь҃ славы спутьшьствуи ти*. Никон. Панд., 144. 1296 г. Страдательное причастие *путьшествуемый* (см. [СлРЯ XI–XVII вв., 21: 61, 62]) говорит о том же (если допустить, что данный лексический элемент восходит к оригиналу XII–XIII вв.).

В общую картину хорошо вписываются многочисленные факты тмесиса в образованиях с *полу-* (см.: [Востокова 1984: 66,67]). Интересен нестандартный случай из этой области, когда между двумя членами сращения включено прилагательное – определение ко второму члену: *по полу медвеной чаркѣ* АИ III, 405 (в том же документе, на с. 404 и 405, несколько раз *по полу чаркѣ медвеной*).

Включение уточняющего имени в словообразовательный шов полноценного сложения принадлежит к числу еще более редких событий: *онъ бо [кивот] законоприатенъ, сей же Бого- Мариа приатенъ* ВМЧ, Сент. 1–13, 433 (Слово на благовещение Иоакима и Анны Иоанна Эвбейского[9]), XVI в.[10].

В 11 томе довольно значительную по численности группу (около 50) составляют образования с первым членом *низъ (низ-, нис-)*. Это глаголы (иногда с производными от них существительными), в большинстве своем имеющие прототипом греческие слова с приставкой κατα-. Формирование этих сложных слов, рано получивших статус приставочных образований (ср. антонимические пары *въсходящя и низъходящя* Остр. ев., 7, 1057 г. ; *имиже дш҃а възводится или низъводится* О молитве С.Н.Б., 401, XV в.), происходило в условиях, когда в основном сохранялась индоевропейская модель предложения OV, см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 324, 325], и позиция перед глаголом была позицией неразличения для зависимого от глагола существительного, омонимичного ему наречия и образующейся на основе последнего глагольной приставки. Несомненное наречие *низъ* мы сочли возможным выделить только в поствербальной позиции (см. словарную статью **низъ**[2]). Сохранение и развитие (фонетическое и семантическое) образований этой группы на протяжении семи столетий позволяют рассматривать их как цельнооформленные лексические единицы.

В 21 том вошло слово *путь* и его производные. Большой интерес представлял для нас ход развития сложных слов с первой основой *пут-, пут'-* (*путешествовати; путешествие* с древними вариантами *путошьствье, путьшествие; путедѣлецъ* и *путьдѣлецъ* и т.п.). Наличие формы вин. падежа *путь* в первой части слова *путьшествие* убедительно объяснено А. Вайаном как результат глагольного управления отглагольного существительного (см.: [Vaillant 1974: 750]). Аналогичным образом были оформлены первоначально и сложения *путьдѣльци, путьстроици*. В поисках древних вариантов пришлось обращаться к рукописям. Очень интересной в этом отношении оказалась рукопись Истории иудейской войны Иосифа Флавия МДА № 12 XV века (условное сокращение в Словаре – Флавий. Полон. Иерус.[3]). Здесь буква *т* в подобных образованиях не выносится в надстрочное положение, как в опубликованном В.М. Истриным Волоколамском списке, а присутствует в строке вместе с последующим *ь: путьстроиници* (л. 530 об.), *путьдѣлци* (л. 493). В Архивском списке (в нашем обозначении – Флавий. Полон. Иерус.[1]) – *путьдѣлци*, в Виленском списке (Флавий. Полон. Иерус.[2]) – *путедѣлници*, причем слог *ни* вписан над строкой. В соответствующих словарных статьях мы старались показать динамику развития подобных словосложений.

Что касается сложных образований с формой *пути-*, например, *къ соборному путишествию* Львов. лет. I, 241 (под 1438 г.), *о путишественницѣ*[11] Басни Эзопа

---

[9] Аттрибуция данного произведения Иоанну Эвбейскому принадлежит Е.И. Серебряковой (зав. рукописного отдела ГИМ). Ею же проверены по двум рукописям Великих миней (Успенской и Царской) написания данного места; они оказались полностью идентичными и верно переданы в издании.

[10] В современном языке тмесис встречается нередко в сложных словах с числительным в первой части: *трех- и пятиэтажные дома; двух- и более основный* (о сложном слове) и т.п. Включение частицы в центр сложного слова с соединительным гласным наблюдается значительно реже, ср. *капитало- же вложения...* (из выступления кандидата на должность министра в Верховном совете СССР, июль 1989 г.); *Рыночно же общинный социализм создает фикцию человеческой самодеятельности.* Новый мир. 1997. № 3. С. 165.

[11] К сожалению, последний случай не нашел отражения в 21 томе СлРЯ XI–XVII вв., так как попал в поле зрения автора уже после выхода книги в свет.

(рукопись РГБ, Тихонр. № 229), л. 264, XVII в., то они входят в особый класс событий, который требует описания.

Помимо сращений, включавших изначально падежную форму существительного в первой части (*как путьшествие, братучадъ* и т.п.), в древне- и старорусских текстах встречается немало образований вторичного порядка, которые возникли как результат распадения книжного сложного слова под пером переписчиков. Нам представляется в высшей степени вероятным, что процесс переразложения сложных слов, чуждых живому народному языку по внутренней структуре, отмеченный в современной диалектной речи (см.: [Мокиенко 1975: 214, 215]), мог иметь место на всем протяжении истории русского языка. Можно указать немало примеров Kasuskomposita (или менее тесных лексических объединений – степень связанности не поддается определению), имеющих в памятниках параллельные (и более распространенные) образования с соединительным гласным (бо́льшая древность последних в ряде случаев просматривается по текстам[12]). Ср. *богуотьць... Давыдъ* Купр., 38, XIII в. и *богоотьць* (примеры см. в СДР XI–XIV, 1: 264); *злупоминание* Кир. Тур. (К.), 90, XIII в. ~ XII в. и *зълопоминание* СДР XI–XIV, 2: 420 (обширная статья; в числе примеров и текст из Кирилла Туровского по другому списку, где читается *злопоминание*); *свѣтуобразьны быша* Мин. сент. 0147, спп. XII и XII–XIII вв. и *свѣтообразьныи* Срз. III, 294 (примеры XI–XIII вв.); *богу мерзкие дѣла творятъ* АИ, I, 167, XVI в. и *богомьрзъкыи* СДР XI–XIV 1: 261–262 (примеры – с 1280 г.); *побѣдѣносьць* Гр. Наз., 213, XI в. и *побѣдоносецъ, побѣдоносьць* СлРЯ XI–XVII вв.; *свѣтадатие* Панд. Ант.[1], XI в. и *свѣтодатие* Мин. ноябрь, 376, 1097 г.; *кровипролитие* Псков. II лет., 272 (в рукописи написано слитно на общем фоне раздельных написаний слов: *и многие битвы бы́ша и кровипроли́тие и хр҃стияномъ грабле́ние и пригородам и всякие великие шко́ты псковичам*); ниже по тексту *кровопролитие: Того же году много смуты было и кровопролитие по правдѣ и по неправдѣ*.

В приведенных примерах форма первого члена сложного образования определяется его смысловой и грамматической зависимостью от второго члена. Иная картина наблюдается в следующей группе случаев, где первый член дублирует форму второго, т.е. когда его грамматическое оформление зависит от положения целого в синтаксической цепи.

Случаи параллельного словоизменения обеих частей сложного образования наблюдаются в позиции род. падежа (и род. = вин.): *сътвори убо Бг҃ъ чл҃ка... права, добра̀волна* (греч. ἐνάρετον) ВМЧ, Дек. 1–5, 198, XVI в.; в более раннем списке того же текста – *добровольна* (см. Ио. екз. Бог.[1], II, 84); *не языка ищеть добраглаголива Бъ҃, ни словесъ сложения* ПНЧ 1296, 109–109 об. (СДР XI–XIV, 2: 483); *ревнителя Господня и милостива и нищалюбьца Стихирарь,* 38, XII в. (СлРЯ XI–XVII вв., 11: 388) при наличии форм именительного падежа *нищелюбець* (см. там же, 389); *краяуголнаго камени* (СДР XI–XIV, 4: 199) при *камень краеугольный, краиугольный* в им. и вин. пад. (СлРЯ XI–XVII вв., 8: 7, 8); *не хотя видѣти крове пролитья* Лавр. лет., 401; *негли себелюбца сътвори* (греч. φίλαυτον) Хрон. Г. Амарт., 31, ср. *самолюбьци* (греч. φίλαυτοι) Пч., 395; *не сребралюбива* Никон. Панд.[1], 55 об., XIV в.; *сына убо (имущи)... могуща державѣ скифетраправления* Врем. И. Тим., 368, XVII в.;

в позиции вин. падежа: *приимъшемъ съмьртьносъну язву* Псалт. Чуд.[1], 155, XI в. (ср. там же, 28: *съмьртоносьну на ны казнь наносяштемъ*); *немл҃ствъ есть на кровьпролитье* Лавр. лет., 155 (Ипат. лет., 143: *на кровопролитье* в том же эпизоде), ср. примеры на *кръвопролитие* в СДР XI–XIV, 4: 308;

в позиции дат. падежа: *не радуется крови пролитью* Лавр. лет., 306 (под 1138 г.); то же – Ипат. лет., 301; *кровопролитью* – в двух списках XV в. (см. подстрочные

---

[12] Ср. сказанное выше о соотношении *крьстообразно* и *креста образьно*.

варианты в Лавр. лет., 306); *къ соборному путишествию* Львов. лет., I, 241 (под 1438 г.);

в позиции местного падежа: *о путишественницѣ* Басни Эзопа, 264, XVII в. (рукопись последней четверти XVII в., перевод – 1608 г.); *въ... путишествиѣ утружьшимся* Врем. И. Тим., 275, XVII в.

Механическое дублирование в первом члене грамматической формы целого представлено в вин. мн. *новыгородки* (см. СлРЯ XI–XVII вв., 11: 394, словарная статья **новгородка**). Форма *мужѧубиства*, передающая греч. ἀνδροκτασίας (Изб. Св. 1073 г., 115 об.), могла бы иметь грамматическое объяснение, однако без сличения разных списков памятника делать какие-либо выводы преждевременно.

Не принадлежат к Kasuskomposita часто встречающиеся формы от наименования *Златаустъ(и)*, как и прилагательные *дъвѣстьствьныи* (см.: [Вялкина 1964: 100]), *шестькрилатъ* и т.п, которые образованы присоединением адъективного суффикса к словосочетаниям (ср. *злата уста, дъвѣ естьствѣ, шесть крилъ*).

Деструкция сложных слов с соединительным гласным происходила, как видно из примеров, под пером отдельных переписчиков и не определяла общей картины их функционирования в литературном языке. Вместе с тем подобные случаи многое говорят о жизни языка в целом, и отражать их в словаре весьма желательно. На алфавитном месте должна находиться отсылка от "нестандартной" формы к общераспространенной, ср. отсылку **"злупоминание** см. **злопоминание"** в 6 томе СлРЯ XI-XVII вв. В статье же **злопоминание** такая форма – в идеальном случае, когда имеются разночтения по ряду списков – могла бы быть помещена в качестве варианта после цитаты с нормальным видом заголовочного слова, например, форма *злупоминание* с указанием ее источника после выходных данных К. Тур. XII сп. XIV (см. [СДР XI–XIV, III: 420]).

Ввиду изложенного, словоформа *(о) путишественницѣ* должна находиться в статье **путьшественикъ** или **путешественникъ** (последнее для конца XVII в. более вероятно), а на алфавитном месте *путишеств-* – отсылка "см. **путешеств-, путьшеств-**" (в соответствии с выбранным оформлением заголовочного слова словарной статьи).

4. ПРОБЛЕМА РАЗВИВАЮЩИХСЯ КАТЕГОРИЙ

Сложными для лексикографической обработки оказались слова, которые на протяжении рассматриваемого периода формировали и пополняли категорию предикативов; некоторые из них превращались в слова из словосочетаний (напр. *нѣльзѣ, нѣколи*[2] и т.п.). В словарных статьях **нѣ-**[2], **нѣсмь, нельзѣ** (с поздней орфографией первого заголовочного слова) сделаны попытки показать ход этих процессов.

В 11 томе принята и применена к обширной категории слов помета "в сост. сказ." (вместо прежней "в знач. сказ."). Она заменяет указание на часть речи при предикативных формах на *-о*, а также при словах иного образования, которые употребляются исключительно в составе сказуемого (типа *нѣгдѣ*[2], *нимака, нивскуюже*). В случае если имеется омонимическое наречие, словарная статья делится на две рубрики:

НЕВѢРНО. I. *Нареч. Так, как свойственно "неверным", т.е. людям, не знающим истинной веры.* Нецыи суть живущеи с погаными поганию, а со християны християнски, а с неверными неверно. Алф.[1], 143 об. XVII в.

II. *В сост. сказ. О наличии сомнений, спора в отношении чего-л.* О младеньцихъ подобающихъ крестити, елишьды невѣрно есть о нихъ, аще крьщени суть (ἀμφιβάλλεται). Ефр. корм., 374. XII в. Послуси имѣюще ли санъ во⟨и⟩ньству, ли начинание, ли куплю, по приятью приятни суть. Ли обрящютьс⟨я⟩ послуси незнаеми, и невѣрно будеть о послушьствѣ их, да правять судья и муками. Мерило пр., 375. XIV в. Аще ли ти невѣрно мнитца о таковых бабах, то како в дом твои притти мужику незнаму? А бабѣ всегда еи время с ними [служанками]... говорити. Дм., 74. XVI в.

Несколько слов данной категории помещены в статьях, имеющих помету "нареч.", только как употребление, с указанием их особой функции: *неблазнено, немятежно, неровно* (в связи с тем, что их определение совпадало с определением одного из значений наречия, а предикативное употребление было единичным)[13]. Помета "в сост. сказ." давалась также внутри статей на некоторые существительные, которые выступают в части своих значений в функции безлично-предикативных слов (*неволя*, знач. 2 и 5, *нужа*, знач. 4 и 14, *нужда*, знач. 8, *недоволъ*, знач. 2, *недосугъ*, знач. 2).

Помета "в знач. сказ." дана при словах *нѣтъ, нѣту, нѣтуть*, которые возможны только в настоящем времени и в изъявительном наклонении (т.е. не имеют аналитических форм времени и наклонения).

В 21 томе вопрос о способе подачи и грамматической характеристике предикативных форм на *-о* решался в принципе аналогично описанному выше, хотя и с некоторыми отличиями и, в силу самой подвижности материала, не всегда единообразно. Предикативные прилагательные подавались здесь как омонимы по отношению к наречию на *-о* и к существительному, если таковое имелось (например, **равно**[1], с., **равно**[2], *нареч.*, **равно**[3], *предик. прил. ср. р.*), что позволяло более четко показать (зрительно – с красной строки) значения таких предикативных слов. В статье **разумно**[2] грамматическую помету пришлось развернуть в грамматическое описание: **Разумно,** *прил. ср. р. В сост. сказ., соотнесенного с придаточным предложением и употребленного безлично*. К такой развернутой характеристике вынуждало разнообразие условий функционирования слова. С другой стороны, в статье **рано,** ввиду трудности провести хронологический рубеж между винительным времени и развившимся из него наречием, а также между предикативом-существительным и предикативом-наречием, все употребления слова – субстантивные, наречные, в функции именной части сказуемого – были даны в одной словарной статье **рано,** *с. и нареч.* с единственным принципом членения – семантическим (употребления в составе сказуемого оговорены без вынесения их в отдельной блок)[14].

11 том чрезвычайно насыщен прилагательными, которые составляют 46,39% его словника[15] (в абсолютных цифрах – 2095 случаев при общей численности словарных статей 4516). Из этого количества большая часть – 1836 случаев, или 87,6% – приходится на алфавитный отрезок **не – неятье,** занимающий 79% объема тома. На этом отрезке бесприставочные прилагательные составляют ничтожную долю: это производные от заимствованных слов (*негольный* 'лиственничный', *нельмежий, нерпичий, нерповый* и *нерпяный*) и несколько прилагательных с -ѣ- в корне (*нѣмецкий, нѣмой* и *нѣтный*), во всех же прочих случаях в составе прилагательных присутствует приставка *не-*, иногда принадлежащая первой основе сложного слова, как в словах типа *нетлѣннолюбный, неудобопремѣнный* (δυσμετάβλητος), *неудобьподвижный* (δυσκίνητος), в большинстве же случаев самостоятельно участвующая в словообразовании прилагательного, и приставка *недо-*.

В этой массе прилагательных обращает на себя внимание значительный удельный вес отпричастных и отглагольных образований; некоторые (типа *небѣленый, невершеный*) вполне укладываются в рамки причастных значений; другие представляют

---

[13] По недоразуменно наречие *невѣдомо*, четко противопоставленное предикативу *невѣдомо*, оказалось в словарной статье с общей пометой "в сост. сказ." (под номером 2) и даже не получило своей грамматической пометы.

[14] В 22 томе, который готовился к печати в 1995–1996 гг., впервые введена интерпретация некоторых форм на *-о* как форм прилагательного, имеющих как наречное, так и субстантивное употребление: **рѣденько,** прил. ср. р. 1. Как наречие... 2. В функции сущ. *О жидкой похлебке (т.е. вообще о несытной, скудной пище)*. Предикативные прилагательные на *-о*, в отличие от обычных согласуемых кратких прилагательных выступающие всегда в форме среднего рода (в односоставных и двусоставных предложениях), даются с пометой *предик. прил. несогл.* (см. словарные статьи **родко, ровно**[2]).

[15] В 21 томе – 19%.

собой передачу греческих глагольных прилагательных: *невозвязаный* (ἄδετος), *невопрязеный* (ἀπειρόζυγος), *невписаный* (ἄγραφος), *невселеный* (ἀνοίκητος), *невсѣяный* (ἄσπορος), *недвигныйся* (ἀκίνητος), *невозримый* (ἀόρατος), *невоздремаемый* (ἀκοίμητος), *небранимый* (ἀνεμπόδιστος) и т.п.; третьи передают значение невозможности действия: *неизглаголаный, неизглаголемый*. Прилагательные с этим значением нередко образуют синонимические группы (дублеты и триплеты) между собой и с прилагательными собственно адъективного образования: *недвигомый – недвижимый – недвижный, недѣлимый – недѣльный* (см. **недѣльный**[4]), *недовѣдомый – недовѣдимый – недовѣдный, недостижимый – недостигомый – недостижный, невмѣстимый – невмѣстный, невозборимый – невозборный, невозбранимый – невозбранный, невозвратимый – невозвратный, невредимый – невреждённый – невредный, негасимый – негасный* (род. п. *негаснуща*), *неиз(д)реченный – неиздрочьный, незаходимый – незахожденный – незаходяй, неудержа(н)ный – неудержимый – неудержный* и т.п. При этом можно наблюдать безразличное к залоговым отношениям употребление причастных суффиксов, ср. *негиблющий* и *негиблемый; негашущий* и *негасимый; недремлющий* и *недремаемый, недреманный; неувядомый* и *неувядущий; невядомый* 'неувядающий'; *невостающий* (сон); ср. *пьющий* 'предназначенный для питья' в 21 томе.

Как показывают материалы 11 тома, модель отрицательного отглагольного прилагательного с суффиксом страдательного причастия имела в древне- и старорусском книжном языке значительное распространение: *неглаголаный* 'тайный, не подлежащий словесному выражению' (ἄρρητος и ἀπόρρητος), *неиздреченый* 'невыразимый, сокровенный', *неислѣженый, неислѣжденый* 'не поддающийся исследованию, непостижимый' (ἀνεξερεύνητος), *неисповѣданый* 'непостижимый, сокровенный' (ἀδιάγνωστος и ἀνεκδιήγητος), *неиспытаный* 'непостижимый, недоступный для исследования' (ἀνεξερεύνητος) и др. Многие из отглагольных прилагательных этого ряда имеют параллельные образования, осложненные суффиксом *-ьн-*: *неиздреченьныи* (уже в Изб. Св. 1073 г., где присутствует и *неиздреченыи*), *несъказаньныи* (при *несъказаныи*), *неудьрьжаньныи* (Ефр. корм., Усп. сб.).

Вопрос о заголовочной форме лексем с отрицательной приставкой и суффиксом действительного причастия настоящего времени решался с той степенью единообразия, на которую давали право имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Так, при наличии в наших текстах архаической формы им. пад. м. р. типа *неусыпая(й)* эта форма выносилась в заголовок словарной статьи; при ее отсутствии давалась обычно форма на *-щий*, в особенности в тех случаях, когда в примерах в косвенных падежах выступали членные формы (формы именительного на *-щий* встречаются уже в источниках XI–XII вв.: *огнь негашуштии, нецѣлѣюштии недугъ* – Изб. Св. 1073 г., 89 об. и 172 об.; *неблудящий наставникъ* – Усп. сб., 168). В тех же словарных статьях, где помещение в заголовочной строке формы на *-щий* представлялось неоправданной модернизацией или шло вразрез с наречной функцией лексемы, в заголовке давалась реконструированная форма им. падежа ед. числа архаического типа; если правомерность реконструкции вызывала сомнение, такая форма заключалась в квадратные скобки: [**Непады**].

5. ЗАГОЛОВОЧНОЕ СЛОВО. ЛЕКСЕМЫ И ВАРИАНТЫ

В вопросе об основной форме слова в заголовочной строке мы руководствовались стремлением избежать создания рукотворных, искусственных форм. Вопрос о написании первого заголовочного слова для той или иной словарной статьи решался в каждом случае отдельно, с учетом зафиксированных в текстах XI–XVII вв. написаний (искажения реальной картины возможны, впрочем, за счет старых публикаций, в которых орфография памятников "подправлялась" в соответствии с действующими грамматическими правилами). Для облегчения поисков слова в словаре от всех его вариантов,

входящих в заголовочную строку[16], давались отсылки к основному заголовочному слову статьи, в которой эти варианты представлены. Слова, которые имели в одном из начальных слогов редуцированный и в поздней модификации не зарегистрированы, даются на алфавитном месте, которое диктуется древним написанием (напр., *необьмьный* 'непостижимый').

Буква **Р**, состоящая в основном из приставочных образований, представляет специфические трудности для лексикографического описания. В особенности трудно отразить в пределах одной словарной статьи развитие слова во всем многообразии его вариантов на протяжении семи столетий, поскольку к концу рассматриваемого периода неизмеримо возрастает жанровое и стилистическое разнообразие текстов, становится весьма заметной формальная дивергенция русских и церковнославянских вариантов слов (при продолжающемся сосуществовании в пределах одной словоформы элементов того и другого типа), вырабатываются иные принципы орфографии, в результате чего слово, сохранившееся на протяжении всего рассматриваемого периода, воспринимается нередко только как продолжение своего древнего предшественника, а не как то же самое слово.

Стремясь дать наиболее полную картину развития слов и их стилистических вариантов, мы вынуждены были в подаче материала допустить ряд условностей, представляя в разных статьях то, что в принципе, возможно, принадлежит развитию одного слова. Так, в разных статьях даются варианты типа *раздрушати* и *разрушати*, находящиеся в отношениях дополнительного распределения на хронологической шкале (в XV–XVI вв. *раздрушати* иногда выступает с окраской подчеркнутой архаизации и славянизации), и варианты типа церковнославянского *раждати* и русифицированного *ражати* (в поздних текстах делового и бытового характера написания *ражала, ражает* будут соотноситься с восточнославянским *рожать*). Двойственность трактовки некоторых лексических единиц поддерживается их устойчивой связью с церковнославянской традицией.

Выполнение предписанного инструкцией разделения русских и церковнославянских дублетов в ряде случаев оказалось неразрешимой задачей. Так, глагол, известный ныне с инфинитивом *разжечь*, в отдельных словоформах, засвидетельствованных памятниками письменности с XI по XVII век, мог иметь самые разнообразные комбинации церковнославянских и восточнославянских фонетических признаков: *-о-* в приставке соединялось с *-жд-* на стыке приставки и корня (напр. *рождьженьими* наряду с *раждьженьими* и *рожьженьими*), приставка, написанная по церковнославянским образцам через *-а-* – с одиночным *-ж-*, возникшим в результате ассимиляционных процессов восточнославянского характера (аорист *ражьже, ражьжено, ражеглъ бяше*); в поздний период, в XVI и XVII вв., появляются написания по морфологическому принципу, не отражающие результатов ассимиляции (напр., аорист *разжеже*). Взаимопроникновение восточнославянских и церковнославянских элементов в пределах словоформы не позволило выделить в отдельные статьи глаголы *раждещи, ражещи, разжечи* – все варианты инфинитива с соответствующими им формами первого лица были даны в одной заголовочной строке: **РАЖДЕЩИ, раждегу** и **раждьгу, РАЖЕЩИ, ражьгу, РАЗЖЕЧИ, разожгу** (тж. **РО**-)[17].

Глаголы, имевшие формы инфинитива, достаточно четко противопоставленные по фонетическому облику (напр., *разврещи* и *раз(роз)веречи*), в спрягаемых формах не поддавались однозначному распределению между этими инфинитивами; столь же трудно было определить принадлежность аористов типа *разверже*, которые могли быть

---

[16] В 21 томе в заголовочной строке не давался исчерпывающий список вариантов, но все реально встретившиеся в цитатах варианты учитывались в отсылках.

[17] Написание **раздещи** (как и **раздещися** в статье на возвратный глагол), также присутствующее в цепочке инфинитивов, должно было быть заключено в круглые скобки (как орфографический вариант). На эту погрешность (отсутствие скобок при указании варианта) обратил наше внимание В.Б. Крысько.

связаны с инфинитивом *раз(роз)вергнути;* эти сложные взаимоотношения реально функционирующих в текстах глагольных форм вынуждали к объединению столь разных инфинитивов.

Другим источником трудностей в определении основной заголовочной формы той или иной словарной статьи были исторические изменения, в результате которых облик слова менялся под влиянием аналогических факторов, фонетических процессов и фонологических сдвигов, изменений морфемного членения слов в сознании носителей языка, смены принципов орфографии на протяжении веков. Так, древнее *разяти* и относительно позднее (с XV в.) *разъяти* рассматриваются как разные слова.

В алфавитном отрезке на *рас-* слова с одиночным *с* на стыке приставки и корня, начинающегося этой фонемой (типа *расѣлина, расѣдатися* и т.п.) будут рассматриваться на алфавитном месте *расс...* (в 22 томе), если есть параллельная (более поздняя) форма с двойным *с* (*рассѣлина, рассѣдатися* и т.п.). На алфавитных местах древних форм в этом случае даны отсылки, иногда обобщенного характера: *расв-* см. *рассв-, расѣвати* см. *рассѣвати, расѣд-* см. *рассѣд-*. Если таких параллельных форм нет в нашем распоряжении, древние формы становились предметом рассмотрения в самостоятельной словарной статье: *расѣкывати, расѣти, расѣтие*.

Поскольку нет никаких данных считать глагол *расказати* и существительное *расказъ (росказъ)* изначально двухприставочными, они были рассмотрены в словарных статьях **расказати (рос-), расказъ (рос-)** с указанием поздних вариантов типа *разсказати;* в дальнейшем, в 22 томе, аналогичным образом в статьях **распрашивати, распросъ** нами помещены слова, которые в современном языке считаются двухприставочными и пишутся с двойным *с*. Написания в старорусских текстах и – что более показательно – словообразовательные ряды *просити – вспросити – запросити, допросити* позволяют с большой вероятностью видеть в написании *распросити* одноприставочный глагол.

Мы вынуждены были пойти на некоторые потери в информативной ценности материала, связанные с почти всеобщей подачей слов с приставкой *роз-* на алфавитном месте *раз-* (исключения делались только для слов, имеющих в современном языке ударение на приставке типа *розыск*, древнее же место ударения для целого ряда слов остается нам неизвестным). Избежать этой условности было практически невозможно – разрыв слова по признаку написания *а* или *о* в приставке, который мы видим в "Материалах" Срезневского, разрушает цельность его семантической структуры. К тому же в разных формах одного слова приставка может выступать в обоих вариантах: *распяти* (повсеместно), но *роспятъ* (Изб. Св. 1073 г., несколько раз) – различие, связанное, видимо, с древними акцентными отношениями (ср. место ударения в современном языке: общелитературное *ро́здан*, диалектное *ро́спщены* 'распущены' с полной редукцией корневого гласного, *ра́спят* у Маяковского). Наименее болезненным выходом представлялось указание на наличие вариантов с *роз-* в заголовочной строке. Иногда написаний с *раз-* вообще не было в нашем распоряжении, но в заголовочной строке они регулярно давались на первом месте – на это давало право то обстоятельство, что даже в деловых текстах, в сильнейшей степени отражающих аканье, традиционное *роз-* в приставке достаточно прочно сохраняет свои позиции, ср. *розогнал, розвез, розгонял, розорил, розломал, розайтитца, роспопа* (но и *разогнал, раскрали*) в Южн. чел. XVII в.

6. НОВЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

При работе с 11 и 21 томами мы стремились полностью учесть словник "Материалов" Срезневского. Не включались в наши выпуски слова, извлеченные И.И. Срезневским из староукраинских и старобелорусских грамот, и некоторые слова с глухой отсылкой на источник (так, не было включено слово *неродство*, данное в

"Материалах" со ссылкой на Козьму Пресвитера, поскольку это слово не удалось обнаружить в сводном словоуказателе к сочинениям этого автора). В части случаев, когда не поддающийся проверке материал представлял большой интерес, мы помещали его со ссылкой на том и столбец "Материалов" Срезневского, реже – со звездочкой; материалы, заимствованные Срезневским из словаря Востокова, давались со ссылкой на этот словарь, также с указанием тома и страницы. Обращение в подобных случаях непосредственно к словарю Востокова диктуется необходимостью установить характер источника, использованного при составлении той или иной статьи. В своем Словаре церковнославянского языка Востоков использовал данные словаря Миклошича (Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Windobonae, 1850), источники которого весьма неоднородны по своей языковой принадлежности и отражают разные изводы церковнославянского языка, глубоко проникнутые национально-языковой спецификой, то есть фактически являющиеся памятниками различных славянских языков. Интересна в этом отношении словарная статья *раклъ* 'одежда', включенная в III том "Материалов" Срезневского. В цитате, в том виде как она взята у Востокова (*стяжаше себѣ убручьця пьстры и мѣшьця и раклы*), вызывает сомнение только форма *убручьця* вместо ожидаемого *убрусьця*, хотя и лексема *раклъ* воспринимается как несвойственная русскому языку. Источником словарной статьи *раклъ* оказался словарь Миклошича (см. [Miklosich 1850: 146]). В более поздней работе Миклошича [Miklosich 1862–1865: 782] цитата присутствует в сербской орфографии: *стежаше себѣ убрусце пьстры и мѣшце и раклы*, в словаре же 1850 г., которым только и мог пользоваться А.Х. Востоков, сербская принадлежность памятника может быть установлена только при обращении к списку использованных источников [Miklosich 1850: VIII], орфография же (по крайней мере в рассматриваемом случае) нормализована по старославянскому образцу[18].

Некоторые слова, включенные в "Материалы" Срезневского, оказались плодом недоразумения: существительное *невѣдь* (при сверке с фотомеханическим воспроизведением рукописи "Учения" Кирика оказалось *несъвѣдь*), *нетворь* (сличение с латинским текстом показало, что *не* здесь – отрицательная частица, связанная с глаголом: *не творю... въслѣдовавъ* – non vana secutus figmenta). Заголовочное слово статьи *нешаровьный* оказалось комбинацией частицы *не* и прил. *шаровьный* (в греч. οὐχὶ χρωμάτων τοῖς ἄνθεσιν). Результатом неверного прочтения текста издателями Софийского временника оказалось слово *неждъ* (слово *нежид* с выносным *д* было прочитано как *нежди*). Результатом описки оказалось написание *нониці* в Синодальном списке Пандектов Никона Черногорца. В некоторых случаях иное, чем у Срезневского, деление текста на слова было подсказано контекстом: *не воли ся ему слушати мене, ни азъ же послѣдовахъ дѣлом его* (в "Материалах" Срезневского из этого текста извлечен глагол *неволитися* с определением 'совершаться против воли').

При работе с 21 томом нам не удалось обнаружить в Шестодневе Иоанна Экзарха глагола *рабовати;* плодом ряда ошибок и недоразумений оказалось прилагательное *радованый* из Путятиной минеи. В Путятиной минее на л. 118 об. (В "Материалах" Срезневского – л. 117) читается: *Тя бо̄радованыими украшена, м҃це, добротами.* В "Материалах" сокращенно написанная первая основа с соединительным гласным *бо̄-* была прочитана как частица *бо* (осталось незамеченным титло). Древний переписчик превратил *богодарованыими* (в греч. θεοδότοι, в майской минее XII в. – *богоданыими*) в *богорадованыими.* Нарушение синтаксиса, выявляемое при сопоставлении с греческим текстом, имело своим результатом ошибки в трактовке лексики переписчиками и позднейшими интерпретаторами.

От цитаты на *равнозаконие,* присутствующей в "Материалах" Срезневского с глухой ссылкой на Гр. Наз. XIV в., пришлось отказаться: по данным картотеки Словаря

[18] В работе [Шаламова 1996: 33–34] подправка орфографии была ошибочно приписана А.Х. Востокову.

древнерусского языка XI–XIV вв. (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН), в которой лексика Слов Григория Богослова по сп. XIV в. учтена полностью, слова *равнозаконие* в этом памятнике не оказалось. Существительное *разъ*, заявленное в "Материалах" для двух текстов раннего периода, оказалось в одном случае продуктом неправильного словоделения (*в колицѣм разѣ* вм. *в колицѣ мразѣ* в Златоструе XII в.), в другом – результатом использования испорченного места источника: в ряде более поздних списков Богословия Иоанна Экзарха читается *с(ъ)разумѣша*, в сп. XII–XIII вв. *сьразурѣша*, причем ни одно из этих чтений не соответствует греческому (см. Ио. екз. Бог.[1], II, 46).

Помещенное в "Материалах" слово *раздѣя*, извлеченное из предложно-падежной конструкции *въ раздѣю*, также оказалось результатом порчи текста: издатель Ио. екз. Бог.[1] (II, 99) реконструирует для первоначального перевода глагольную форму *vrěždajątъ*, передававшую греч. προσβλάπτουσιν.

Неудачной оказалась реконструкция глагола *раскужати* из написания *(ни) раскожаи* (см. Александрия, 119; так и в рукописи). В Александрии второй редакции читаем *(ни) раскажаи* (см. Александрия, 211), написание же Архивской рукописи *(ни) раскожаи*, точно переданное в издании В.М. Истрина, следует признать одним из отражений аканья в языке писца.

Реконструированное в "Материалах" сочетание *розмѣньная грамота* 'грамота об обмене' со ссылкой на запись Царств. лет. под 6944 г., имеет в приведенной там цитате написание *розменные* (через *е*). В других летописях (Воскр. лет. VIII, 99; Волог.-Перм. лет., 191; Лет. свод 1497 г., 101) под тем же годом читается *розметные, разметные*, т.е. 'грамоты с объявлением войны'.

Слово *пятидесятница* в значении 'день сошествия св. духа' или 'пятидесятидневный период от Пасхи до дня сошествия св. духа' в текстах XI–XVII вв. не встречается. Пример, приведенный в "Материалах" Срезневского, основан на печатном издании нелингвистического характера. В рукописи (шифр ее удалось установить по РИБ VI) нет слова *пятидесятница*. Там читается: *В недлю •Н҃• до вечрни ясти ли* (ОР РГБ, ф. 113, № 571, л. 44), Вероятно, следует читать "в недѣлю пятьдесятную", как видно из текстов цветных триодей XVII в.

Опущено в нашем выпуске и слово *пятникъ* 'пятенщик'. В "Материалах" оно дано на основании опубликованного в ААЭ I документа (по копии) с датой 1494 г. Та же грамота, опубликованная по подлиннику в АСВР I, 215 (с исправленной датой – 1462 г.), содержит в соответствующем месте правильное чтение *пятенщикъ*.

Не включались в словарь присутствующие в "Материалах" явно испорченные слова, извлеченные из неисправных отрезков текста (напр. *ныръвьнь, неудобьникъ*).

Обычно в предисловиях томов СлРЯ XI–XVII вв. не оговариваются расхождения в определении значений слов между СлРЯ и "Материалами" Срезневского. В большинстве случаев для подтверждения сформулированного определения при цитате приводится греческая параллель к толкуемому слову, или цитата дается в более полном виде, или предлагается иное словоделение, в силу чего читателю становится ясным ход мысли составителя. Больше внимания требует такая ситуация, когда материал, давший основание для выделения какого-либо значения составителям "Материалов" Срезневского, в результате дополнительных разысканий не получает места в семантической структуре словарной статьи СлРЯ XI–XVII вв. В одном случае речь идет о трактовке глагола *раздѣлити* в выборке из Новгородской кормчей 1280 г.: *А прочее все число взимати всѣмъ людемъ, в равьную часть разделити великаго и малаго*. В "Материалах" Срезневского на основании одного этого случая глаголу *раздѣлити* приписывается значение 'оделить'. Обращение к греческому оригиналу соответствующей статьи "Закона судного людем" (приведенный текст принадлежит именно этому памятнику в его краткой редакции и повторяется в таком же чтении в Варсонофьевской и Устюжской кормчих, см. Закон судный людем. Краткая редакция.

М., 1961. С. 36, 42, 48) показало, что для подобного понимания глагола нет основания (см. [СлРЯ XI–XVII вв., 21: 5]).

Проверка по текстам позволила расшифровать сомнительные чтения, на основании которых в "Материалах" И.И. Срезневского и в "Словаре церковнославянского языка" А.Х. Востокова слову *разоръ* были приписаны значения, не оправданные с точки зрения семантики составляющих его морфем и не имеющие подтверждения в родственных словах. Значение 'распря' сформулировано на основании выборки из Златой цепи XIV в.: *да не будутъ в васъ разори* (Срз. III, 51), которая представляет собой цитату из 1 Кор. I, 10, где читается: *да не будут в вас раздори* (Чуд. Нов. завет XIV в.), *да не суть въ васъ раздори* (Толст. Апостол XIV в.)[19]. В рукописи Златой цепи (РГБ, ф. 304, № 11) интересующее нас слово написано с пропуском букв: *разри* (л. 25 об.), над строкой вынесена только одна буква *о*, видимо, в результате небрежной правки. Вообще пропуски букв и слогов в этой рукописи нередки и далеко не всегда исправлены: *взожи на нь руку* (л. 51 об.) при *възложи* на той же странице, *потквы* (вм. *потаквы*) *творяща* (л. 46 об.), *побели* с надписанным сверху слогом *ги* (л. 2 об.), т.е. *погибели*.

Значение 'позор' (Срз. III, 50–51; Вост. II, 146), по крайней мере применительно к цитате из Кн. Иова XXXIII, 23, также оказалось построенным на описке: в Библии (Рум. № 28), которая, вероятно, и была источником для А.Х. Востокова (дата XV в. ошибочна?), слово *зазор* в результате антиципации конечного *р* превратилось в *разор* (в рукописи *разорь*), очевидным подтверждением чему является написание *своа зазоры* в ближайших строках толкования (л. 220 об.); *зазоръ* читается также в соответствующем месте Книги Иова в Сборнике Волок. № 605 XV–XVI вв.: *по́вѣсть свои зазоръ* (л. 332 об.). Указание на Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского проверить было невозможно, поскольку не указано место в тексте, однако и здесь весьма вероятна описка в результате антиципации.

Необходимость проверки возникала не раз и в отношении данных картотеки и ее источников. Не говоря уже об изданиях провинциальных, как Сл. и д. II, где изобилуют опечатки (или неверно прочитанные слова), или столичных, но слабых в археографическом отношении, как Кн. гос. нар., в которых соответственно оказались (при сверке с рукописью) несуществующие слова *пьявство* (вм. *пьянство*) в Сл. и д. II, 26, *пятелька* (вм. *петелька*) в Кн. гос. нар., 103, неправильные чтения встречаются и в изданиях, признаваемых весьма авторитетными. Так обстоит дело с СГГД и Дух. и дог. гр., причем ошибки первого из этих изданий воспроизводятся во втором. Это проясненное уже в 20-е годы нашего столетия неверное чтение СГГД *попьямъ* (в Дух. и дог. гр. *п(о)пьямъ*) вм. *п(и)с(ку)пьямъ* в духовной грамоте Ивана Калиты (об этом случае писал и Унбегаун в 1935 г.)[20] и загадочное *пятетемъ* (СГГД I, 135, без конечного ъ – Дух. и дог. гр., 119), которое, по мнению авторитетного историка В.А. Кучкина, следует интерпретировать как *пять тем*. Обращение к рукописи показало, что *пять темъ* написано без всяких отклонений от нормы: после *т* в числительном стоит *ь*[21]. В копии XV в. *т* выносное, что нисколько не противоречит данным оригинала.

При просмотре словоуказателя в Изборнику 1073 г. (София, 1993), осуществленном на позднем этапе работы над 21 томом (с целью выявить лакуны в нашем словнике), нам пришлось столкнуться со словом-фантомом *пряжь, ж.* В тексте Изборника представлено существительное *подъпряжь:* Скотъ же – имьже подъпряжь вражия бы и послушьникъ (ὑπὸ ζυγὸν ἦν τοῦ Βελίαρ). Некоторые случаи воспроизведения слов в

---

[19] См. Апост. (Воскр.), II, 6, 7.

[20] См. [Unbegaun 1935: 195, 196].

[21] Тщательное рассмотрение графики рукописи РГАДА (Гос. древлехранилище, отд. I, рубр. II, № 25) было осуществлено нами с помощью опытного источниковеда-лингвиста Л.Ю. Астахиной. Ей мы обязаны и уточнением других сомнительных чтений печатных изданий по рукописям РГАДА.

изданиях и картотечных выборках из рукописей, вызывавшие сомнения, были проверены по рукописям. Из результатов таких проверок следует указать, что чтение *непорочным дѣлом*, встретившееся в двух изданиях, новейшем и, как правило, лингвистически достоверном (Южновеликорус. нар., 231), и в издании начала века (Сл. и д. I, 165), не подтвердилось (в обоих случаях оказалось *ненарочным дѣлом*).

Словарь, находящийся в процессе составления, – развивающаяся система. Расширяется его источниковая база, появляются новые интерпретации древних текстов (например, берестяных грамот), накапливается опыт у автора (или авторов). С позиций сегодняшнего дня представляется необходимым внести ряд поправок к 11 тому. Первое исправление семантического плана вошло в список "Корректурные замечания и исправления к выпуску 11 СлРЯ XI–XVII вв.", помещенный в конце 12 тома. Это была замена определения к существительному *недовѣрокъ*. В корректурных исправлениях не было возможности указать польский источник этого слова – *niedowiarek*.

В статье **несоглядаемый** определение также должно быть иным: 'неисчислимый' применительно к цитате из Александрии (ср. примеры на *съглядати* 'исчислить' в списках Пятикнижия, указанные в "Материалах" Срезневского); для ВМЧ, Сент. 1–13, ст. 11, речь идет, без сомнения, о значении 'обширный, очень большой по площади' – ср. псковской фразеологизм "и глазами не сглядеть" 'очень много (о чем-нибудь простирающемся на большое расстояние, занимающем большую площадь)', описанный в: [Ивашко 1994: 16].

Статья **непоростный** должна быть устранена, поскольку в другом издании того же текста ("Акты хозяйства боярина Морозова". М.; Л., 1945. Ч. II. С. 88) читается другое слово: *масло б было чисто, не порошно*, что с наибольшей вероятностью можно интерпретировать как *непорочно* с фонетическим написанием *-шн-* на месте *-чн-* (ср. у Даля **непорочный** – о товаре – 'доброго качества, небракуемый, без недостатков'). В этом случае данный материал должен был бы занять место в словарной статье **непорочный,** обогатив ее еще одним значением.

Снятию подлежит статья **нетяжа**[2] – в работе 1993 г. А.А. Зализняк предложил иное словоделение для грамоты № 247: *въ не тяжѣ не дѣе* (см.: [Зализняк 1993: 149]).

Ошибочное словоделение допущено в статье **незакосня** – в действительности приведенный текст содержит словосочетание *не закосня* (в греч. μὴδ' ὅλως ἀναμείνασα).

7. ПРОБЛЕМА ПОЛНОТЫ СЛОВАРЯ И ПЕРСПЕКТИВА НА БУДУЩЕЕ

Исторический словарь – это память народа о своем прошлом, о своей культуре. Лексикограф, работающий над большими отрезками словаря, глубоко и лично заинтересован в том, чтобы эта овеществленная память была полной и полноценной. Как было замечено еще И.И. Срезневским, "достаточно полный словарь никогда не может быть составлен с одного раза" [Срезневский 1854: 13]. Несмотря на наличие картотеки и привлечение дополнительных материалов, лексикограф иногда обнаруживает интересные факты случайно: так, глагол *разлетѣтися* был извлечен нами из словарной статьи **ръть** в "Материалах" Срезневского. В той же цитате (из Златоструя XII века) находились еще два важных для словаря факта: ранняя фиксация глагола *разлитися* и очень интересное употребление слова *пугъвица*. Не исключено, что такие случаи есть или будут и в картотеке ДРС. Приведенный пример заставляет думать, что самые обычные, сохранившиеся доныне слова остаются еще в довольно большом числе в недрах неизданных памятников, и ручная работа извлечения их из рукописей не может обеспечить потребности текущей историко-лексикографической работы. Имея в виду новые издания СлРЯ XI–XVII вв. (и окончание настоящего), мы должны думать о развитии источниковой базы исторической лексикографии.

Новая ступень в развитии исторической лексикографии предполагает введение в память машины не только материалов картотеки, но и в неменьшей степени хотя бы наиболее интересных в лексическом отношении памятников и составление к ним

указателей, благодаря которым автор словаря сможет ознакомиться с каждым случаем употребления того или иного слова на экране компьютера. В идеале вводиться в машину должны издания памятников, снабженные параллельным греческим текстом и указателем слов и форм с их греческими соответствиями. Только в этом случае станет возможным сознательный отбор нужных контекстов и отпадет необходимость в огромной и малопродуктивной работе выписки карточек на все случаи употребления слова и подведения к ним греческих параллелей, с тем чтобы выбрать одну-две цитаты для включения в словарь. Только тогда станет возможным качественный сдвиг в лексикографической работе и мы узнаем с максимальным приближением к реальности богатство и разнообразие, изменчивость и устойчивость языка, который мы изучаем и на котором говорим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Востокова Г.В. 1984 – История и семантическое развитие образований с *полъ(пол-/полу-)* в русском языке XI–XVII вв. М., 1984.

Вялкина Л.В. 1964 – Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Тбилиси, 1984.

Зализняк А.А. 1993 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986.

Ивашко Л.А. 1994 – Диалектная фразеология и ее формирование на базе лексики народной речи. СПб., 1994.

Истрин В.М. 1930 – Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. *Т. III.* Греческо-славянский и славяно-греческий словарь. Л., 1930.

Крысько В.Б. 1994 – RLing. 1994. V. 18. № 2 – Rec.: Крысько В.Б. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 18.

Куликовский Г.И. 1898 – Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

Мокиенко В.М. 1975 – Вариантность литературной фразеологии в диалектной речи // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

Пауль Г. 1960 – Принципы истории языка. М., 1960.

СДР XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IV–. М., 1988–1994–.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–21, 22 (в печати), 23–. М., 1975–1996–.

Срезневский И.И. 1854 – Обозрение замечательнейших из современных словарей. СПб., 1854.

СРНГ 1985 – Словарь русских народных говоров. Вып. 20. Л., 1985.

Труды 1871 – Труды первого археологического съезда. М., 1871. Т. I.

Чернышев В.И. 1927 – Отрицание *не* в русском языке. Материалы для словаря русского языка. Л., 1927.

Шаламова А.Н. 1996 – Словарь русского языка XI–XVII вв.: проблемы и результаты (на материале двух авторских томов). Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. степени докт. филол. наук. М., 1996.

Dickenmann E. 1934 – Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen. T. I. Leipzig, 1934.

Gebauer J. 1970 – Slovník staročeský. II (*K–N*). Praha, 1970.

Miklosich F. 1850 – Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae, 1850.

Miklosich F. 1862–1865 – Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

Miklosich F. 1869 – Die Negation in den slavischen Sprachen. Wien, 1869.

Sadnik L. 1983 – Des hl. Johannes von Damaskus Ἔκθεσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des exarchen Johannes. Herausgegeben von Linda Sadnik. Bd. 3. Freiburg i. Br. 1983.

SJP 1904 – Słovnik języka polskiego. T. III. Warszawa, 1904.

Unbegaun B.O. 1935 – La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935.

Urbańczyk S. 1968 – Z dziejów przedrostka *nie-*: pozycja przyimka // Slavia occidentalis. Poznań, 1968.

Vaillant A. 1974 – Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. Paris, 1974.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1997

© 1997 г. В.Г. Гак

ОСОБЕННОСТИ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(в сопоставлении с французскими библеизмами)

Фразеологические единицы (ФЕ) библейского происхождения не раз были в последние годы предметом исследования [см. Бирих, Матешич 1994, к статье прилагается небольшая библиография по вопросу, Гак 1993]. В данной статье мы остановимся на двух аспектах проблемы: на соотношении между библейскими фразеологизмами (БФ) и самим текстом Библии и на принципах сравнения БФ в двух языках. Второй аспект позволит выявить определенный алгоритм сопоставления фразеологических единиц (ФЕ) двух языков вообще.

Библия – общий элемент культуры разноязычных обществ – по-разному отражена во фразеологии разных языков. Для выявления специфики библейских фразеологизмов в русском языке целесообразно сопоставить русскую библейскую фразеологию с текстом Библии и с аналогичной по происхождению фразеологией других языков. Мы будем сравнивать русские БФ с французскими. Всякий язык проявляет избирательность по отношению к объективному внеязыковому миру и по-своему отображает его. В данном случае таким фрагментом объективной действительности, отображающимся во фразеологии, является сам текст Библии.

Существует два основных фактора расхождений между ФЕ в разных языках: объективный и субъективный.

Объективный фактор – это природные и культурные реальности, свойственные одной стране и отсутствующие в другой. Например, выражения *avoir un coeur d'artichaut; se fermer comme une huître* содержат наименования реальностей (артишок, устрицы), которые более типичны для Франции, чем для России. К объективным факторам следует отнести также структурные особенности языка, в силу которых данная номинация принимает форму слова в одном языке и ФЕ – в другом.

Субъективный фактор заключается в самой произвольной избирательности, когда одни и те же реальности, равно свойственные двум цивилизациям, трактуются по-разному во фразеологии двух языков. Например, дрозд (франц. merle) живет и во Франции и в России, но во французском языке имеются ФЕ с названием этой птицы (*merle blanc, siffler comme un merle, faute de grives, on mange des merles*), тогда как русской фразеологии эта птица неизвестна.

Оба отмеченных фактора оказывают существенное влияние на специфику библейской фразеологии в каждом данном языке.

А. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ БФ И ТЕКСТОМ БИБЛИИ

В каждом языке проявляется своеобразное соотношение между фразеологией и текстом Библии. В этом плане можно отметить пять оппозиций. Отдельные БФ могут быть предметом одновременно нескольких оппозиций.

1. *Контекстуальные / ситуативные БФ.* С точки зрения соотношения с текстом Библии БФ делятся прежде всего на две группы: **цитатные (контекстуальные)** и **ситуативные.** В первом случае ФЕ представляет собой элемент текста,

иной раз несколько измененный. Так *Камень преткновения La pierre d'achoppement* встречается дважды в тексте Библии (Ис 8,14; Рим 9,32[1]). Во втором случае выражение в соответствующей форме в Библии отсутствует, но оно репрезентирует определенную ситуацию, описание которой в Библии может занимать даже несколько глав. Например, общеизвестное выражение *Ноев ковчег L'arche de Noé* не встречается в Библии, однако оно резюмирует ситуацию, рассказанную в Быт 6–7.

Вместе с тем следует отметить, что между этими типами БФ нет жесткой разграничительной линии. Контекстуальные БФ могут подвергаться различным трансформациям количественного порядка (усечения и добавления) или качественного (замена слов и грамматических форм), так что БФ из контекстуального превращается в ситуативный, выступая как символ определенной ситуации, описываемой в Библии. Например, русский БФ *Сучок в чужом глазу замечать* представляет собой усечение евангельской цитаты *Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?* (МФ 7,5) с одновременными лексическими заменами: *смотреть на – замечать; глаз брата твоего – чужой глаз;* нередко *сучок* заменяется *соломинкой*. Во французском языке этому БФ соответствует *Voir une paille dans l'oeil du prochain et ne pas voir la poutre dans le sien.* Однако чаще эта ситуация обозначается более кратким выражением: *C'est la paille et la poutre* (букв. "Это соломинка и бревно"), что можно рассматривать уже как ситуативный БФ. Тем не менее различие между двумя типами БФ существенно. Во-первых, в силу причин, о которых будет сказано ниже, в русском языке значительно больше цитатных БФ, чем во французском. Во-вторых, ситуативным БФ больше, чем контекстуальным, свойственны расхождения во внутренней форме.

2. *Наличие/отсутствие* конкретного БФ в языке. Существуют десятки БФ, аналогичных в двух языках: *Le fruit défendu Запретный плод* (Быт 2,12); *Le colosse aux pieds d'argile Колосс на глиняных ногах* (Дан 2,31–35); *Ne pas laisser pierre sur pierre Не оставить камня на камне* (Мк 13,22); *Jeter la pierre à qn Бросать камень в кого-л.* (Ин 8,7) и многие другие.

Однако имеется немало случаев, когда данная библейская ситуация отобразилась в виде ФЕ в одном языке и не закрепилась в другом. Как отмечалось выше, подобные различия объясняются двумя причинами: общей избирательностью и историко-культурными факторами.

Избирательность может быть проиллюстрирована следующими примерами: В русском языке есть БФ *Содом и Гоморра*, резюмирующий ситуацию, описанную в Быт 19, 24–25, и имеющий два значения: 'шум, беспорядок' (более частое) и 'разврат, распущенность' (менее употребительное). Во французском языке эти слова в качестве ФЕ не закрепились, и их использование в названии романа М. Пруста "Sodome et Gomorrhe" является индивидуальным авторским употреблением (писатель связал эти слова с понятием 'содомский грех'). Русское *Содом и Гоморра!* (иногда в усеченной форме: *Содом!*) может обозначать интенсивность чего-либо нежелательного. Здесь подтверждается семантический закон, согласно которому завершением семантического развития слова становится выражение чувства или интенсивности. Например: – *Ну и мух у вас, Прокофий! Он оживленно подхватывает: – Мух! Содом! Я их с утра до вечера мну, великие тысячи помял* (Бунин. "Мухи"). Французская синтагма *Tout don excellent* не является ФЕ, в то время как его русский аналог *Всякое даяние благо* (Иак 1,17) представляет собой весьма употребительный фразеологизм.

С другой стороны, известная евангельская притча о хозяине и работниках закрепилась во французском языке в ситуативной ФЕ *Les ouvriers de la onzième heure*

---

[1] Указания на места в Библии даются на русском языке в принятых сокращениях. БФ начинаются с прописной буквы.

(Мф 20,6), букв. "работники одиннадцатого часа", обозначающей тех, кто приходит, когда работа почти уже сделана. В русской фразеологии эта притча не получила отражения.

Вот характерный пример избирательности при формировании БФ. В Евангелии говорится: *Никто не может служить двум господам (...). Не можете служить богу и маммоне.* (Мф 6,24). Из двух синонимичных фраз стиха во французскую фразеологию перешла первая: *On ne peut servir deux maîtres à la fois,* в русскую – вторая (в несколько измененном виде). Можно привести еще ряд фразеологизмов библейского происхождения, представленных во французском языке и отсутствующих в русском: *Traversée du désert,* букв. "переход через пустыню" – реминисценция известной ситуации, описанной в "Исходе" – означает период трудностей и забвения, предшествующий триумфу; *Pleurer comme une Madeleine* (Лк 7,37–47), букв. "плакать как Магдалина" – *заливаться горючими слезами; On ne meurt qu'une fois* (Евр 9,27), букв. "Умирают только один раз", ср. *Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Pêche miraculeuse* (Лк 5–11), букв. "Чудесная рыбная ловля" в значении 'неожиданная удача': *Monter sur la brêche* (Иез 13,8), букв. "входить в пролом" в значении 'быть на посту: сражаться в самом опасном месте' и другие. Можно заметить, что многие из этих выражений представляют собой ситуативные БФ, хотя возможны и контекстуальные, например *Semer la zizanie* (Мф 13,25) "сеять плевелы", то есть "сеять раздор"; *Sortir par le nez* (Чис 11,20), букв. "выходить через ноздри", т.е. "вызывать отвращение".

Наряду с субъективной избирательностью, в асимметричном отборе БФ в разных языках могут проявляться чисто языковые и, как отмечалось выше, культурные факторы.

К первым относится прежде всего то, что фразеологизму в одном языке может соответствовать в другом одно слово, которое формально не может быть отнесено к фразеологическим единицам. Например, французскому и русскому БФ *Козел отпущения Le bouc émissaire* (Лев 16,21–22) в немецком соответствует сложное слово *Der Sündenbock.*

Можно выделить три причины культурного порядка, способствующие тому, что тот или иной БФ существует в русском языке и отсутствует во французском.

1) Наличие единственного общепринятого перевода Библии. Существование во Франции нескольких конкурирующих вариантов Библии явилось помехой для фиксации формы выражения. Может быть с этим связано относительно большее тяготение французского языка с ситуативным, а не контекстуальным БФ. Даже во французских сборниках крылатых слов пользуются разными переводами. Например, Болонь (Bologne 1994) основывается на Экуменической Библии (1971) с привлечением вариантов из других современных переводов, тогда как Герлак (Guerlac 1961) использует переводы Леметра де Саси (17 век) и в отдельных случаях – Сегона (начало 20 в.). В русских же текстах все ссылки даются по Синодальному изданию (1876 г.).

2) Закрепление выражений в качестве ритуальных формул. Таково выражение *Тайна сия велика есть* (Еф 5,32), которое произносится во время православного обряда бракосочетания. Соответствующая французская фраза *Ce mystère est de grande portée* не является фразелогизмом.

3) Язык богослужения. Это – важнейший историко-культурный фактор в фиксации БФ. Во Франции богослужение велось в течение многих веков на латинском языке, в России – на церковнославянском, на этих языках были вначале и составлены переводы Священного Писания. Но французский язык был уже структурно далек от латинского, из него могли быть усвоены лишь отдельные слова и речения. Уже на Турском соборе 813 г. было постановлено читать проповеди на "простонародной романской речи", так как латынь стала непонятна верующим. Иная языковая ситуация была в России. "Церковнославянский язык был гораздо более

близок и понятен широким массам России, чем латынь – массам Европы" [Винокур 1990: 91]. Е.М. Верещагин уточняет эту ситуацию в приложении к переводам Библии: "Что касается Библии на русском языке, то, откровенно говоря, в ней длительное время не было надобности. Церковнославянский язык и сейчас, при условии минимальной начитанности, достаточно понятен" [Верещагин 1993:70]. Близкий к русскому языку, церковнославянский язык легко взаимодействовал с ним. К тому же он играл большую роль в обучении грамоте. М. Горький пишет в "Детстве" (а он воспитывался у деда в обычной мещанской семье), что его обучение началось с заучивания молитв на церковнославянском языке; не понимая слов, он переиначивал их, стараясь найти в них скрытый смысл (*Яко же – Яков же, я в коже*). Затем дед учил его славянской азбуке. Первая прочитанная им книга была псалтырь. И только позже его стали обучать гражданской азбуке. Обороты из церковнославянского языка были постоянно в памяти русского человека: он видел их в книгах, он слышал их во время литургии. Тот же Горький рассказывает, что служивший конюхом у его деда дядя Петр "тоже был грамотен и весьма начитан от писания" (М. Горький. "Детство"); между ним и дедом возникали споры даже грамматического характера: надо ли говорить *согрешихом, беззаконовахом* или *согрешиша, беззаконоваша*. Фактически в те времена в русском обществе имели место элементы церковнославянско-русского двуязычия: люди охотно вкрапливали славянизмы в свою речь, переходили с одного языка на другой. Так Чехов в "Рассказе неизвестного" пишет, что некий действительный статский советник, "карьерист из молодых" Кукушкин имел "неприятную претензию щеголять церковнославянскими текстами". Неприятной эта манера казалась, видимо, потому, что этот персонаж вставлял возвышенные слова в пошлый разговор. Яркий пример "переключения кода" (code-switching), перехода от одного языка к другому приводит Л. Толстой в "Отце Сергии". Какой-то купец просит отца Сергия вылечить его дочь: – *Слабости она особой не имеет и корпусна, а только нерастéниха... Если бы ныне отец Сергий приказал привесть ее, я бы духом слетал. Отец святый, оживите сердце родителя, восстановите род его, – молитвами своими спасите болящую дщерь его*. Характерно, что Толстой дает к этой сцене такой комментарий: *Он* (купец) *это сделал и сказал так,* (...) *как нечто ясно и твердо определенное законом и обычаем, как будто именно так,* (...) *надо и должно просить об исцелении* (...). *И о. Сергию показалось, что все это именно так и должно говорить и делать* (там же). Мы видим, с какой естественностью купец от просторечных форм переходит к церковнославянским и что у церковнославянских форм была понятная для говорящих коммуникативная функция.

Многие библейские славянизмы включались в русскую речь не только в силу выражаемого ими значения, но и из-за их своеобразной языковой формы. Это были своего рода церковнославянские цитаты в русской речи, и они остались в ней в качестве фразеологизмов. Именно из библейских славянизмов вербовались в русском языке многие контекстуальные фразеологизмы. Соответствующие французские обороты образовывали ФЕ, поскольку они не представляли интереса ни с содержательной, ни с формальной стороны. Показательно, что в русских переводах Библии мы находим более современные варианты, которые не воспринимаются как ФЕ. Например, известное выражение, фигурирующее во всех словарях русского языка, *ничтоже сумняшеся* (Иак 1,6) представляет собой подобный **фразеологизм формы**, цитату из церковнославянского текста. Его французский библейский эквивалент *sans hésitation*, так же как и вариант в русском Синодальном переводе *ни мало не сомневаясь*, не является ФЕ. То же обнаруживается и в следующих триадах (церковнославянское выражение – фразеологизм, русский и французский переводы – не ФЕ):

Яко тать в нощи (1 Фес 5,2) – *Как тать ночью – Comme un voleur en pleine nuit*;

Власти предержащие (Рим 13,1) – *Существующие власти – Autorités en charge*.

Французская фраза *Vous serez la fable de tous les peuples* и русская *И будешь ты ужасом, притчею и посмешищем среди всех народов* (Втор 28,37) не является идиома-

тическим выражением, тогда как вариант *Быть притчей во языцех* – ФЕ (слово *языцех* имеет старославянские форму и значение 'народы').

Разумеется, во французском языке имеются ФЕ, употребляющиеся в латинской форме, которым в русском языке могут соответствовать славянизмы: *Ecce homo Се человек* (Ин 19,5); *Nunc dimittis Ныне отпущаеши* (Лк 2,29); *Non possumus* (Деян 4,20) "мы не можем" (в русском языке это не отложилось в качестве ФЕ) и другие, но в целом их гораздо меньше, чем церковнославянских цитат среди русских БФ.

Таким образом, вследствие особой роли церковнославянского языка в русской культуре, в русском языке относительно больше цитатных БФ.

3. *Первичные / вторичные БФ*. Первичные БФ непосредственно отражают библейский текст или ситуацию. К ним относится подавляющее большинство БФ, в том числе все те, что упоминались выше. Вторичные БФ лишь отдаленно связываются с текстом Библии. Возьмем, например, выражения, включающие слова *Адам* и *Ева*. Об Адаме и Еве в Библии говорится, что это были первые люди, что они не носили одежды. Они символизируют также мужчину и женщину вообще. Поэтому выражения типа *Со времен Адама и Евы; В костюме Адамы (Евы); Дочь Евы; Адамово яблоко* могут быть характеризованы как первичные, соотносящиеся с определенными ситуациями Библии. Но вот французские БФ, обозначающие руку, "пятерню", отсутствие нужного орудия: *Le peigne d'Adam, la fourchette d'Adam, le mouchoir d'Adam* (букв. "гребешок, вилка, носовой платок Адама"), являются вторичными, они развивают идею 'в костюме Адама', хотя в тексте книги не говорится, что Адам и Ева ели или причесывались руками. Также и ФЕ *Etre frère du côté d'Adam*, букв. "быть братом со стороны Адама", т.е. *десятой водой на киселе; N'avoir pas péché en Adam*, букв. "не грешить как Адам" т.е. 'быть верхом добродетели'. Среди русских БФ подобных единиц меньше, чем среди французских.

4. *Непосредственные / опосредованные БФ*. Первые восходят непосредственно к Библии, на других лежит печать заимствования из другого языка или творчества отдельных авторов. Так, БФ *В костюме Адама* вошло в русский язык, видимо, через французский, как об этом свидетельствует слово *костюм*. По-видимому, и БФ *Люди доброй воли* представляет собой перевод французского *Hommes de bonne volonté*, которое является в свою очередь воспроизведением латинского текста знаменитого пения ангелов, славящих рождение Иисуса (Лк 2,14): *Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonis voluntatis*. В Синодальном тексте этому соответствует "*...и на земле мир, в человеках благоволение*". Библейское выражение *А ты кто, который судишь другого?* (Рим 14,4) укрепилось в русском языке в форме *А судьи кто?* – цитаты из "Горя от ума" А. Грибоедова. В подобном случае библеизм сближается с писательской реминисценцией.

5. *Прямые / переосмысленные БФ*. В последнем приведенном примере преобразование библейской цитаты касалось только ее формы, но не содержания. Однако нередко при сохранении (в целом) формы изменяется значение библейского выражения. Семантическая трансформация способствует фразеологизации библейского словосочетания. Например, упомянутые выше два французских БФ изменили свое значение в процессе фразеологизации. В притче о работниках в винограднике (Мф 20) хозяин заплатил по динарию и работникам, которых он нанял с утра, и тем, которых он нанял в одиннадцать часов, поскольку он так договаривался с теми и другими. При расчете пришедшие раньше стали роптать, поскольку они проработали больше, хотя и получили обещанное. Притча направлена против зависти и вместе с тем указывает, на более высоком философском уровне, что всякий, примкнувший к вере Христа, получает равную благодать, независимо от времени обращения. Однако во французском языке выражение приобрело иное значение: "работник одиннадцатого часа" обозначает человека, примкнувшего к делу, когда оно почти уже завершилось (ср. русск. "придти к шапочному разбору"). Здесь в основе сдвига значения лежит метонимия.

Евангельская притча направлена против зависти, современное выражение – против лени и устранения от общего дела. Выражение *Traversée du désert* появилось в 1960-е годы для обозначения периода 1952–58 гг., когда де Голль оставил руководство страной, отошел от политической жизни, а затем вернулся к власти. Здесь выражение претерпело метафоризацию.

В русском языке переосмыслению может способствовать наличие в БФ церковнославянизмов, первоначальное значение которых забывается. Так произошло с выражением *Тьма кромешная* (Мф 22,13), которое поначалу указывало на "внешнюю тьму", куда ввергали грешников, а теперь обозначает беспросветную темноту. Соответствующее место во французском тексте (*les ténèbres extérieures*) не имеет статуса ФЕ. В русском языке *кромешный* стало показателем крайней интенсивности (*ад кромешный* и др.). Иногда переосмысление при фразеологизации менее явно. Например, известный БФ *Глас вопиющего в пустыне* (Ис 40,3) в Библии обозначает предупреждение, обращение внимания на важное явление, а в современном фразелогическом употреблении значит 'напрасный призыв; призыв, остающийся без ответа'.

Давно замечено, что сакральное имеет тенденцию к десакрализации. Многие священные формулы, цитаты из священных книг, названия предметов культа в различных языках превращаются в иронические речения и даже в бранные слова. Такова судьба франц. *sacré* ('священный' → 'проклятый'), русск. *блаженный*. Такая же судьба бывает и у библейских цитат. Во французском варианте псалма 22,2 говорится: *Le Seigneur m'a établi dans un lieu abondant en pâturages*. В русском переводе мы читаем: *Он* (Бог) *покоит меня на злачных пажитях*. Слово *злачный* в сочетании *злачное место* приобрело иронический оттенок; выражение значит 'место разврата'.

Переосмысление библеизма может быть результатом писательской деятельности. Яркий пример этому дает ФЕ *Башня из слоновой кости*. В "Песне песней" шея возлюбленной сравнивается со столпом из слоновой кости (Песн 7,5), во французском переводе с башней из слоновой кости (*la tour d'ivoire*). Французский критик Сент-Бев использовал это выражение (в 1837 г.) при характеристике поэта А. де Виньи, отошедшего от активной деятельности. Метафоризации выражения во французском языке способствовало, возможно, то, что в средние века башни замков нередко были убежищем для затворников. Понятие "столп", используемое в русском переводе не подходило бы для подобной метафоры. Французское выражение было усвоено в новой форме и с новым значением.

Б. СОПОСТАВЛЕНИЕ БФ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Это сопоставление целесообразно проводить в **семиотическом** плане, различая расхождения в плане содержания, в плане выражения и в плане функционирования. Что же касается плана выражения, то анализируется три его аспекта: его внешняя форма, внутренняя форма, и его соотношение с планом содержания. Таким образом, можно предложить алгоритм сопоставительного анализа БФ, который может быть распространен на другие ФЕ. Этот алгоритм включает пять этапов или шагов анализа.

На первом этапе ФЕ рассматриваются в аспекте **содержания, значения.** Выявляется, имеются ли ФЕ с данным значением в обоих языках. На дальнейшем этапе исследуются только ФЕ одинакового значения, представленные в обоих сравниваемых языках.

На втором этапе анализируются расхождения и схождения аналогичных ФЕ в их **внешней форме**. Различия могут касаться лексической и грамматической структуры фразеологизмов.

На третьем этапе ФЕ сопоставляются с точки зрения их **внутренней формы.**

Четвертый этап посвящен анализу **соотношения между формой и содержанием** аналогичных ФЕ в двух языках.

Наконец, пятый этап касается **функционирования** аналогичных ФЕ. Функционирование охватывает в свою очередь два аспекта: **частотность**, употребительность данных ФЕ и структурно-семантическую **деривацию** – образование новых форм или новых значений от данного БФ.

1. Сопоставление в аспекте содержания было представлено выше, когда рассматривались случаи отсутствия БФ в одном из сравниваемых языков вследствие того, что данное выражение по той или иной причине подверглось фразеологизации только в одном из них или же данное значение не нашло отражения в языке в виде БФ.

2. Сопоставление БФ в плане их внешней формы касается единиц, представленных в обоих языках. Расхождения во внешней форме могут иметь количественный или качественный характер.

В первом случае лексико-грамматические расхождения проявляются в добавлении или опущении слова и в связанных с этим трансформациях в структуре предложения: *Pays de lait et de miel* (букв. "земля молока и меда") *Земля, где течет молоко и мед; Земля, кипящая млеком и медом* (Исх. 3,8); *Marque au front de Caïn* (букв. "печать на лбу Каина") *Каинова печать* (Быт 4). Слова могут быть опущены или добавлены без ущерба для общего смысла высказывания в силу их семантической избыточности в данном случае.

Расхождения качественного характера проявляются в использовании различных грамматических форм и слов.

Что касается грамматики, то наиболее часто отмечаются различия временных планов. Например: *Qui sème le vent récolte* (или: *moissonne*) *la tempête* и *Кто сеет ветер, пожнет бурю* (Ос 8,7) – во французской ФЕ глагол в настоящем времени, в русской – в будущем. Это объясняется тем, что в силу известных особенностей русского глагола, в сентенциальных высказываниях общего значения в русском языке часто используется будущее время.

Больший интерес представляют лексические расхождения. Логические отношения между номинациями при лексических расхождениях могут принимать форму равнозначности (синонимии), смещения, включения.

а) Синонимия проявляется прежде всего в использовании разных стилистических синонимов.

И русский, и французский слог Библии представляется торжественным, приподнятым, но формируется этот слог различно. В русском языке это происходит в значительной степени за счет архаизмов и единиц стилистически повышенной лексики, которые вошли в русский язык именно благодаря переводам Библии. Во французском языке таких пластов лексики практически нет: Библия содержит обыденные нейтральные слова. «"Высокий стиль" во французском языке зависит не столько от употребления высоких слов, сколько от неупотребления слов и конструкций разговорных, снижающих. В этом смысле французский "высокий слог" понятие, в основном, негативное». [Эткинд 1963:204]. Поэтому нередко в БФ французскому нейтральному слову, которое можно встретить в любом стиле, в русском варианте БФ соответствует архаическое слово, либо синоним, относящийся к поэтическому стилю. Нередко эти слова по своему происхождению являются заимствованиями из церковнославянского текста Библии. Например: *Il n'est pas de ce monde Он не от мира* ***сего*** (Ин 18,36); *Cherchez et vous* ***trouverez*** *Ищите и* ***обрящете*** (Мф 7,7); *Le* ***buisson*** *ardent* ***Неопалимая купина*** (Исх 3,2); *La Terre promise* ***Обетованная*** *земля* (Евр. 11,12); *La* ***droite*** *de Dieu* ***Десница*** *божья* (Исх 15,6); *Comme la prunelle de ses yeus (Беречь) как* ***зеницу*** *ока* (Втор 32,10); *Une brebis égarée* ***Заблудшая*** *овца* (Мф 18,12). Французское слово *égaré* может быть употреблено и в прямом смысле (например, *des touristes égarés*), в русском же языке имеет место дифференциация: в прямом значении употребляется *заблудившийся: заблудившиеся туристы; заблудший* – только в переносном (например, *заблудшие души*).

Иногда целые сентенции в русском языке употребляются в церковнославянской форме, тогда как их французские аналоги – в формах современного языка. Ср. *A chaque jour suffit sa peine* и *Довлеет дневи злоба его* (Мф 6,34); *Donne-nous notre pain quotidien* и *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф 6,11). В русском языке возможны два стилистических варианта: *Строить на песке* или *на песце* (Мф 7,26); *Глас* или *голос вопиющего в пустыне* (Ис 40,3). Во французских БФ возможны синонимы, объясняющиеся различными переводами, но принадлежащие к одному стилю, например, *L'enfant (le fils) prodigue* (Лк 15,11–32), для русских БФ более характерна стилистическая синонимия.

Возможность иметь два варианта – возвышенный и нейтральный – может быть использована в русском языке в стилистических целях. Французскому выражению Le veau d'or (Ex 32) может соответствовать и библеизм *Златой (золотой) телец* (Исх 32,1–35) и нейтральное *Золотой теленок*, употребленное иронически в заглавии романа Ильфа и Петрова (во французском переводе смысловое столкновение этих вариантов остается неотраженным).

б) С м е щ е н и е заключается в том, что в разных вариантах БФ используются слова, обозначающие соподчиненные понятия. Например: *L'obole de la veuve* и *Лепта вдовицы* (Лк 21,1–4) (*обол* и *лепта* – названия разных монет); *Rien de nouveau sous le soleil* и *Ничто не ново под луною* (Еккл 1,9–10); *солнце* и *луна* – названия двух светил; в русском варианте *луна* закрепилась благодаря стихотворению Н.М. Карамзина "Выбранные места из Екклезиаста" (1797 г.) [Ашукин, Ашукина 1960:417]. Своеобразный случай смещения наблюдается в БФ *Посылать от Понтия к Пилату* по сравнению с *Etre renvoyé de Pilate à Hérode* (Лк 23,7–11) (замена одного имени человека другим).

в) Логические отношения в к л ю ч е н и я могут иметь две разновидности: г и п е р - г и п о н и м и ч е с к и е (родовой термин – видовой термин, согласно иерархии "быть") и м е р о н и м и ч е с к о е (целое – часть, соответственно иерархии "иметь"). Первый тип отношения может быть проиллюстрирован примером *Vendre contre un plat de lentilles* и *Продать за чечевичную похлебку* (Быт 25,34). Во французском варианте использован гипероним *plat* – "блюдо вообще", без уточнения его характера, в русском – гипоним *похлебка* (разновидность блюда). Меронимия (часть – целое) представлена в БФ *В поте лица своего* (Быт 3,19) и *A la seuer de son front* (букв. "своего лба"; лоб – 'часть лица'). Можно отметить, что эти два примера соответствуют общим тенденциям номинации в русском и французском языках. Во французском тексте относительно больше гиперонимов, в русском – слов, указывающих на целое [Гак 1977:97, 137].

3. Многие БФ характеризуются расхождениями во в н у т р е н н е й ф о р м е. Внутренняя форма есть признак предмета, положенный в основу наименования. Этот вид межъязыковых расхождений свойствен прежде всего ситуативным ФЕ. В разных языках в качестве основы номинации могут быть избраны различные черты одной и той же ситуации, в силу чего и образуются разные по внутренней и внешней форме БФ. Ужин Христа с учениками был их последним и тайным свиданием. В английском и испанском обозначениях этого события актуализируется первая черта: *The **last** supper; La **última** cena,* в русском – вторая: ***Тайная** вечеря.* Младший сын из притчи (Лук 15, 11–32) оставил отчий дом, отправился бродяжничать, промотал свое состояние. В русском языке он назван по первому признаку: ***Блудный** сын*, во французском по второму: *le fils **prodigue***, букв. "сын-расточитель". Во внутренней форме немецкого эквивалента отражено отношение к этому сыну со стороны отца: *Der **verlorene** Sohn* (сын был потерян для отца). Пожалуй, из трех обозначений наиболее близко к глубинной сути притчи немецкое, ибо главным персонажем истории является не сын, а отец, и основная моральная проблема заключается в том, ка́к следует относиться к ушедшему и вновь обретенному сыну и, в философском плане, к отпавшим и воз-

вратившимся адептам веры. Также внутренней формой различаются БФ: *Jusqu'au jugement* ***dernier*** и *До* ***страшного*** *суда* (Мф 10,15). Христос шел на Голгофу, неся свой крест. Разные аспекты этой ситуации отразились в синонимичных БФ *Monter (gravir) son Calvaire*, букв. "подниматься на Голгофу" и *Нести свой крест. Porter sa croix* (Ин 19,7).

4. Расхождение в соотношении формы и содержания проявляется в их асимметрии: одно и то же выражение приобретает в разных языках различные значения (многозначность) и, напротив, одна и та же ситуация описывается выражениями, различными по своему составу (синонимия).

В первом случае мы можем столкнуться с "ложными друзьями переводчика": аналогичный по форме БФ имеет семантические различия в двух языках. Таковы *l'abomination de la désolation* (Мф 24,15) и *Мерзость запустения*. Если русская ФЕ обозначает прежде всего 'запустение, разорение', то французский аналог может обозначать 'великий грех, скандальное явление' (иногда с оттенком иронии).

Второй случай (синонимия) проявляется в разных ФЕ , имеющих общее значение. Например, неожиданное изменение убеждений обозначается по-французски *Le chemin de Damas* (Деян 9); букв. "дорога в Дамаск" и по-русски *Превращение Савла в Павла* (По дороге в Дамаск будущий ап. Павел имел видение и резко изменил свою веру). Это различие в БФ двух языков может быть интерпретировано, как отражение различных аспектов одного и того же события.

5. Различия в функционировании БФ проявляются прежде всего в частотности употребления их в речи на разных языках. Можно отметить общую частотность употребления БФ: наблюдения позволяют сделать вывод, что в русской классической литературе БФ в целом употреблялись чаще, чем во французской. Частично это может быть объяснено наличием многих фразеологизмов формы, о которых говорилось выше. Однако в современной журналистике французские авторы сравнительно чаще прибегают к образам и формулам Священного Писания. Выше приводились примеры БФ, которые французские авторы "пустили в оборот" в последнее время (*Traversée du désert* и др.). Можно отметить также различную частотность отдельных БФ. Так, французское *La saint des saints* не имеет такой частотности, диапазона употреблений и смысловых оттенков, как русское *Святая святых* (Исх 26,34). См. многочисленные примеры в [Бабкин 1970: 151–157].

Другой аспект функционирования БФ – их структурные и семантические дериваты. Структурный дериват – это производная от первоначальной формы выражения структура, которая получает самостоятельную жизнь в языке. См. выше пример с французским БФ *La paille et la poutre*.

При семантической деривации отделившийся от БФ элемент приобретает новое значение, отсутствующее в другом языке. Русское *Вавилонское столпотворение* (Быт 11,1–9) и французское *La tour de Babel* – аналогичные ситуационные ФЕ. Но в русском выражении ведущим оказалось слово *столпотворение*, прилагательное *вавилонское* нередко опускается. В современном языке *столп* – архаизм, слово *столпотворение* ассоциируется скорее со словами *столпиться, толпа*. Основное значение ФЕ – 'суматоха, беспорядок'. Во французском выражении ведущий компонент – *Babel*, слово *tour* часто опускается, *une babel* может обозначать не только шумное собрание или языковое непонимание, но и путаницу, без участия шума: *une babel de couloirs* "путаница коридоров". Таким образом, два выражения, восходящие к одному источнику, претерпели в разных языках различные структурные и семантические трансформации.

В обоих языках есть выражение *Египетские казни* (Исх 7–12) *Lex (dix) plaies d'Egypte*. Во французском языке оно породило метафору: *Quelle plaie! Чистое наказание* (о чем-либо или о ком-либо неприятном), в русском ряд БФ: *Тьма египетская; Египетский труд* (со значением интенсивности).

В процесе функционирования БФ могут приобретать более широкое значение, либо более специфическое, нередко шутливое, ироническое. Например, в русском языке БФ *Великий охотник перед господом* (о Немвроде, Быт 10,9) применяется обычно по отношению к охотникам. Французский производный фразеологизм *Grand ...devant l'Eternel* может употребляться иронически или с симпатией о любом человеке, выдающемся в своей области. *Travailler dans la vigne du Seigneur* (Ис 5,1–7) *Трудиться в вертограде Господнем* значит 'трудиться в лоне церкви'. Однако во французском языке на базе этого выражения возникла шутливая ФЕ *Tomber dans la vigne du Seigneur* 'сильно напиться' (букв. "попасть в виноградник господень"). Здесь слово *vigne* ("виноградник") употреблено в своем прямом значении.

В заключение остановимся еще на одном аспекте ФЕ библейского происхождения. Носители языка не всегда четко производят атрибуцию употребляемого выражения. Здесь возможны ошибки двоякого плана: либо БФ приписывают иному источнику, либо в число БФ включаются выражения, не имеющие отношения к Библии. В России это объясняется, по-видимому, тем, что в течение десятилетий у говорящих не было контакта с библейскими текстами.

Ошибку первого рода допустил в своем выступлении один советский писатель на Съезде Народных депутатов, который сказал: «Как гласит французская пословица, "Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина..."». Но это – не французская пословица, а известное место из Библии (Иез 18,2).

Неточность противоположного свойства содержится в словаре крылатых слов [Ашукин, Ашукина 1960: 354]. Здесь утверждается, что выражение *Мертвая буква* взято из 2 Кор 3,6. Оно иллюстрируется двумя примерами, в одном из которых представлена ФЕ *Дух, а не буква*, в другом – *Мертвая буква* (в административном документе). В послании ап. Павла (2 Кор) говорится: *Он дал нам способность быть слушателями Нового Завета, не буквы, а духа: потому что буква убивает, а дух животворит*. Однако выражения *Мертвая буква, Стать мертвой буквой* происходят не от этой библейской цитаты, а являются переводом французского выражения *Lettre morte*, восходящего к 16 веку и употреблявшегося в юридических текстах для обозначения недействительного, потерявшего силу положения. Приведем еще один пример. В "Независимой газете" (июнь 1997 г.) один ведущий научный сотрудник Института философии НАН Украины сказал: *Мне кажется, что ныне, в условиях возникновения двух новых государств, старая библейская истина – мертвый хватает живого – как нельзя более актуальна*. В Библии можно найти изречения, призывающие к перемене, к обновлению взглядов, например, *Совлечь с себя ветхого Адама (человека)* (Еф 4,22), но выражение *Мертвый хватает живого* не имеет к ней отношения: оно восходит к французской юридической максиме, сформулированной юристом де л'Оммо (в 1614 г.) и означавшей, что с момента смерти какого-либо лица его наследник автоматически становится владельцем его имущества [Rey, Chantreau 1993: 528].

Конечно, тот факт, что Библии приписывают высказывания, которых в ней нет, свидетельствует о ее великом престиже. Но еще больше говорит о значении этой книги для развития духа народа и его языка то, что огромное число библеизмов утратили связь с текстом и настолько вошли в плоть русского и других языков, что уже не ощущаются как библеизмы.

Например, *Проливать потоки слез* (Пс 118,136); *Сидеть сложа руки* (Еккл 4,5); *За кусок хлеба* (Притч 28,2); *Тринадцать за столом* (Мф 26); *(Ему) ни тепло ни холодно* (Откр 3,16); *Каменное сердце* (Иез 36,26); *Направо и налево* (Зах 12,6); *Попасть в собственную ловушку* (Притч 11,6); *Капля в море* (Сир 18,10); *Как один человек* (Суд 20,1); *Будь человеком* (1 Цар 2,2); *С неба упасть* (Исх 16,15); *(На нем одна) кожа да кости* (Пс 101,6) и многие, многие другие.

В сравнении с французским языком в русском больше цитатных БФ, сами БФ менее вариативны и дают меньше производных, но они употребительны во всех стилях речи.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. 1960 – Крылатые слова. М., 1960.
Бабкин А.М. 1970 – Русская фразеология. Л., 1970.
Бирих А., Матейшич Й. 1994 – Из истории русских библейских выражений // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6.
Верещагин Е.М. 1993 – Почему Библия называется Библией и сколько в ней книг // Азия и Африка сегодня. 1993. № 7.
Винокур Г.О. 1990 – Филологические исследования. М., 1990.
Гак В.Г. 1977 – Сопоставительная лексикология. М., 1977.
Гак В.Г. 1994 – Вопросы сопоставительной фразеологии (библеизмы в русском и французском языках) // Научные труды МГПУ им. В.И. Ленина. Сер. Гуманитарные науки. М., 1994.
Эткинд Е.Г. 1963 – Поэзия и перевод. М.; Л., 1963.
Bologne J.-Cl. 1994 – Les Allusions bibliques. Dictionnaire commenté des allusions d'origine biblique. P., 1994.
Rey A., Chantreau S. 1993 – Dictionnaire des expressions et locutions. P., 1993.

№ 5 1997

© 1997 г. А. ТИМБЕРЛЕЙК

АУГМЕНТ ИМПЕРФЕКТА В ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Столетие назад Н.П. Некрасов отметил, что имперфект в древнерусском отличается от имперфекта в старославянском "нередким употреблением суффикса -ть" [Некрасов 1897: 156] в 3 лице ед. и мн. числа, и затем привел обширный список форм с аугментом в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи [там же: 159]. А.И. Соболевский, также отметив вариативность форм имперфекта в древнерусском, высказал мнение, что {-t´} восходит к формам настоящего времени [Соболевский, 1907/1962: 160–161]. С этого времени аугмент регулярно упоминается в пособиях по древнерусскому языку [Черных 1962: § 101; Борковский и Кузнецов 1965: 272; Иванов 1982: 69, 84; 1995: 430], которые, как правило, ограничиваются указаниями о существовании параллельных форм имперфекта и общими сведениями о частоте форм с аугментом. Такие обобщения, уместные в учебниках – особенно если иметь в виду, что употребление разнится в зависимости от времени и типа текста – наводят тем не менее на мысль, что данные формы заслуживают более пристального внимания.

Для анализа дистрибуции {-t´} (нормализованная запись, с помощью которой мы передаем написатия "ть" и "т") и изменений, которые эта дистрибуция претерпевает, представляется целесообразным проследить развитие этого явления в Лаврентьевской летописи (далее – "Лавр.") – несмотря на опасность приписать чрезмерную важность одному частному тексту. С этой целью текст Лавр. можно разделить на следующие пять фрагментов: Сегмент А – Повесть временных лет; Сегмент В – от Повести временных лет (ПВЛ) в редакции Лавр. вплоть до начала первого Владимирского свода в 1177 г. или, как предполагает Шахматов, которому мы и будем следовать, до слова аминь в середине статьи 1185 г.[1]; Сегмент С, охватывающий текст этого свода по крайней мере до смерти Константина Всеволодовича под 1218 г.; Сегмент D, с начала 1220-х по крайней мере до 1239 (точная граница не существенна, поскольку с 1240 по 1261 гг. интересующие нас примеры отсутствуют); и наконец Сегмент Е, включающий лишь две пространные статьи под 1262 и 1263 гг. (рукопись дефектна на отрезке с 1263 по 1283 и с 1287 по 1294 гг.). Обращение к сравнительно большим фрагментам целесообразно, поскольку позволяет выявить закономерности употребления; сверх того, однако, выбранные границы, отчасти соответствующие границам сводов, отмечают смену лингвистических параметров.

---

[1]Предложенная М.Д. Приселковым датировка 1177 г. [Приселков 1940:64–78] принимается исследователями преимущественно перед датировкой А.А. Шахматова [Шахматов 1938], называвшего 1185 г. Шахматовская датировка получает некоторое подтверждение в истории {-t´}. В промежутке между 1177 и 1185 гг. {-t´} употребляется лишь один раз (под 1181 г.), но в предложении, содержащем же (дружина же Всеволожа хотѧхуть крѣпко ѣхати на Ѳедѣслава); этот контекст характерен для Сегмента В, но не для Сегмента С. Непосредственно после 1185 г., в статье 1186 г., {-t´} перед энклитической частицей отсутствует (изнемагаху же людье в градѣ безводьемь); то же самое в статье 1187 г. (не бяше бо ни единого же двора безъ болнаго), в то время как для Сегмента В {-t´} в данном окружении является почти автоматическим. По существу, впрочем, выбор между 1177 и 1185 гг. почти никак не влияет на предлагаемый анализ.

Среди выделенных сегментов наиболее проблематичен Сегмент С[2]. Его нижняя граница совпадает с началом первого Владимирского свода в 1185 г. (или 1177?), он охватывает 1193 г., к которому А.А. Шахматов относит начало второго Владимирского свода, и продолжается вплоть до (приблизительно) 1212 г., времени составления, по случаю смерти Всеволода, еще одного Владимирского свода. После смерти Всеволода традиция, по мысли Шахматова, расходится по трем разным направлениям, каждое из которых соотносится с одним из Всеволодовичей и городом, которым он владеет: одно – с Юрием и Владимиром, второе – с Константином и Ростовым, третье – с Ярославом и Переяславлем[3]. Ростовская традиция особенно ясно просматривается вплоть до смерти Константина Всеволодовича, но заметна и позднее в продолжающемся интересе к Константиновичам и ростовским церковным событиям. Поскольку Московский свод 1479 г. содержит обширные записи, относящиеся к владимирским делам, подтверждается существование самостоятельного и непрерывного владимирского летописания, отразившегося в сокращенном виде в Лавр. [Насонов 1969:201–225]. Третья традиция, традиция Переяславля и Ярославля, хорошо представлена особой летописью, Летописцем Переяславля Суздальского, однако определенное внимание Ярославу уделяет и Лавр. (как в положительном, так и в отрицательном ключе), сообщая о его семейных делах, военных подвигах, равно как и о его греховных деяниях (его ссора с Юрием в 1229г., обращение с владыкой Кирилллом в том же 1229, ссора с Михаилом в 1230 г.).

Вопрос о том, каким образом в Лавр. возникает то специфическое сочетание пристрастий, которое наблюдается "на пространстве от 1193 г. и до 1239 г." [Приселков 1940:87–96]"[4], остается открытым. Существует, однако, иной, более филологический по природе подход к изучению состава данного текста[5]. Языковой узус в статьях с 1206 по 1218 г. отличается по ряду признаков от узуса с 1223 по 1239 г. Если рассматривать не только консонантный аугмент, употребление которого меняется при переходе от первого интервала ко второму, можно отметить, что писец, который в рассказе под 1230 г. два раза подчеркнуто ссылается на очевидцев, тождествен скорее всего писцу, который, заботясь о достоверности, упоминает о своем присутствии на месте действия под 1227 г.: **приключисѧ и мнѣ грѣшному ту быти.** Под 1226 г. употребляется та же самая конструкция (**приключисѧ ту быти прислану Володїмерꙋ Рюрюковичѣ митрополиту Кирилꙋ**). Под 1223 г., когда говорится о реакции Василько на **приключьшеесѧ в Руси** <6731>, вновь появляется тот же самый глагол. (Ранее, напротив, Константин торопится назад в Ростов, услышав **бѣдꙋ створшююсѧ** <6719>.) Заимствование, обозначающее воздух, под 1223 г. (**ꙗко и птица по аерꙋ не бѣ лзѣ лѣтати**) предвосхищает слово, употребленное под 1231 г. в похвале епископу Кириллу (**да и азъ аерьскый дхмъ нахоженьꙗ избѣгнꙋ**)[6]. Таким образом, можно говорить о комплексе фразеологии, объединяющем период с 1223 г. по 1230-е годы[7].

Наряду с особенностями фразеологии выделяются и особенности грамматические. Вплоть до 1218 г. обычная форма беспредложного генетива от **дьнь – днє** (3хх 1206,

---

[2]"Лаврентьевская летопись на пространстве от 1193 г. и до 1239 г. – едва ли не труднейшая для анализа часть этой летописи" [Приселков 1940: 87].

[3]"Итак, мы теоретически приходим к необходимости предполагать одновременное существование трех летописей в Суздальской области первой четверти XIII столетия – Владимирской, Ростовской и Переяславской" [Шахматов 1902:68].

[4]А.Н. Насонов не верит, ссылаясь на порицание Ярославу под 1229 г., что к 1239 г., страсти могли достаточно утихнуть, чтобы мог быть составлен свод, воздающий Ярославу должное, и поэтому относит соединение традиций к Тверскому своду 1281 г. (Насонов 1969:193–198].

[5]Изящную модель использования филологических данных для установления сегментации текста см. в работе [Гиппиус 1997].

[6]Фраза из слегка переработанного пассажа из предисловия к Апостолу 1220 г., которое в свою очередь представляет собой перевод греческого предисловия к Посланиям апостола Павла [Насонов 1969:125–27].

[7]Более подробно см. [Timberlake 1998] (в печати).

2xx 1207, 1218, хотя **дни** под 1206); позднее употребляется форма **дни** (1229, 2x 1230, 1231)[8]. В ранний период (1209, 1210, 1213, 1214, 2xx 1218, 1219) о присвоении имени говорится в действительном залоге. Такое употребление продолжается вплоть до 1219 г. – **родися Ꙗрославу сн҃ъ и нарекоша имѧ ему Феѡдоръ** <6727> – а если считать форму 3 лица ед. числа **нарѣ҃** при наименовании города, то и до 1221 г. В поздний период (1227, 1228, 1229, 1231) употребляется страдательный залог: **родися Гюргю кнѧзю дщи и нарѣ҃ бы҃ в ст҃омь крщ҃ньи Феѡдора** <6736>.

Различия в употреблении связаны скорее с хронологией, нежели с различными традициями. Среди записей, симпатизирующих Юрию, до 1218 г. находим действительный залог в **родися сн҃ъ Геѡргїю кнѧзю** [...] **а в ст҃омь крщ҃нии нарекоша имѧ ему Дмитрии** <6721>, но под 1228 г. о крещении дочери Юрия говорится в страдательном залоге (как и выше: **нарѣ҃ бы҃**). В ранней ростовской записи обнаруживаем **родися сн҃ъ Костѧнтину Володимеръ а в ст҃омь крщ҃ньи нарекоша имѧ ему Дмитрии** <6722> с формой действительного залога, тогда как в позднем (1229 г.) рассказе о преследованиях, которым Ярослав подверг ростовского епископа Кирилла употребляется страдательный залог (**ѡн же всѣ҃ ѡ т҃ѣ вздасть Бв҃и хвалу· пострижесѧ** [...] **и нарѣ҃но бы҃ имѧ ему Кирьꙗкъ**). Таким образом, употребление зависит от периода, а не от традиции или города, о котором говорится в статье.

Указанные различия в грамматике и фразеологии предполагают границу, проходящую около 1222 г. и отделяющую Сегмент С от Сегмента D[9]. Возможно, что эта граница соответствует Ростовскому своду, составленному по случаю смерти Константина, однако это не принципиально.

При исследовании закономерностей употребления {-t´} в ранний период целесообразно следовать правилу, согласно которому {-t´} реконструируется в определенном контексте Сегмента А, т.е. ПВЛ, только в том случае, если он засвидетельствован и в Лавр. и в Ипатьевском (далее – Ипат.) списках[10]. Отсюда следует, что фрагменты, отсутствующие в одном из списков, из рассмотрения исключаются; из наиболее важных таких фрагментов укажем на лакуну в Лавр. с 898 по 921 г. Данные Радзивиловской (далее – Радз.) и Академической летописей менее надежны, не только потому что они относятся к более позднему времени, но и потому, что, любопытным образом, употребление {-t´} в них, как кажется, было подвергнуто редукции. Данные новгородской традиции (Комиссионный список Новгородской первой летописи) отстоят от ПВЛ хронологически и к тому же являются частичными (поскольку в Новг. К. имеются лишь те фрагменты ПВЛ, которые наличествовали в Начальном своде 1095 г.)[11]. Из рассмотрения исключаются также те случаи, когда в Лавр. неправильно определено грамматическое значение формы: при смешении **-ше** и **-ще** (Лавр. **хулѧше** <6495>, но Ипат., Радз. **-ще** при согласовании по мн. числу, Лавр. **сѣдѧще** <доанналистическая часть>, но Ипат., Радз. **-ше** при согласовании по ед. числу) или аориста на **-ша** и имперфекта на **-ше** (Лавр. **имаша** <6391>, но Ипат., Радз. **-ше**). Представляется оправданным, напротив, включать в анализируемый корпус примеры, в которых Лавр. и Ипат. дают разные словообразовательные формы глагола (Лавр. **погнаше** <6607>, Ипат. **гнаше**) или даже различные, но синонимические глаголы (Лавр. **призываху брата**, Ипат. **приводѧху брата** <6582>).

---

[8]Форма **днє** сохраняется в устойчивых предложных сочетаниях **ѿ дн҃є ст҃а оц҃а Федꙋꙗ** <6738>; **єже є҃ и до сего дн҃є . дн҃ь ѿ дн҃є начинаꙗ** <6739>, ср. однако: **до Бориша дн҃и** <6736>.

[9]Э. Кленин отмечает разрывы в употреблении род.=вин. местоимений, характеризующие этот период: **его** в последний раз встречается в 1197 г. и затем вновь появляется в 1229, форма мн. числа **ихъ**, засвидетельствованная под 1207 г., вновь исчезает вплоть до 1223 г. [Klenin 1983:42–46].

[10]Сопоставление лингвистических особенностей ПВЛ и Ипат. после 1111 г. требует отдельного исследования.

[11]Цитаты из: [ПСРЛ 1 1962; ПСРЛ 2.1 1925; ПСРЛ 38; Новг. К. 1950].

Таблица 1

{-t´} в немаркированном контексте в ПВЛ

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(1)	6370	**сице бо сѧ звахуть и варѧзи суть**	?	?	*	–	*
(2)	6449	**изимѧхуть**	t	*	*	–	*
(3)	6449	**ѡпаки руцѣ съвѧзывахуть**	t	–	*	–	*
(4)	6463	**ꙗкоже бо Ѡльга часто гашеть**	t	*	*	*	*
(5)	6504	**начьнѧхуть роптати на кнѧзь**	t	*	*	–	*
(6)	6611	**Русскиѣ же кнѧзи и вои вси молѧхуть Ба**	t	*	*	–	*

* = глагол употреблен без {-t´}, t = глагол употреблен с {-t´}, – = нет соответствующего контекста (форма отсутствует, изменена и т.д.), (?) = гипотетическая оценка, xx = вариант, ~~[xx]~~ = отсутствующая в варианте морфема

В ПВЛ {-t´} появляется достаточно редко. Когда же аугмент появляется, он появляется в специфическом контексте. Чтобы установить это, рассмотрим сначала случаи, когда {-t´} употребляется вне специфических контекстов, стимулирующих употребление {-t´} (они будут анализироваться ниже), т.е., иными словами, в немаркированном контексте. В немаркированном контексте в ПВЛ встречается более 500 форм имперфекта. Те, у которых отсутствует {-t´} в Лавр. – подавляющее большинство – предполагают, что {-t´} не было и в ПВЛ, даже если в некоторых из примеров {-t´} в Ипат. имеется. Остаются, таким образом, лишь примеры с {-t´} в Лавр., которые могут претендовать на место в реконструируемом тексте ПВЛ. Они приводятся в Таблице 1, и при этом указывается, имеется ли в них {-t´} (t), или {-t´} отсутствует (*), или список в данном месте дефектен, неоднозначен или подвергся изменению (–).

Задача состоит в том, чтобы установить, должны ли данные примеры реконструироваться с {-t´} в гипотетическом прототексте, обозначенном в таблице как *ПВЛ. Четвертый, пятый и шестой примеры отпадают, так как {-t´} отсутствует в Ипат.: **глше; егда же подопьꙗхутьсѧ и начахꙋ роптати**[12]; **молѧхꙋ**[13].

Первый пример очевидно является результатом испорченного чтения (в Ипат. данное место также подверглось изменению: была опущена возвратная частица и переменен падеж существительного – **сіце бо звахуть ты варгы Русь**). Написав слова слитно, можно представить себе, что исходной была графическая последовательность **-хути**, соответствовавшая морфологической последовательности {xu|ti|}, содержавшей границу (|) между словами. Эта графическая последовательность могла быть реинтерпретирована как представляющая морфологическую цепочку {xut|i|}, т.е. имперфект с аугментом, за которым следует союз **и**, а это в свою очередь привело к следующей замене – **русь** (как в Ипат.) на **суть**. Исходный текст может быть восстановлен как ***зъвахꙋ ти**[14].

Второй и третий примеры появляются внутри одной нарративной последовательности: **иХже емше ѡвѣхъ растинахꙋ· другиꙗ аки страньѣ поставлѧюще· и стрѣлѧхꙋ въ нѧ· изимахуть ѡпаки руцѣ съвѧзывахуть· гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть ихъ**. В конце этого пассажа имеется и еще одна несообразность –

[12]Шахматов, игнорируя отсутствие {-t´} в Ипат., реконструирует **начьняхуть** [Шахматов 1916:160].

[13]Шахматов, игнорируя отсутствие {-t´} в Ипат., реконструирует **моляхуть** [Шахматов 1916:324].

[14]Так у Шахматова[1916]. Сходная эмендация в [ПСРЛ 1846]: **сице бо ся звахꙋ тьи варязи Русь**.

{-t´} перед местоимениями в ПВЛ

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(1)	–	и възлжахуть и	t	возложать [н]	-ху [н]	–	*(?)
(2)	6463	и учашеть и	t	-шеть его	t	*	t
(3)	6476	и мнѧхуть и своего	t	t	-хуть [н]	–	t
(4)	6527	и несѧхуть и	t	t	t	–	t
(5)	6574	чтѧшеть и Ростиславъ	t	*	*	-ше его	*
(6)	6582	и узрѧше и	*	*	*	–	*
(7)	6582	ѡбличаше и втаїнѣ	*	-ше [н]	-ше [н]	–	*
(8)	6582	спрѧташеть и	t	t	-ше [н]	–	t
(9)	6582	привлечахуть и	t	-хуть его	-ху его	–	t
(10)	6582	и посажашеть и	t	*	-ху [н]	–	*
(11)	6582	[с]трашахуть и въ ѡбразѣ медвѣжи	t	t	-ху [н]	–	t

употребление {-t´} с глаголом, стоящим перед местоимением **ихъ** вместо **имъ** (как в Радз.). Текст представляет собой явную цитату из Георгия Амартола (в силу чего он и отсутствует в Начальном своде и, соответственно, в I Новг. К.); там текст читается (по позднему списку): **ихъ* емше плѣнникы, ѡвѣх растинахоу, ины же к земли присѣкиваховy, дроугыа же ꙗко стража поставлѧюще стрѣлами стрѣлѧхоу. елико ратному чиноу изъимахоу, ѡпако роуцѣ свѧзавше, гвозди желѣзны посрѣд главы въбиваховy имъ**[15]. Исходный текст ПВЛ должен был быть близок к данному, что подтверждается сопоставлением с Ипат.: **ихъ же емъше ѡвѣхъ растинаху. и другиꙗ же сторожи поставьлѧюще стрѣлами растрѣлѧху. и изъламлѧху ѡпакы руцѣ свѧзавше и гвозды желѣзны посредѣ головъ въбивахуть има.** На основании данных Амартола и Ипат. {-t´} в двух данных примерах восстанавливать для исходного текста ПВЛ не следует.

Когда шесть перечисленных примеров {-t´}в Лавр. устранены в качестве ненадежных, в ПВЛ не остается ни одного примера с {-t´} в немаркированном контексте. Установив это, нельзя не поразиться, сколь немногочисленны примеры (всего шесть) с {-t´} в немаркированном контексте, которыми был поновлен Лавр. список ПВЛ. Мы с необходимостью приходим к заключению, что, учитывая все факторы, передача рассматриваемой особенности в данной части Лавр. традиции остается при всех многочисленных редакционных наслоениях на редкость консервативной и сохраняющей верность оригиналу. Во всяком случае не предпринималось никакой попытки распространить позднейшую закономерность употребления на воспроизводимую часть Лавр. (ПВЛ).

Теперь мы можем рассмотреть три четко определенных контекста, в которых {-t´} в ПВЛ появляется с более выраженной частотой, начав это рассмотрение с позиции перед местоимениями. Для наглядности данные по местоимениям разбиты на две группы. Следует отметить, что при переработке местоимения и энклитики часто устраняются или, напротив, вносятся в текст, особенно в Радз.

Данные Таблицы 2 иллюстрируют тот единственный контекст, в котором {-t´} в ПВЛ употребляется действительно часто. Прилагая обсуждавшийся выше принцип реконструкции, мы не будем реконструировать {-t´} в **чтѧшеть и Ростиславъ**, по-

[15][ПСРЛ 1846:246; Шахматов 1916:48]. Этот текст (Ватиканский список) цитируется по [Истрин 1920:567].

{-t´} перед местоимениями в ПВЛ

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(12)	6494	и ведѧше ꙗ Гдь	*	*	*	*	*
(13)	6494	предаꙗшеть ꙗ	t	t	*	[~~ꙗ~~]	t
(14)	6599	и ꙋчашеть ꙗ	t	t	t	–	t
(15)	6605	чтѧшеть ю акы мтрь	t	-шеть бо ю	t	–	t(?)
(16)	6599	ѡбдержашеть мѧо ꙋжасть	t	t	t	–	t
(17)	6494	и помиловашеть ѝ	t	t	*	*	t
(18)	6494	егда избавѧшеть ихъ	t	–	t	*	t(?)
(19)	6618	то се не столпъ водѧше ихъ	*	*	*	–	*
(20)	6449	въбивахуть ихъ	t	-хуть имъ	-хуть имъ	–	t(?)
(21)	6453	насилѧше имъ	*	*	*	*	*
(22)	6488	жрѧху имъ	*	*	*	*	*
(23)	6488	жрѧху ему	*	t	*	*	*
(24)	6491	и се бѧшеть ему аки тернъ въ срци	t	*	t	-шеть [~~ему~~] акы	*
(25)	6494	слоушаше нх	*	*	*	*	*
(26)	6494	послушаху его	*	*	*	*	*
(27)	6494	и насилѧху имъ	*	t	t	*	*
(28)	6494	ѡбладаху ими	*	*	*	t	*
(29)	6494	показываше ему	*	–	*	*	*
(30)	6582	и подаваше ему	*	–	*	–	*
(31)	6582	и не възмѧше его	*	*	*	–	*
(32)	6582	пакости дѣꙗху ему	*	–	*	–	*
(33)	6608	не припустѧху его	*	*	*	–	*
(34)	6449	жежаху насъ	*	*	жгуть	–	*
(35)	6496	еже служаху мнѣ	*	*	*	*	*
(36)	6601	подобаше намъ	*	-ше бо намъ	*	–	*

скольку Ипат. показывает форму без {-t´}, однако мы реконструируем в исходном тексте *ПВЛ {-t´} в **и ꙋчашеть и мти крти^ти^сѧ** <6463>, поскольку {-t´} имеется и в Ипат. и в Лавр. (с очевидной заменой **и** на **его** в Ипат.). При такой реконструкции оказывается, что {-t´} встречается как в Лавр., так и в Ипат., а следовательно, и в *ПВЛ, в половине (6/11xx) примеров с исходным **и**. Если даже совпадение форм в Лавр. и Ипат. является результатом параллельной инновации (возможность, которую никогда не следует исключать), данные формы указывают на тот контекст, в котором первоначально должен был развиться {-t´}. К вопросу о причинах мы вернемся ниже.

Утвердившись в позиции перед **и**, {-t´} мог быть легко обобщен на позиции перед другими местоимениями (Таблица 3).

Местоимения разбиты здесь на подгруппы; полученные таким образом разряды слишком малы, чтобы сообщить статистически значимые данные, однако они показательны для уяснения диахронического развития. Оставляя в стороне единственный, хотя и интригующий пример энклитики 1 лица [(16)], можно заметить, что в трех или четырех случаях {-t´} употребляется с другими местоимениями в аккузативе (строки

{-t′} перед бо, же в ПВЛ

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(1)	–	имѧху же по двѣ и по три жены	*	t	t	–	*
(2)	–	имѧху бо обычаи свои	*	t	t	–	*
(3)	–	сѣдѧху бо по Днѣстру или до моря	*	*	*	–	*
(4)	6406	сѣдѧху бо ту преже Словѣни	*	*	*	–	*
(5)	6453	бѧше бо твои мужь	*	t	~~[бо]~~	*	*
(6)	6454	вѣдѣху бо	*	*	*	–	*
(7)	6463	живѧше же Ольга	*	*	*	–	*
(8)	6463	подражаху же мои ѡбличеныа	*	*	t	~~[же]~~	*
(9)	6479	имашеть же и за оубьенъıа	t	t	*	–	t
(10)	6491	Бѧху бо тогда чл҃вци невѣголоси и поганыи	*	*	*	*	*
(11)	6491	не терпѧшеть бо дьıаволъ	t	*	*	t	*
(12)	6494	вѣдѧше бо Богъ	*	*	*	–	*
(13)	6522	хотѧшеть бо на Ꙗрослава ити	t	*	*	t	*
(14)	6573	бѧшеть бо сиць налици кму	t	*	*	–	*
(15)	6573	ѿторваху бо сѧ на землю	*	*	*	t	*
(16)	6579	гл҃шеть бо	t	*	*	t	*
(17)	6579	гла҃шеть бо	t	t	*	~~[бо]~~	t
(18)	6582	приносѧшеть же кму	t	*	принося	–	*
(19)	6582	гл҃шеть бо къ нимъ	t	t	*	–	t
(20)	6618	водѧшеть бо ꙗ въ дн҃ь столбъ ѡблаченъ	t	t	*	–	t
(21)	–	Оуличи Тиверьци сѣдѧху бо по Днѣстру	*	~~[бо]~~	~~[бо]~~	–	–
(22)	6476	изнемогаху же людье	*	~~[же]~~	~~[же]~~	~~[же]~~	–
(23)	6494	творѧшь [sic] бо кумиры	–	*	t	*	–
(24)	6504	живѧше же Володимеръ в страсѣ бж҃ьи	*	~~[же]~~	~~[же]~~	~~[же]~~	–
(25)	6605	глаголаху бо	*	~~[бо]~~	–	–	–

12–15) и в одном (а возможно, и в двух) случае из трех перед местоимением в вин.=род. **ихъ** (хотя отсутствие {-t´} в Новг. К. в обоих примерах из статьи под 986 (6494) г. делает реконструкцию не совсем достоверной). Перед прочими местоимениями {-t´} для *ПВЛ реконструировано быть не может (в соответствии со строгими правилами реконструкции), хотя порою и появляется во вторичных текстах.

Второй контекст, в котором {-t´} в Лавр. появляется с определенной частотой, – это последовательность, в которой глагол стоит непосредственно перед фразовыми клитиками **бо** и **же** (см. Таблицу 4).

Сразу же можно отметить, что во многих случаях {-t′} в Лавр. не находит поддержки в Ипат. (Следует добавить, что энклитические частицы нестабильны; пять потенциальных примеров – второй блок в таблице – устраняются, поскольку в Ипат. частица отсутствует.) При всем том {-t′} перед этими частицами употребляется с определенной частотой (4/20xx = 20%), существенно чаще, чем в немаркированном контексте (ни одного примера), хотя и реже, чем в позиции перед местоимением **и**. Можно представить себе, конечно, что эти четыре примера, как скажем, **имашеть же**

и за оубьенъıа ⟨6479⟩, представляют собой параллельные, независимые друг от друга инновации в Лавр. и Ипат. В любом случае частота {-t′} в 20% в положении перед фразовыми энклитиками в Лавр. указывает, что в данном контексте {-t′} сделалось продуктивным относительно рано.

Далее, {-t′} окказионально появляется в позиции перед возвратным местоимением сѧ. Употребление {-t′} в контексте возвратности с раннего времени соотносится с семантикой возвратного глагола. Аугмент, как правило, не употребляется, когда показатель возвратности имеет усилительное значение (а основной глагол не обладает полной транзитивностью). С такими глаголами аугмент употреблен лишь в одном случае из 25 (= 4%), совпадающих в Лавр. и Ипат., а именно: ꙗко трудѧшетьсѧ ⟨6582⟩; более обычны формы плакахусѧ (2xx), радовашесѧ (6xx), кланѧхусѧ (4xx). Напротив, аугмент появляется довольно часто (5/21xx = 24%) с глаголами, в которых показатель возвратности превращает переходный глагол в непереходный. Один из подтипов состоит из глаголов, в которых субъект возвратного глагола соответствует объекту переходного (основного) глагола (възвращашетьсѧ Кыеву ⟨6504⟩; егда же подъпьяхуться ⟨6504⟩; и сѧ премѣнѧшетсѧ· ѡво старъ· Ово молодъ· Ово ли ї иного премѣнѧше во иного Обра ⟨6579⟩ – в последнем примере имеет место вариация между возвратным и невозвратным глаголом). Другой подтип состоит из глаголов, в которых показатель возвратности указывает на взаимность действия. В рассматриваемом слое единственным примером является здесь и борѧшетсѧ с нима крѣпко ⟨6605⟩, однако позднее бьıахутьсѧ делается практически идиоматическим "глаголом борения". Можно предположить, что показатель возвратности имеет более идиосинкретический характер – формально и семантически – у первой группы (интенсивные глаголы), нежели у второй (детранзитивизирующая возвратность)[16].

Итак, по приведенным данным устанавливается, что {-t′} в ПВЛ употребляется в нескольких четко определенных контекстах: перед энклитическим объектным местоимением (единственный контекст, в котором {-t′} встречается более, чем в половине случаев), с меньшей последовательностью перед возвратным местоимением и непосредственно перед частицами бо, же. Аугмент не употребляется в других контекстах.

Сама скудость примеров с {-t′} в ПВЛ может рассматриваться как благоприятное обстоятельство, поскольку это позволяет нам сформулировать гипотезу о происхождении {-t′}. Если статистическое распределение на этом раннем этапе отражает последовательность изменения (допущение хотя и не абсолютно бесспорное, но все же естественное), можно установить первоначальный локус, откуда распространяется инновация, предположить, каковы были ее причины и построить вероятную картину развития этого процесса во времени.

Интуиция, скорее всего, не подвела Соболевского, когда он писал о {-t′}, что оно, "без сомнения, перешло в формы имперфекта с форм наст. вр." [Соболевский 1907/1962: 160]. Имперфект семантически близок настоящему (имперфект это прошлое настоящего), и вариация между {-t′} и отсутствием {-t′} в настоящем времени предполагает возможность новых вариантных окончаний {-šet′} и {-xut′} в имперфекте[17]. Они, естественно, не были обобщены сразу же, но появлялись в имперфекте

---

[16] Проводимое различие сходно (хотя, возможно, и не тождественно во всех деталях) с противопоставлением между "общевозвратным залогом", и специально "подгруппой Б", и другими типами возвратных глаголов ("взаимно-возвратный подзалог", "возвратно-пассивное значение" и "возвратно-страдательное значение") [Зарицкий 1961].

[17] История {-t′} в наст. времени затрагивает более глубокие хронологические пласты и представляется более сложной, чем история {-t′} в имперфекте, поскольку в восточнославянском формы наст. времени имеют три варианта: {-t′} (южный восточнославянский), {-t} (северно-русский, напоминающий -тъ в старославянском), и отсутствие {-t′} (первоначально по крайней мере в новгородском диалекте).

Было бы, пожалуй, неоправданным ожидать, что параметры вариации {-t′} в наст. времени будут в точности соответствовать аналогичным параметрам в имперфекте – в рамках одного регистра пись-

в соответствии с определенным системным принципом, вполне вероятно, в соответствии с общими принципами сандхи, понимая под этим всякое чередование (будь оно автоматическим или неавтоматическим), возникающее на стыке слов[18]. Явления сандхи обычно зависят от фонотактических ограничений, в особенности от основополагающего чередования гласных и согласных; здесь действует иерархия, определяющая наиболее предпочтительные последовательности (в порядке убывания предпочтительности): [V|C] > [C|V] > [V|V] > [C|C] (где | – это стык единиц, затрагиваемых сандхи). Указания на подобную предпочтительность могут быть обнаружены во многих языках. В английском, например, [d] регулярно утрачивается после [n] в конце слова, когда следующее слово начинается с согласной (ср.: *my friend came* с [nk]), однако обычно сохраняется перед последующей гласной (ср.: *my friend arrived* с [ndə]); подобные предпочтения соответствуют принципу, по которому [C|C] представляет собой менее приемлемую фонотактическую последовательность, нежели [C|V].

Менее автоматическое чередование, дающее в силу этого более интересный аналог, находим в употреблении связующего /r/ в диалектах американского английского в Новой Англии[19]. В тех диалектах, которые утратили поствокальное /r/ (*four* [foə], *father* [faðə]), /r/ может появиться вновь "если за соответствующим словом следует без паузы другое слово, начинающееся с гласной"; подчеркнем важность фонотактического ограничения. В некоторых из данных диалектов (например, в Бостоне) /r/ в результате экстраполяции может появляться даже в исходе слов, которые никогда на /r/ не кончались, классическими примерами являются *law and order* lǫrəndǫdə, *ma and pa* [marən(d)pa]. Это обобщение связующего /r/ возможно, только если следующее слово начинается с гласной, как в *give Gloria a present* [ərə], когда [V|V] превращается в [VC|V], но невозможно перед следующим согласным, как в *gave Gloria the paint box*

менности и в тот же самый временной период, – или, вообще, что развитие вариативности в этих двух случаях будет тождественным.

И тем не менее возможно, что определенные типологические сходства в двух моделях вариации все же были. Для новгородских берестяных грамот А.А. Зализняк отмечает, что {-t′}, как правило, отсутствует в 3 лице наст. времени, однако: "Если непосредственно после глагольной словоформы стоит **сѧ** (**се**) или другие энклитики, **-ть** всегда сохраняется: **творѧтесѧ** 500 (XII_2), **оурекываются** 600(XII/XIII), **[не ос]танеть ти сѧ** 150 (XII/XIII)" [Зализняк 1986: 143]. В последнем примере находим энклитику, отличную от возвратного местоимения. Таким образом, в презенсе, точно так же как в имперфекте, энклитики благоприятствуют {-t′}.

Твердое северное {-t} также может быть связанным явлением. Некоторые заставляющие задуматься данные приводит А.А. Шахматов в своем исследовании двинских грамот [Шахматов 1903]. О вариации {-t′} и {-t} говорится только по поводу одной грамоты [там же: 95–96]. При ближайшем рассмотрении этой грамоты (№ 9) оказывается, что **-ть** [t′] появляется перед гласной ([там же,: 13–14]: **а не восхочеть игуменъ савастьѧнъ**), сонорным ([там же: 15–16]: **дадуть мои племеньники**; [там же 25–26]: **понеть руди́ти**) и в конце фразы ([там же: 19]: **то же дадуть**), тогда как **-ть** [t] стоит перед дентальными согласными ([там же: 26]: **судитъсѧ**; [там же: 19–20]: **или че[р]ньци восхотаѧть то же дадуть** – правда, в последнем примере **восхотаѧть**, в конце придаточного, может не принадлежать той же фонологической фразе, что и **то же дадуть**). Аналогичным образом (хотя и применительно к другому типу языка) Н.П. Некрасов приводит семь примеров из ПВЛ, в которых {-t′} в наст. времени пишется с твердым **т**, во всех семи случаях за глаголом следует энклитика, например: **дает ми; погубит ны; подвижетсѧ** [Некрасов 1897: 151].

Хотя примеры кажутся случайными, они все же указывают на возможное объяснение. Возможно, на севере (по крайней мере, в Новгороде) {-t′} появлялось в позиции перед энклитиками. Судя по рассмотренным данным, аугмент должен был отвердеть перед согласным следующей за ним энклитики, т.е. в том контексте, где {-t′} встречался регулярно ("всегда сохраняется"!). При обобщении аугмента на другие контексты ("в поздних грамотах (XIII–XV) доля примеров с **-ть** несколько возрастает" [Зализняк 1986: 143]) он мог переходить в них уже в отвердевшем виде, т.е. в форме основной для данного диалекта. Напротив, в южном восточнославянском аугмент либо развивался раньше, либо употреблялся во всех позициях (включая позицию не перед энклитиками) и в силу этого сохранил основную для себя мягкую форму.

[18] О сандхи см. [Andersen H. 1986].

[19] Материал взят из [Kurath, McDavid 1961: 171–172].

[əðə], не *[ərðə] – [V | C] не заменяется на *[VC | C]. Далее, связующее /r/ обычно не вставляется на стыке морфем внутри слова (*sawing* [sɹɪŋ], не *[sɹɪŋ]). Таким образом, сандхи этого рода основано на определенном балансе между слитностью и независимостью двух элементов: результат отсутствует, когда две морфемы слишком тесно связаны (внутри слова) или когда они слишком отделены друг от друга (когда между ними имеется пауза). Учитывая этот типологический фон, можно предположить, что развитие {-t′} подобным же образом зависело от принципов сандхи.

Для того чтобы возник эффект сандхи, следующая морфема – когда мы имеем дело с аугментом имперфекта, местоимение **и** – должна принадлежать тому же фонетическому сегменту. Это, естественно, случается, когда местоимение присоединяется к глаголу как энклитика[20]. Хорошо известно, что в древнерусском имелся ряд клитик, которые, как правило, подчинялись закону Вакернагеля; иными словами, они располагались после первого слова фразы (или, в ином ракурсе, именно находясь в данной позиции, слово могло присоединять клитики) [Wackernagel 1892][21]. В новгородских берестяных грамотах клитики, подчиняющиеся закону Вакернагеля, включают частицы (**бо, же**), местоимения (**тѧ, мѧ**) и вспомогательные глаголы. Ср. примеры вспомогательных глаголов, употребленных как клитики: **коупилъ еси робоу Плъскове; цто ѥси далъ намъ а клуцка; цему мѧ еси погубиль** (в последнем примере рекурсивно после местоименной клитики) [Зализняк 1986: 155–156].

Нечто аналогичное следует предполагать и для языка летописей. Несмотря на то что эти тексты создавались в письменной форме, писцы должны были располагать составляющие в определенном линейном порядке, и они при этом расставляли лингвистические элементы так, к а к б у д т о текст был устным (можно предположить, в самом деле, существование устной формы данного литературного языка). В частности, позиция во фразе ряда элементов была четко фиксированной. В этом плане допустимо говорить о "клитиках" в письменном языке летописей.

Как хорошо известно, закон Вакернагеля описывает случаи, в которых энклитика (e) находится в просодической зависимости (=) от произвольной главной составляющей (X) в начале фразы (#). Закон Вакернагеля описывает, тем самым, трафарет {#X = e} и, по рекурсии, {#{X = e_1} = e_2}. Возможно, однако, что закон Вакернагеля не является единственным способом, с помощью которого зависимые элементы могут просодически и фонетически объединяться с более автономными словами. Энклитика может непосредственно следовать за основной составляющей, с которой она связана синтаксически, даже если составляющая не находится в начале фразы. Например, местоимение в дат. падеже, обозначающее принадлежность, следует за определяемым существительным в пределах сегмента именного словосочетания; союзы стоят между двумя составляющими, так что трудно сказать, является ли союз энклитикой при первой составляющей, проклитикой при второй или своего рода амбиклитикой – зависимой от обеих примыкающих составляющих. В особенности некоторые клитики (местоимения-дополнения и вспомогательные глаголы) могут в принципе стоять после (полнозначного) глагола в соответствии с трафаретом: {#XV = e}. Примеры можно обнаружить и в берестяных (**а нъне оу Даньши заѧлъ есмь**) [Зализняк 1986: 156] и в прочих (пергаменных) грамотах (**тои товаръ творилѣ есмя въ ихъ городѣхъ**) [там

---

[20] Можно представить себе, что единицы, релевантные для просодической организации, не совпадают с сегментами, в рамках которых имеют место иные фонологические процессы (более того, различные процессы могут оперировать на разных сегментах); тем не менее просодическая энклитика скорее будет взаимодействовать с присоединяющим ее словом, чем просодически независимый элемент.

[21] По существу, этот закон был еще ранее сформулирован Бартоломе [Bartholomae 1886]. Применительно к древнерусскому А.А. Зализняк утверждает: "В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому (или, что то же, ко всему первичному предложению в целом), подчиняется так наз. з а к о н у В а к е р н а г е л я, а именно: все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы первичного предложения (образуя конечную часть этой тактовой группы)" [Зализняк 1995: 168].

же: 157]. Хотя в грамотах такой порядок необычен, он часто наблюдается в письменном языке летописей.

Таким образом, клитики в древнерусском могут быть фразовыми, располагаемыми в согласии с законом Вакернагеля после первого полнозначного слова данной фразы ({#XV)=e}), или присловными ({#XV = e}), располагаемыми после глагола, который может и не находиться в начальной позиции[22]. Когда же глагол находится в начальной позиции (как это часто случается), возникающий в результате порядок ({#V = e}) соответствует обоим видам клизиса.

Клитики различаются по своему поведению. Отдельные местоимения, такие как **тѧ, мѧ** обычно подчиняются закону Вакернагеля и стоят после первой основной составляющей. На другом полюсе сравнительно с **тѧ, мѧ** находятся местоимения 3 лица в вин. падеже – **и, ю, ꙗ**. Они свободно располагаются после начального глагола: **и ꙋчашеть и мт҃и кр҃тиⷣсѧ** ⟨6463⟩. Иногда они входят в энклитический комплекс: **ѡбличилъ бы и пре҃ нами** ⟨6605⟩ или **водѧшеть бо ꙗ** ⟨6618⟩. Но они редко появляются в вакернагелевской позиции без поддержки предшествующего глагола; **Пилатъ же повелѣ да и распнуть** ⟨6494⟩ представляет необычное расположение. Обычно, если глагол не находится в начальной позиции, местоимение следует за глаголом, где бы в предложении он ни стоял: ср.: **другоици бо [с]трашахуть и въ ѡбразѣ медвѣжи** ⟨6582⟩; **Ст҃ополкъ же хотѧше пустити и** ⟨6605⟩; в этих предложениях имеется отдельная независимая начальная составляющая со своей энклитикой, ({#X = = $e_1V_1 = e_2$}). Можно заключить, таким образом, что **и** скорее было энклитикой, размещаемой на уровне словосочетания (ставящейся при управляющем ею глаголе), чем энклитикой размещаемой на уровне предложения (ставящейся в позиции, определяемой начальной границей предложения). Местоимение 3 лица вин. падежа подчинялось, следовательно, как трафарету {#XV = e}, так и трафарету {#V = e}.

В восточнославянском энклитика **и** либо начиналась с глайда [j], либо что более вероятно, этот глайд поглощался следующим за ним гласным того же места образования; т.е. **и** произносилось как [ji] или, скорее, как [i]. Следовательно, в условиях сандхи гласный имперфектного окончания был отделен от гласного идущего за ним местоимения в лучшем случае глайдом [j], а еще правдоподобнее, здесь образовалась последовательность двух гласных. Формы наст. времени задавали образец для флексий 3 лица, оканчивающихся на {-t′}, демонстрируя чередование вариантных флективных форм, одна из которых имела в исходе гласный, а другая – согласный. Подражая этой особенности презенса, имперфект усваивал данную часть морфемы, чтобы отделить гласный имперфектной формы от гласного следующей морфемы. Неудобная последовательность [$C_1V_1 | V_2$] замещалась более естественной [$C_1V_1C_2 | V_2$], где C_2 = [t′][23].

---

[22] Предложенную недавно типологию видов клизиса см. в [Anderson 1993].

[23] Вайан в духе Соболевского осторожно предположил, что колебания ("flottement") в имперфекте связаны с вариациями в презенсе. Объяснение Вайана, хотя оно и может быть оспорено в деталях – в действительности, он рассматривает только вариативность в аористе, категории, достаточно несхожей с презенсом или имперфектом [Vaillant 1966: 56] – тем не менее фактически основывается на том, что употребление аугмента связано с сандхи и принципом чередования гласного и согласного в звуковой последовательности.

Другого типа объяснение происхождения {-t′} в имперфекте было сформулировано Б.А. Успенским. Отсутствие {-t′} в презенсе, поскольку оно характеризует устный язык, могло восприниматься как показатель неписьменного регистра. Наличие {-t′}, напротив, выступало в этом случае как книжная черта и в силу этого {-t′} был перенесен в имперфект как книжную форму: "[...] форма имперфекта, по-видимому, была *чисто книжной формой, отсутствовавшей в рус. разговорной речи* [...] *появление окончания -ть* может объясняться гиперкорректным отталкиванием от разговорного языка" [Успенский 1987: 125–126]. Обращение к взаимодействию регистров как источнику {-t′} в имперфекте оказывается не столь необходимым (хотя и не исключается), если дистрибуция {-t′} определяется внутренними, системными принципами (особенно *если эти принципы сходны в случае наст. времени в новгородской речи и имперфекта в ПВЛ*).

Таблица 5

Употребление {-t′} в Сегменте $B_{1111-1185}$

Контекст	С {-t′}	Без {-t′}	Всего	Пропорция {-t′}
перед бо, же	6	1	7	86%
перед возвратным местоимением	11	5	16	69%
перед местоимением-дополнением	4	3	7	57%
в других контекстах	37	72	109	37%
после бо	6	3	9	67%
после же	8	9	17	44%
после же (относит.)	2	12	14	14%
после зане	10	2	12	83%
в других случаях	11	46	57	19%
Всего (общее)	58	81	139	42%

перед *x* = непосредственно предшествуя *x*; после *x* = в той же фразе, что и *x*, но не предшествуя ему; непосредственно.

Употребляясь в позиции перед данным местоимением, {-t′} могло быть обобщено на другие контексты. Другие местоимения, как можно заключить из данных Таблицы 3, провоцируют появление {-t′} постольку, поскольку они сходны с и. Другие односложные местоимения в вин. падеже, начинающиеся с [j] (ꙗ, ю) не слишком отстают от и, если вообще отстают, и таким же образом, видимо, ведет себя ихъ(1?2?/3xx). В данный период, таким образом, действует дистрибутивное правило, согласно которому аугмент употребляется тогда, когда непосредственно за глаголом следует энклитическое местоимение в вин. падеже, начинающееся с гласного или глайда[24].

Употребляясь перед энклитическими местоимениями, {-t′} может восприниматься как своего рода связующий элемент, указывающий на (синтагматическое) присутствие последующей энклитики и не имеющий статуса самостоятельной морфемы; он одновременно разделяет и связывает. На основании своей связующей функции он может быть генерализован для контекстов с другими энклитиками, даже с такими, которые начинаются с шумного. Клизис местоимения на уровне глагольного словосочетания ({#XV = {t′} = e}, e ∈ {и, ꙗ, ...}) мотивирует употребление {-t′} с показателем возвратности ({#XV = {t′} = e}, e ∈ {и, ꙗ, сѧ, ...}). Когда глагол стоит в начальной позиции, клизис местоимения удовлетворяет и закону Вакернагеля, мотивируя употребление {-t′} с другими клитиками, которые могут стоять после начального глагола, а именно с фразовыми частицами бо и же. Схема {#V={t′} = e}, e ∈ {и, ꙗ, ...} мотивирует в таком случае схему {#V = {t′} = e}, e ∈ {и, ꙗ, сѧ, ... бо, же}. Если {-t′} обобщается подобным образом, оно больше не подчиняется принципу сандхи, благоприятствующему чередованию гласных и согласных, поскольку данные энклитики начинаются с шумных. Основанием для такой экстраполяции служит сама принадлежность мотивирующих элементов к классу энклитик.

Обобщение {-t′} на эти контексты, едва начавшееся в *ПВЛ, проявляется в полную силу в Сегменте В.

Как можно видеть из Таблицы 5, {-t′} употребляется теперь в разнообразных контекстах, и главные из них те, в которых {-t′} начало употребляться в ПВЛ. Аугмент {-t′} встречается в четырех из семи случаев, в которых местоимение-дополнение следует за глаголом, как в и емлюще метахуть и в погробъ ⟨6649⟩; а болѩре оучахуть ꙗ ⟨6684⟩. На данном этапе ряд местоимений, которые раньше не провоциро-

[24] Возможно, также и с назального, как в кгда же прокопахъ ѡбдержашеть мѧ оужасть ⟨6599⟩.

вали появление {-t′} (**его, ему, имъ, има, ими**), время от времени появляются с аугментом: **на живого князѧ Михалка повели бѧхуть ѥго** ⟨6685⟩, однако **акоже бѧше има далъ** ⟨6640⟩ (ср. заслуживающий внимания вариант Радз. – **бяше**[т])[25]. Аугмент часто встречается также с возвратными глаголами (11/16xx). Восемь из этих 11 примеров с {-t′} приходятся на "глагол борения" **бьꙗхут(ь)сѧ**. У "глаголов с усилительной возвратностью" {-t′}, как это уже намечалось и в ПВЛ, отсутствует (**и жаловашесѧ на Кыꙗны** ⟨6655⟩, **радовахусѧ** ⟨6657⟩). Один возвратный глагол (**величатисѧ**) встречается и с {-t′} и без него. Наиболее впечатляющее обстоятельство – это последовательное употребление аугмента {-t′} с глаголами, стоящими в начале фразы, когда за ними следуют энклитики **же** или **бо** (6/7xx): **бѧхуть бо лодьѣ покрытъ досками бѧхуть бо борци стоꙗще горѣ во бронѧ и стрѣляюще** ⟨6659⟩; **помагашеть же ему и Черниговьскыи епъ. Антонии** ⟨6676⟩. В этих контекстах, таким образом, узус Сегмента В продолжает и упрочивает дистрибутивные свойства {-t′}, начавшие складываться в ПВЛ.

В дополнение к этому {-t′} употребляется теперь в новых контекстах, представляющих собой расширение прежних. В частности, {-t′} появляется на этом этапе не только с глаголами, предшествующими **бо** и **же**, но также в предложениях, содержащих эти частицы при том, что глагол не стоит в них начальной позиции непосредственно перед частицами. В этом случае наблюдаются вариации, и, как это *бывает обычно, вариации обладают семантическими обертонами. У глаголов в предложениях* содержащих **бо** (мы не рассматриваем здесь случаи, когда глагол предшествует частице), {-t′} вполне обычен (6/9xx). Сочетание **бо** и {-t′} указывает, что описываемое в этом предложении событие объясняет, как возникла какая-то иная ситуация. Так, в конце пассажа **слышав же князь Глѣбъ рѣчь князии Половецьскы. въсхотѣ къ нимъ ити на сне. и ре посломъ Половецьскымъ. иду къ ва. и думашеть з дружиною свею ѡ томь. г которы пондемъ передь. и здумаш пре ити къ Переꙗславлю. блюда Переꙗславлѧ. кнзь бо Переꙗславьскыи Глѣбовичь. Володимеръ. въ то времѧ бѧшеть малъ ꙗко .ві.лѣ** ⟨6677⟩, последнее предложение (**кнзь бо** [...] **бѧшеть малъ**) объясняет, почему Глеб принял решение отправиться в одно место, а не в другое. {-t′} не употребляется, напротив, когда предложение с **бо** лишь привлекает внимание к важному обстоятельству, не делая из него причины другого события. Различие в функциях **бо** наглядно видны в следующем открывке: **постигши бо ночи суботьнѣи. вземше ѡружье ꙗко звѣрье дивии. придоша идеже бѣ блжнъии князь. лежа в ложници. и силою ѿломиша двери оу сѣнии. блжнъии же вскочи. и хотѣ взѧти мечь. и не бѣ ту меча. бѣ бо вынѧлъ Анбалъ того дни ключни ѥго. то бо мечь бѧше ста Бориса** ⟨6683⟩. Если предпоследняя фраза имеет причинное значение (объясняет, почему не оказалось меча), то последнее предложение с **бо** и формой имперфекта без аугмента указывает, чем меч важен для повествования, но не сообщает, почему он был вынут. Таким образом, употребление {-t′} с **бо** указывает на причину: на ситуацию (если σ_i) в универсуме повествования, которая служит предпосылкой для другой ситуации (то σ_j), так что если бы исходная ситуация была иной (если бы, напротив, имело место $\neg\sigma_i$, а не σ_j), иными были бы и последствия (то $\neg\sigma_j$, а не σ_j).

Подобный же, хотя и более слабый эффект можно наблюдать и с **же**. В случае **же** одинаково часты (8/17xx = 44%) оба варианта – с {-t′} и без него. Аугмент при **же**

[25] Единственный пример местоимения 1 лица мн. числа в дат. падеже, в подсчетах не учитывавшийся, аугмента не содержит: **подоваше намъ** ⟨6693⟩.

обычен, когда ситуация, складывающаяся для одного участника, противопоставляется (иной) ситуации, складывающейся для другого участника (для данного x_i имеет место, что $\sigma_i(x_i)$, но $\neg\sigma_j(x_i)$, тогда как для другого x_j имеет место, что $\sigma_j(x_j)$, но $\neg\sigma_i(x_j)$): **по Золотьчи же внидоша въ Днѣпръ лодьѣ ихъ• полци же Гюргеви идѫхуть по лугу• а Изѧславъ идѫше по ѡнои сторонѣ Днѣпра по горѣ• а лодьѣ ѥго по Днѣпру же** ⟨6659⟩. (Маркировки требует только один из противопоставляемых имперфектов.) Нюансировка может быть и более тонкой, **же** с аугментом {-t′} могут указывать на ситуацию, которая в определенном смысле неоднозначна, зависит от тех или иных обстоятельств: **Оугри же лежахуть пьяни ꙗко мертви** ⟨6659⟩. Здесь ситуация (σ_i = = венгры пьяны), о которой сообщается в универсуме повествования (о том, как Володимерко собирается на сражение с Мстиславом), могла бы быть иной; несомненно, что Мстислав, который был разбит Володимерко в то же утро, предпочел бы, чтобы обстоятельства сложились по-другому (желательно, чтобы было $\neg\sigma_i$). Вместе с тем частица **же** может выполнять и другую функцию, а именно указывать на переключение с одного участника на другого, как это неоднократно имеет место в повествовании о победе Изяслава и его венгерских союзников над Володимерко: **тогдъ же придоста к рѣцѣ к Сяноку• Володимерко же роставлѧлъ бѧше дружину свою на бродѣхъ•** [...] **король же нача ставлѧти противу ѥму свои полкъ на бродѣх же**, в этот момент Володимерко пускается в бегство: **ѡному же вбѣгшю в городъ• нача молитисѧ и просити мира• Изѧслав же не хотѧше дати ѥму мира• но послушавъ королѧ смирисѧ с ним** ⟨6660⟩. Аугмент здесь не появляется ни в **роставлѧлъ бѧше**, ни в **не хотѧше**, поскольку **же** только сигнализирует о смене субъекта повествования, без всякого намека на возможность альтернативной ситуации. Частое употребление **же** в данной функции объясняет невысокую частоту {-t′} (44%) в предложениях с **же**.

Хотя частота {-t′}в предложениях с **же** приблизительно совпадает со средней частотой {-t′} вне зависимости от контекста, {-t′} заметно м е н е е часто в относительных предложениях (только 2/13xx). В относительных предложениях, понятно, местоимение всегда предшествует **же**, не допуская, чтобы стоящий в начале глагол употреблялся с {-t′}. Эта простая дистрибутивная закономерность могла сделаться основанием для общей модели, побуждавшей избегать {-t′} в относительных предложениях: ср.: **Половци же прнѣхавше к нему почаша просити братьѣ своее• ихже бѧху изъимали Берендѣи** ⟨6663⟩. У этой модели могла быть и семантическая мотивация. Относительные предложения определяют предмет или лицо, сводя предикацию к свойству. Описываемая ситуация, преобразившаяся в свойство (в только что приведенном примере лица, о которых идет речь, были захвачены в плен) трактуется как заведомо истинная, так что для модальных альтернатив места не остается.

После того как {–t′} утвердилось в последовательностях с частицами **бо** и **же** в их модальных значениях – причинном и противополагающем альтернативные реальности, оно получило возможность употребляться в контекстах с данной семантикой, даже если в них частицы **бо** и **же** эксплицитно не появлялись. Например, в и **Володимеръ всѣдъ на конь погна• и идѧхуть людьѥ по мосту• оубити Игорѧ• ѡн же не мога ихъ минути• оувороти конѧ направо мимо Глѣбовъ дворъ** ⟨6655⟩ имперфект с {–t′} поясняет причину, по которой Володимер выбрал путь мимо глебова двора. Когда летописец сообщает: **Мстиславъ же не послуша рѣчи Всеволода стрыꙗ своѥго хотѧща ѥму добра• но слушашеть Добрынъ Долгаго• Матѣꙗ Шибутовича• и инъ злы чл҃вкъ** ⟨6685⟩, он, очевидно, предполагает, что имелся другой способ действия, которому Мстислав должен был бы последовать.

Связь {–t′} с причинностью кристаллизовалось в почти обязательное правило в предложениях, вводимых **зане** (10/12xx). Вот некоторые примеры: **посла Изѧславъ**

сна своюго Мстислава на Половци· к Песлу· зане пакостѧхуть тогда по Сулѣ ⟨6661⟩; и посла к нему сна своюго Изѧслава со всѣмъ полкомъ· и Муромьскаꙗ помочь с нимь· зане пришли бѧхуть Русскии кнѧзи· на Стослава на Володимерича· и ѡступили и бѧхуть во Въсчижи ⟨6667⟩. В тех, всего в двух из двенадцати, предложениях с зане, в которых аугмент отсутствует, причинное значение кажется размытым. В предложении того лѣтѣ· въигнаша Ростовци· и Суждальци· Леѡна еппа· зане умножилъ бѧше црквь грабѧи попъ ⟨6667⟩ говорится, что епископ был изгнан в первую очередь из-за средств, которые он употреблял (они обозначены причастием) для достижения своих целей (они обозначены аналитической временной формой с вспомогательным глаголом в имперфекте). В силу этого сам глагол в имперфекте подлинной причины падения Леона не обозначает. Аналогичным образом, в и не твердъ бѣ кму бродъ· зане не бѧше ту кнѧзѧ· а боꙗрина не вси слушають ⟨6659⟩ выделяются два уровня причинности, определяющие описанное состояние (небезопасность брода): общее положение о том, что бояре не пользуются достаточным авторитетом, и непосредственно сложившиеся обстоятельства (отсутствие князя), которые сделали актуальным общее положение. Кроме подобных примеров, в которых причинное значение имперфектной формы имеет расплывчатый характер, {–t′} употребляется с зане, т.е. причинным союзом par excellence, регулярно.

То, что мы наблюдаем на всем протяжении Сегмента В, может рассматриваться, таким образом, как экспансия {–t′} на цепочку контекстов. Аугмент употребляется в тех контекстах, в которых этот узус только начал формироваться в ПВЛ – перед местоимениями и фразовыми клитиками бо и же. Предположительно в результате обобщения, основанного на характерной для этих частиц семантики – причинности (бо) и противопоставления альтернативных возможностей (же) – аугмент начал употребляться в предложениях с этими частицами даже в тех случаях, когда глагол не стоял непосредственно перед частицей. Затем в результате еще одного обобщения {–t′} стал появляться в предложениях, которые находились в той же семантической связи с повествованием, которая была характерна для предложений с бо и же: причинной или противопоставления альтернативных реальностей. В то же время аугмент не употребляется, когда имперфектная форма, за которой не следовала энклитика, давала скорее описание событийного фона, нежели раскрытие альтернативных реальностей.

Только что выделенные гипотетические этапы на Сегменте В различить, в действительности, нельзя; на стадии, которую мы можем наблюдать, употребление {-t′} продвинулось уже до конца этой цепочки. При этом узус более или менее единообразен на протяжении всего периода (сегмента). Общая частота аугмента до 1157 г. (34/81xx = 42%) практически совпадает с его частотой после этого года (24/58xx = = 41%); в частности, {-t′} вполне часто употребляется в первой части Сегмента В в двух предположительно инновативных контекстах: в предложениях с бо (5/6xx) и в предложениях с зане (7/8xx). Таким образом, узус на всем протяжении Сегмента В в основе своей однороден. Поскольку вместе с тем употребление на Сегменте В столь существенно отличается от употребления ПВЛ, представляется вероятным, что оно было стандартизировано и распространено на весь сегмент в конце охватываемого им периода. Можно было бы предположить, что это произошло при редактировании *летописи Переяславля Русского, когда она была перенесена на север* – около того времени, когда к власти пришел Всеволод. Вполне правдоподобно, что эта редактура принадлежала первому Владимирскому своду (согласно Шахматову, 1185 г.).

Употребление на Сегменте С, который охватывает период после гипотетического первого Владимирского свода 1185 г. (или 1177?) вплоть до начала 1220-х годов, вызывает удивление по совсем иной причине – {-t′} здесь почти не встречается.

Таблица 6

Употребление {-t'} в Сегменте $C_{1185–1222}$

Контекст	С {-t'}	Без {-t'}	Всего	Пропорция {-t'}
перед бо, же	0	10	10	0%
перед возвратным местоимением	3	6	9	33%
перед местоимением-дополнением	4	1	5	80%
в других контекстах	1	34	35	3%
после бо	0	6	6	0%
после же	0	0	0	–
после же (относит.)	0	4	4	0%
после зане	0	1	1	0%
в других случаях	1	23	24	4%
Всего (общее)	8	51	59	14%

После того, что мы наблюдали на Сегменте В, общая частота в 14% представляется драматически низкой. Единственный контекст, в котором {-t'} вообще употребляется часто, – это позиция перед местоимениями (выборка невелика), причем, любопытным образом, {-t'} дважды употреблено перед двусложными местоимениями: **ѡже молвѧхуть ѥму** ⟨6694⟩; **звахуть ею к собѣ** ⟨6694⟩, как, впрочем, и в более обычном окружении: **понеже вси имѣѩхуть и въ ѡ҃ца мѣсто** ⟨6726⟩. Достаточно неожиданно, аугмент не встречается в тех специфических контекстах, в которых он стал регулярно употребляться на Сегменте В. В частности, {-t'} отсутствует во всех десяти случаях, когда имперфект стоит непосредственно перед фразовыми частицами бо и же. Так обстоит дело на протяжении всего сегмента, от 1186 г. (**изнемагаху же людье в градѣ безводьемь** ⟨6694⟩, минуя 1207 г. (**бѧше бо сѧ затворилъ в не҃** ⟨6715⟩; **но жажы ради водныꙗ• измираху бо мнози людье в градѣ** ⟨6715⟩ и вплоть до самого конца (**чтѧше же паче мѣры їерѣискыи и мнишьскыи чинъ** ⟨6726⟩). Этот контекст был одним из тех, в которых {-t'} начало употребляться в ПВЛ и появлялось с регулярностью (6/7xx) на Сегменте В. Аналогичным образом, {-t'} больше не встречается в предложениях с бо, в которых частица не стоит непосредственно за глаголом (0/6xx на Сегменте С против 6/9xx на Сегменте В), ср. следующее предложение, объясняющее, почему воины спешились: **друзии конѣ пустиша к ни҃ съсѣдше• и кони бо бѧху по҃ ними изнемогли** ⟨6694⟩. {-t'} отсутствует и в единственном предложении с зане, объясняющем, почему был предпринят поход: **занеже бѧху не ходили• томь лѣ҃** ⟨6694⟩. Мы еще вернемся к этому неожиданному оскудению форм с {-t'} при переходе от Сегмента В к Сегменту С после того, как разберем данные оставшихся двух сегментов.

Употребление на Сегменте $D_{1223–1239}$ суммировано в Таблице 7.

После низкой частоты {-t'} в Сегменте С восстановление его статуса в данном разделе воспринимается с явным облегчением. Аугмент вновь появляется в положении перед фразовыми клитиками, хотя и не с той последовательностью, как на Сегменте В. Другие контексты (предложения с бо, в которых глагол не стоит непосредственно перед клитикой) представлены недостаточным числом примеров, чтобы можно было сделать какие-либо выводы, кроме самых предварительных. Тем не менее стоит отметить, что в единственном примере с зане {-t'} появляется (**зане бѧшеть ме҃мѣсѧчьк то** ⟨6738⟩). Как и в предшествующих сегментах, употребление {-t'} с возвратными глаголами в большой степени лексикализовано.

Употребление {-t'} в Сегменте $D_{1223–1239}$

Контекст	С {-t'}	Без {-t'}	Всего	Пропорция {-t'}
перед бо, же	5	3	8	63%
перед возвратным местоимением	2	4	6	33%
перед местоимением-дополнением	1	1	2	50%
в других контекстах	6	29	35	18%
после бо	0	2	2	0%
после же	0	0	0	–
после зане	1	0	1	100%
в других случаях	5	27	32	16%
Всего (общее)	14	37	51	27%

Рубрика "в других контекстах" включает пять предложений с {-t'}. Одно из пяти сообщает о ситуации модального характера. Ярослав **оусумнѣсѧ брата своѥго Юргѧ слушаꙗ нѣкыихъ льсти** ⟨6737⟩ и по этой причине **и мыслѧшеть противитисѧ Юргю брату своѥму**. К счастию, это намерение не осуществилось, так как **Бъ не попусти лиху быти**, и в результате этого **вси· имуще ѥго ѡцѣмъ собѣ и гнѣвъ· цѣловаша крѣстъ**. Этот пассаж может быть сопоставлен со схожим на первый взгляд контекстом: **си .г. є приходиша с мітрополитомъ просѧ мира Михаилу сь Ꙗрославомь· бѣ бо Михаилъ не правъ въ крѣстнмъ целованьи· при Ꙗрославѣ· и хотѧше Ꙗрославъ ити на Михаила· Бъ же не попусти тако тому бъі [...] полсуша оубо Ꙗрославъ брата своѥго [...] и взѧ миръ [...] и здѣ испол[н]исѧ писаньѥ пѣника** [...] ⟨6738⟩. В первом случае имперфект **мыслѧшеть** обозначает ситуацию, которая в рамках разворачивающегося повествования остается неоднозначной. Последний же отрывок сосредоточен не на развертывающемся повествовании, а на том, как рассказанный эпизод характеризует митрополита Кирилла. Предложение с имперфектом сообщает, в качестве ретроспективного отступления, как поступок Михаила привел митрополита Кирилла к князю Юрию. Таким образом, в этой очевидно достаточно тонкой оппозиции дискурсивных установок имперфект с {-t'} указывает на возможность предстоящей перемены (**и мыслѧшеть противитисѧ Юргю**), тогда как отсутствие {-t'} предполагает стабильность (**и хотѧше Ꙗрославъ ити**).

Все четыре остающихся примера {-t'} в рубрике других контекстов в Сегменте D связаны с синтаксической конструкцией, в которой параллельные глагольные формы противопоставляют обстоятельства или поступки, относящиеся к различным лицам. Первые два примера таковы: **но ѡвъі сѣчахуі· а иніі множество пущахуі ѡпѧть в своꙗ си** ⟨6734⟩; **и мнози мнѧхуі мцѣ идуще чресъ нбо зане бѧшеть мѣмѣсѧчьѥ то· а друзии мнѧхуть слнце идуще въспѧ** ⟨6738⟩. Параллельные имперфектные формы, только одна из которых должна быть отмечена аугментом, противополагают различные реальности, приданные различным индивидам. Последние два примера с {-t'}, появляющиеся в уже обсуждавшейся переработке отрывка из Амартола, также противополагают индивидов и их реальности (**ихже емше ѡвъі растинахуть· другъіꙗ же стрѣлами растрѣлѧхуі в нѧ· а ини ѡпакъі руцѣ свѧзъівахуть** ⟨6745⟩). Связь же с альтернативными ситуациями вполне отчетливо проявлялась уже в Сегменте B, ср.: **полци же Гюргеви идѧхуть по лугу· а Изѧславъ идѧше по ѡной сторонѣ Днѣпра по горѣ** ⟨6659⟩.

Таблица 8

Употребление {-t'} в Сегменте $E_{1262–1305}$

Контекст	С {-t'}	Без {-t'}	Всего	Пропорция {-t'}
перед **бо, же**	1	1	2	50%
перед возвратным местоимением	1	1	2	50%
перед местоимением-дополнением	1	0	1	100%
в других контекстах	7	6	13	54%
после **бо**	0	0	0	–
после же	0	2	2	00%
после **зане**	1	0	1	100%
в других случаях	6	4	10	60%
Всего (общее)	10	8	18	56%

В последнем сегменте {-t'} употребляется более чем в половине всех случаев.

Хотя число примеров слишком незначительно для каких-либо твердых выводов, примеры в рубрике "в других контекстах" в статьях 1262 и 1263 гг. создают впечатление определенной последовательности. Можно указать, например, на минимальную пару в статье 1262 г. Два следующих предложения, оба с {-t'}, описывают причину и следствие: **ѡкупахуть во ти оканьнии бесурмене дани• и ѿ того велику пагубу людемъ творѧхуть** ⟨6770⟩. Ср. сходное на первый взгляд предложение без {-t'}: **бѣ во тогда титѧ҃ приѣхалъ ѿ цр҃ѧ Татарского• имене҃ Кутлубии золъ сын бесурменинъ• того поспѣхо҃ ѡканнъии лишенїкъ• творѧше хр҃ьяно҃ велику досаду** ⟨6770⟩. В этом предложении, однако, имперфект (без {-t'}) описывает свойство лица, подобно относительному придаточному. Оппозиция между наличием и отсутствием {-t'} вновь примыкает к противопоставлению модальности (**ѡкупахуть, творѧхуть**) и простого описания (**творѧше**).

Более пространную иллюстрацию этого соотношения можно видеть в истории о том, как Борис и Глеб явились простому верующему. Без деталей рассказ выглядит следующим образом: **и живѧше**$_1$ **посредѣ роду своюго погана суща• [...] живаше**$_2$ **боѹгодно [...] стоꙗщю же ѥму при краи морѧ стрежаше҃**$_3$ **ѡвою пути• [...] и видѣ**$_4$ **насадъ ѥдинъ гребущь• посредѣ насада стоꙗща мч҃нку Бориса и Глѣба• [...] гребци же сѣдѧхуѱ**$_5$ **аки мглою ѡдѣни• и р҃е**$_6$ **Борисъ брате Глѣбе• повели**$_7$ **грести да поможе҃**$_8$ **сроднику своюму Ѡлександру• видѣв же таковое видѣнье [...] стоꙗше҃**$_9$ **трепетенъ• дондеже насадъ** [пропущен глагол]$_{10}$ **ѡчью ѥго** ⟨6771⟩. Имперфекты без {-t'} (## 1, 2, 5) описывают здесь фоновые состояния – как общие, так и специфические. Вместе с тем два предиката с {-t'} (## 3, 9) сообщают о деятельности, которая может измениться по ходу повествования; они обнаруживают модальный оттенок – небезусловности, податливости, зависимости от обстоятельств (сейчас σ_i, но ожидай изменения в $\neg\sigma_i$).

Наблюдаемое здесь употребление {-t'} для обозначения модализированных (зависимых, небезусловных) событий не представляет собой драматического изменения в значении имперфекта. На всем протяжении Лавр. формы имперфекта, которые, вообще говоря, всегда описывают действия или состояния, не ограниченные временными рамками (как аорист) или результатом (как *л*-форма), выполняют ряд вполне определенных, отличных друг от друга функций, а именно обозначают (a) общие истины, (b) фоновые состояния, относящиеся к данному событию, (c) продолжающуюся деятельность, (d) многократные действия (единственный случай, когда имперфект образуется от приставочных телических глаголов) и, окказионально, (e) фиксируют

наличие состояния или действия в противоположность их отсутствию[26]. Употребление {-t′} привносит дифференциацию значений: среди множества имперфектов, которые описывают фоновые ситуации, {-t′} отмечает те ситуации, которые имеют зависимый характер, могут меняться по ходу повествования или влиять на его развертывание. Это особое употребление {-t′} может рассматриваться как распространение того значения, при котором в предшествующих сегментах {-t′} отмечает глаголы в предложениях, характеризующихся модальностью. Например, предложение **дружина же Всеволожа хотѧхуть крѣпко ѣхати на Ст҃ослава** ⟨6689⟩ описывает неоднозначную, только лишь ожидаемую ситуацию, которая затем не осуществилась: **Всеволодъ бл҃госердъ сы· не хотѧ крове пролиꙗти не ѣха на нь.**

В описанном выше исследовании мы проследили историю аугмента {-t′}, присоединяемого к имперфекту. Прослеженная в настоящей статье линия развития представляет собой системную историю {-t′}. Нельзя быть уверенным, конечно, что развитие, которое мы наблюдали в Лавр. – только лишь одном памятнике, – представляет с необходимостью тот путь, которому следовал восточнославянский в целом. Тем не менее мы знаем теперь, чего можно ожидать, и с этими ожиданиями можем обратиться к данным других текстов. История {-t′} ставит и некоторые более общие проблемы.

В принципе можно было бы ожидать, что история такого незначительного элемента, как {-t′}, не может быть подвергнута анализу. И в действительности, существуют пределы возможностей реконструкции (и пределы ее достоверности) такого рода грамматических единиц, однако один вывод из проведенного исследования можно сделать с уверенностью. Распределение {-t′} по контекстам для различных сегментов текста может быть установлено весьма точно. То обстоятельство, что употребление {-t′} в Сегменте С сокращается столь радикальным образом, означает, что употребление {-t′} нельзя считать полностью обусловленным поздней писцовой практикой. Если бы дело обстояло таким образом, дистрибуция была бы более однородной в разных сегментах текста. Изменчивость линии развития означает, что дистрибуция {-t′} должна была быть достаточно фиксированной всякий раз, когда редактировались отдельные сегменты летописи, – возможно, при составлении основных сводов.

Далее, сторонник взгляда, согласно которому «"естественность" и "системность" присущи исключительно живому языку, тогда как в книжном языке любые изменения, если только они не являются полностью искусственными, носят "вторичный" характер»[27], мог бы возразить, что здесь просто нечего исследовать, поскольку имперфект с раннего времени становится чисто книжной категорией [Иванов 1982: 84]. Оказывается, однако, что это явление искусственного письменного языка эволюционирует тем же самым образом, что и грамматические характеристики языка устного: по большей части постепенно, в одних контекстах в большей степени, чем в других. Некоторое различие состоит в том, что изменение здесь отражается скачкообразно, так что не является в строгом смысле линейным[28]. Употребление Сегмента В драматически отличается от узуса ПВЛ по статистическим параметрам (хотя источники контекстов, в которых в Сегменте В появляется {-t′}, выделяются в зачаточном виде уже в ПВЛ), а Сегмент С полностью, по видимости, сводит на нет инновации Сегмента В, однако оказывается, что Сегмент D (и еще в большей степени сегмент Е) наверстывает упущенное. Весьма вероятно, что Сегмент С возник на северо-востоке в относительно новой писцовой традиции. Особенности употребления этого сегмента – следует напомнить, что на большом отрезке Сегмента В, с 1111 по 1185 (1177?) г.,

---

[26] П.В. Петрухин обсуждает употребление имперфекта для выражения значения, аналогичного "общефактическому значению" современной аспектологии [Петрухин 1996]. Если ставить проблему шире, исследование Петрухина показывает, что, хотя в определенном смысле все имперфекты сообщают фоновую информацию, имеются тонкие различия в том, как они выполняют эту функцию.

[27] Согласно тому, как описывает это предубеждение В.М. Живов [Живов 1996: 36].

[28] Сходный пример нелинейного изменения см.: [Живов 1993].

узус оказывается последовательным и однородным – наводят на мысль, что редакторское вмешательство было более интенсивным в новых частях текста, находившихся в процессе составления, нежели в старых, унаследованных частях, которые могли воспроизводиться более слепо. Размеры части, подвергавшейся переработке, могли быть, очевидно, различными. Таким образом, изменение в письменном языке может быть несколько более прерывистым, чем в языке устном, однако оно все равно представляет собой органический процесс, внутренне последовательный и – при более отстраненном взгляде – постепенный.

В системном плане была предложена схема развития {-t′} в 3 лице имперфекта, у которой в качестве исходного состояния выделялся один четко определенный контекст – позиция имперфекта непосредственно перед энклитическим местоимением **и** (и аналогичными местоимениями **ꙗ, ю**, а также, возможно, вин.-род. **ихъ**). Отсюда {-t′} распространяется на положение перед другими местоимениями, включая возвратное. Другая линия развития, основанная на том, что глагол со своими местоименными энклитиками часто стоит в начале предложения, ведет к обобщению {-t′} в позиции перед другими энклитиками, которые помещаются после начального глагола, а именно перед энклитическими частицами **бо** и **же**. Таким образом модель {#V = {t′} = = e}, e ∈ {**и, ꙗ, ю, ихъ**} мотивирует модель {#V = {t′} = e}, e ∈ {**бо, же**}. Сверх того, {-t′} употребляется в предложениях, содержащих частицы **бо** и **же** даже в тех случаях, когда глагол не стоит непосредственно перед частицей, если только предложение имеет модальный характер: модель {#V = {t′} = e}, e ∈ {**бо, же**}$_{\text{модальные}}$ мотивирует модель {#X = e V = {t′}}, e ∈ {**бо, же**}$_{\text{модальные}}$. Модальный характер может заключаться либо в причинности (идущей от основного значения **бо**) – это употребление становится регулярным в Сегменте В, распространяясь на предложении с **зане** – либо в противополагании альтернативных реальностей, относящихся к разным лицам или обстоятельствам (идет от одной из функций **же**). Аугмент может употребляться в предложениях, характеризующихся причинностью или противополаганием реальностей даже в тех случаях, когда соответствующие частицы отсутствуют. Наконец, с середины XIII в. {-t′} может, как кажется, употребляться вполне свободно, преимущественно, однако, в предложениях, обнаруживающих элемент нарративной условности (зависимости) в противоположность чистому описанию.

Рассматривая данное изменение как системную эволюцию, следует отметить, что оно прогрессирует от одного контекста к другому. Каждый последующий этап, очевидно, требует предыдущего, хотя Сегмент В отстоит от ПВЛ столь далеко, что нет возможности вычленить последовательность этапов. Достаточно рано распределение {-t′} приобретает семантическую окраску, что соответствует общему принципу, согласно которому формальные различия часто получают семиотическую нагрузку. В процессе изменения одна часть употреблений морфемы всегда будет относительно стабильной, тогда как другая более подвижной и в силу этого входящей во взаимодействие с нарративными стратегиями.

По мере того как {-t′} меняется и приобретает новые функции в результате переосмысления предшествующего узуса, старые дистрибутивные особенности полностью не утрачиваются. Так, местоимения обусловили распространение {-t′} на контексты с другими энклитиками. Однако даже когда изменение пошло дальше – например, когда {-t′} стало обозначать причинность в результате переосмысления функций аугмента перед клитикой **бо**, – {-t′} продолжает употребляться с местоимениями. Только на последнем этапе распространения {-t′} (в Сегменте Е) в его распределении утеривается, как кажется, память о местоимениях как о первоначальном источнике этого процесса. Весьма рано контекст возвратных глаголов оказывается стоящим особняком и вступает в связь с лексической семантикой глагола. Совершенно очевидно, что каждый из контекстов употребления {-t′} (вне зависимости от того, считать ли эту

единицу самостоятельной морфемой или частью квази–независимых морфем {-še ~ šet'} and {-xu ~ xut'}) живет в определенной мере своей жизнью.

На самом общем уровне наше рассмотрение подводит к выводу, что изменение проходит поэтапно, причем инновации предшествующего этапа оказываются отправным моментом для инноваций следующей стадии процесса. Ни в какой отдельно взятый момент времени не видно при этом необходимости в едином синхронном глобальном правиле, регулирующем, как законченный алгоритм, все употребления данной единицы. История имперфектного аугмента показывает, что синхрония прекрасно сочетается с археологически накопленными слоями диахронии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1965 – Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Гиппиус А.А. 1997 – К истории сложения текста новгородской первой летописи. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997.

Зализняк А.А. 1986 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

Зализняк А.А. 1995 – Древне-новгородский диалект. М., 1995.

Зарщкий Н.С. 1961 – Формы и функции возвратных глаголов. Киев., 1961.

Живов В.М. 1993 – Унификация склонения существительных в косвенных падежах мн. числа в памятниках XVII века: характер вариативности и обусловливающие ее факторы // Сборник статей памяти Г.А. Хабургаева. М., 1993.

Живов В.М. 1996 – Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Иванов В.В. 1982 – История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Иванов В.В. 1995 – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / Под ред. В.В. Иванова. М., 1995.

Истрин В.М. 1920 – Книгы временные и образные Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. 1: Текст. Петроград, 1920.

Насонов А.Н. 1969 – История русского летописания. XI – начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

Некрасов Н.П. 1897 – Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи. СПб., 1897.

Новг. К. – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Л., 1950.

Петрухин П.В. 1996 – Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века // ВЯ. 1996. № 4.

Приселков М.Д. 1940 – История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.

ПСРЛ 1 – Полное собрание русских летописей. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.

ПСРЛ 2.1 – Полное собрание русских летописей. 2.1: Ипатьевская летопись. М., 1923.

ПСРЛ 38 – Полное собрание русских летописей. 38. Радзивиловская летопись / Под ред. Б.А. Рыбакова. Л., 1989.

ПСРЛ 1846 – Полное собрание русских летописей. 1–2: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846.

Соболевский А.И. 1907/1962 – Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. Петербург, 1907. [= Slavistische Drukken en Herdrukken, 37. Photomechanic Reprint. The Hague. 1962].

Успенский Б.А. 1987 – История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987.

Черных П.Я. 1962 – Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е. М., 1962.

Шахматов А.А. 1902 – Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи // Радзивиловская или Кенигсбергская летописи, 2: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. Комитет Имп. Общества Любителей Древней Письменности. Вып. 118. СПб.

Шахматов А.А. 1903 – Исследование о двинских грамотах XV в. / Исследования по русскому языку. Т. II. Вып. 3. СПб., 1903.

Шахматов А.А. 1916 – Повесть временных лет. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград, 1916.

Шахматов А.А. 1938 – Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., 1938.

Andersen H. 1986 – Sandhi phenomena in the languages of Europe. Berlin, 1986.

Anderson S.R. 1993 – Wackernagel's revenge: Clitics, Morphology, and the syntax of second position // Language. V. 69. № 1. 1993.

Bartholomae Chr. 1886 – Arische Forschungen, Bd 2. Halle, 1886.

Klenin E. 1983 – Animacy in Russian. A new interpretation. Columbus (Ohio), 1983.

Kurath H., McDavid R.I. 1961 – The pronunciation of English in the Atlantic States. Based upon the collections of the Linguistic Atlas of the Eastern United States. Ann Arbor (Michigan). 1961.

Timberlake A. 1998 – Linguistic layering in the "Lavrentian Chronicle". (The imperfect consonantal augment) // American contributions to the twelfth international congress of Slavists. Columbus (Ohio) (в печати).

Vaillant A. 1966 – Grammaire comparée des langues slaves. V. 3: Le verbe. Paris., 1966.

Wackernagel J. 1892 – Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF. V. 1. 1892.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1997

© 1997 г. И. МАЙЕР

РУССКОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ XVII В.: ПРОБЛЕМА СВОЕГО И ЧУЖОГО

(На материале "Вестей-Курантов")

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

XVII в. является важным периодом в развитии русского языка, когда происходили значительные изменения в языковой системе, особенно в области синтаксиса. Глагольное управление того времени характеризуется богатой вариативностью: с одной стороны, еще сохранялись исконные, унаследованные из древнерусского языка модели управления, а с другой стороны, в письменность проникали "новые" конструкции, вероятно, использовавшиеся в разговорной речи уже в более ранние периоды. В конце XVII–начале XVIII в. многие вариативные формы постепенно были вытеснены из языковой системы (см. [Крысько 1997, passim]).

В XVII в. появились новые письменные источники, включая первые русские рукописные газеты, так называемые "Вести-Куранты" (далее: В-К), в основной своей массе состоящие из переводов печатных западно-европейских "газет" (в широком смысле этого слова), чаще всего на немецком, нидерландском и шведском языках. Пять томов этих рукописных газет, охватывающие "вести" периода 1600–1660 гг., было издано Институтом русского языка АН СССР (РАН) в 1972–1996 гг. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранятся рукописные газеты и более позднего времени – вплоть до 1719 г. [Maier 1997:17], так что остается надеяться, что Институт русского языка и в дальнейшем будет выпускать доступные всем историкам и лингвистам издания В-К. Значение В-К для изучения истории живого русского языка трудно переоценить, поскольку они – в отличие от "гибридных" русско-церковнославянских памятников XVII в. – предоставляют в распоряжение исследователей, можно сказать, высшую письменную форму о б и х о д н о г о языка того времени, ориентированную на повседневную речь образованных слоев русского общества, избегавших как явных диалектизмов, так и излишних варваризмов. (см. [Крысько, Maier, в печати]). Для иллюстрации переводческой техники "курантельщиков" представляется уместным привести фрагмент из В-К вместе с немецким оригиналом (см. также [Maier 1997: 94–106], где приведено еще несколько таких примеров)[1]: **В среду курфистра Саксенского комнатнои слуга из Вѣдны скво(з) се мѣсто в Леипцыхъ поѣхал и сказывают что цеса(р) курфистру Саксенскому мнсты(р)скими вотчины еще на сорокъ лѣтъ владѣти поволилъ а сказывают что арцуху Фридлантскому опя(т) воеводою против свѣиского короля быти и хочет де вскоре нѣсколко тысяч ратных людеи собрати а воевода Тилли просит помочи и каталитцкие союзники к нему послали четыре регемента** (I, 30. 24–25) – Mittwochs ist der Chur Sächsischer Cammerdiener / wieder von Wien hierdurch / nach Leipzig paßiert / vnd sagt man / das Ihr KäyserlMay. dem Churfürsten die Giestlichen Güter und Stiffter / vff 40. Jahr lang noch [z]u [erhal]ten /

[1] При цитировании В-К римская цифра указывает на том, первая арабская цифра на номер текста, вторая – на лист рукописи; буква П означает "приложение". Графические варианты типа *ω, s, i, θ* не сохраняются; выносные буквы вносятся в строку, а в тех случаях, когда они обозначают мягкий согласный или двухфонемное сочетание – ставятся в скобки.

verwilliget haben. Es verlaut / das der Hertzog von Friedtlandt wie[d]er General contra Schweden werden sol / wollte [in] kurtzen etlich 1000. Mann zu[sa]mmen bringen. Herr General Tilly begehrt hülff / die Catholische Liga schickt [ih]m 4. Regimenter (Wochentliche Zeitung № 19, 1631). Этот небольшой пассаж показывает, насколько хорошо русский переводчик справился со своей задачей: все содержание немецкого сообщения нашло отражение в переводе, но все выражено собственно русскими средствами. Кое-где переводчик делал уточнение: например, немецкому обороту *dem Churfürsten* в переводе соответствует *курфистру Саксенскому; contra Schweden* переведено более точным *против свѣиского короля*; вместо *etlich 1000. Mann* переводчик уточнил – *несколко тысяч ратных людеи*. Творческий подход явствует также из перевода слова *General*, которое дважды передается исконно славянским *воевода* (хотя, кстати, существительное *генерал* и целый ряд производных от него -- например, *генералитет, генеральство, генеральскии*, ср. [Schibli 1988: 132–135], – уже фигурирует в В-К), и из очень удачного перевода термина *Catholische Liga –каталицкие союзники*. Переводчик не повторил и немецких моделей управления: *erhalten* в немецком управляет ВП[2], а русское соответствие *владѣти* – ТП; *begehren* тоже управляет ВП, а в переводе использован РП при *просить* – господствующая модель в рассматриваемый период.

Проблемам русского синтаксиса XVII в., и в частности глагольного управления, до сих пор не уделялось большого внимания. В обобщающих исследованиях о русском историческом синтаксисе – например, [Ломтев 1956; Сравнительно-исторический синтаксис 1968; Историческая грамматика 1978; Стеценко 1972] – содержатся лишь редкие примеры из памятников того времени. Работы Ю.К. Стехина [1958; 1962] в основном посвящены древнерусскому состоянию; в статье Е. Гурьевой [1967] нередко приводятся среднерусские примеры, но толкование языкового материала не всегда корректно. Общей чертой многих работ, специально трактующих проблемы управления в XVII веке, – например, [Ломов 1966; Попова 1969; Котков и Попова 1986] – является то, что в них подряд приводятся примеры для всех синтаксических конструкций, которые авторам удалось найти в разных текстах, без каких-либо указаний на частотность определенной конструкции, так что окказионализмы (или даже описки и опечатки) оказываются на одном уровне с формами, сохранившими свою доминирующую роль с древнерусского периода до XX века.

Единственной известной нам работой, в которой обширный среднерусский материал не только приводится, но и адекватно интерпретируется, является вышедшая недавно фундаментальная монография В.Б. Крыско [1997], освещающая развитие определенных синтаксических явлений с индоевропейского периода до наших дней; целый раздел монографии посвящен среднерусскому состоянию. Однако не все вариативные конструкции описаны в книге одинаково тщательно. Необходимость воссоздать полную картину глагольного управления на всем протяжении развития русского языка обусловила неизбежную фрагментарность в описании отдельных участков системы, в частности, управления ДП и ТП. Кроме того, внимание автора направлено исключительно на те падежи, которые варьировались с ВП, вследствие чего вариативность РП и ДП не рассматривается.

Таким образом, исчерпывающего описания глагольного управления в каком-либо из памятников XVII в. до сих пор не существует. Между тем представляется необходимым синтаксическое исследование, охватывающее определенный временной срез русского языка, – исследование, в котором были бы учтены в с е случаи вариативности глагольного управления и особое внимание уделялось бы статистической стороне вариативности. В качестве исследуемого корпуса текстов нами были избраны пять томов упомянутых выше В-К (I–V). Результаты проведенного исследования подробно отражены в монографии [Maier 1997], где дается также исторический и культурологический фон, анализируется переводческая техника "курантельщиков" Посольского

[2] В статье приняты сокращенные обозначения падежей: РП – родительный, ДП – дательный, ВП – винительный, В = Р – винительный в форме родительного, ТП – творительный.

приказа и описываются обнаруженные нами в различных европейских (в том числе шведских) библиотеках западноевропейские печатные оригиналы, послужившие первоисточниками для русского перевода, например, мирный договор, заключенный в 1645 г. между Швецией и Данией на границе между этими государствами в Брёмсебру (перевод со шведского оригинала); Мюнстерский мирный договор 1648 г. между Нидерландскими Соединенными Штатами и Испанией (перевод с нидерландского); Оснабрюкский мирный договор 1648 г. между Священной Римской империей и Швецией, т.е. немецко-шведская часть большого Вестфальского мира (на русский язык переведен с немецкого источника, в свою очередь переведенного с латинского оригинала[3]). В настоящей статье суммируются главные результаты проведенного исследования и подводятся некоторые итоги.

Выбор В-К в качестве основного материала для исследования глагольного синтаксиса XVII в. обусловливается, в частности, следующими факторами.

а) В-К ориентированы не на церковнославянскую норму, а на разговорный язык. Близость к устной речи, объясняющаяся тем, что переводы "вестей" были предназначены для чтения вслух царю и его приближенным, позволяет делать определенные выводы о живых тенденциях языкового развития того времени.

б) Печатные первоисточники опубликованных в пяти томах В-К текстов большей частью сохраняются до наших дней в российских и европейских библиотеках и архивах; их в принципе можно разыскать, хотя такие поиски требуют значительных усилий со стороны исследователей. Некоторые немецкие и голландские источники опубликованы в качестве приложений в самих изданиях В-К, особенно в первых трех томах. Огромную работу по выявлению оригиналов провел швейцарский славист Р. Шибли, который в коллекции микрофильмов Бременской государственной и университетской библиотеки обнаружил первоисточники примерно к 300 русским рукописным листам [Schibli 1988: 85–107]. Автору этих строк также удалось выявить оригиналы приблизительно к такому же количеству русских переводных листов [Maier 1997: 34–82]. Таким образом, сейчас известны первоисточники значительной части опубликованных русских переводов, что позволяет сравнивать перевод с оригиналом и судить о том, является ли русский текст самостоятельным переводом, выполненным на основе русских синтаксических средств, или калькой иноязычного оригинала.

2. ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В В-К

Исследованию были подвергнуты все глаголы, демонстрирующие в В-К вариативное (в основном – беспредложное[4]) управление; в отдельных случаях учитывались и глаголы, управление которых не обнаруживает вариативности в В-К, но отличается от управления тех же глаголов в современном русском языке. Самая богатая вариативность зафиксирована в области управления ВП и РП: целых 29 лексем (не считая видовых партнеров и однокоренных глаголов) характеризуются вариативным генитивно-аккузативным управлением. Второй по частотности тип вариативности – параллельное управление ДП и ВП; сюда относятся 18 глаголов. Остальные типы вариативности представлены немногочисленными лексемами: винительным и творительным управляют четыре глагола; родительным и винительным – два.

2.1. Вариативность родительного и винительного падежей. На всем протяжении истории русского языка, начиная с раннего древнерусского периода и до наших дней, сфера употребления беспредложного РП в глагольно-именных словосочетаниях постоянно сужается (ср. [Крысько 1994: 202; 1997: 248]), хотя при некоторых глаголах вариативность сохранилась до сих пор. В первой половине XVII в. (в частности, в В-К) можно выделить следующие основные группы глаголов с варьирующимся управлением.

---

[3] Список известных западно-европейских источников в В-К см. [Maier 1997: 306–308].

[4] Вариативности предложного управления в В-К (например, *воевать кого / что – против кого / чего*) мы предполагаем посвятить отдельную работу.

а) Глаголы со значением стремления и достижения. У этих глаголов в исследуемый период обычно еще преобладает генитивное управление (ср. статистическую информацию в скобках)[5]: *желать* (31:10), *жадать* (7:1), *ждать* (30:6), *ожидать* (53:17), *дожидать* (6:3), *дождаться/дожидаться* (60:6), *надѣяться* (11:3)[6], *чаять/почаять*[7], *искать* (51:13), *доступить/доступать* (17:7), *добыть/добывать* (20:16), *достать* (10:10), *застать* (2:1), *достигнуть (достичь)* (2:1), *просить/упросить, прошать* (97:31). Как мы видим, ВП при глаголах из данной лексико-семантической группы – за редкими исключениями, например, *достать* и *добыть/добывать* – в исследуемом памятнике встречается еще сравнительно редко и главным образом указывает на будущее развитие, продолжающееся до сих пор.

Приведем несколько особенно примечательных примеров генитивно-аккузативной вариативности[8]: **доброго *здоро(в)я* и счастливого *пребыва(н)я* на многие лѣта вшеи св[ет]лости от гсда бга *желаю*** (II, 27.116) – **мои млстивыи гсдрь *желает* вшму королевскому величеству полное и долговѣчное *здравие* и счастливое *пребывание* радостное и мирное *владѣте(л)ство* надо всѣми вшми пространными гсдрствы** (I, 6.66) – несмотря на общее доминирование РП при глаголе *желать*, в конструкции *желать кому чего/что* ВП (12 примеров) преобладает над РП (9); **такое дорогоцѣнное *смире[ние]* и впре(д) повседневно всем *жедаю* и счастливого *пр[е]быва(н)я*** (II, 16.114) – в одном и том же предложении переводчик употребил и ВП, и РП, что красноречиво свидетельствует о свободном варьировании этих двух падежей при глаголе *жедать (жадать)*[9]; **а у него у(ж) был и бои и *добычи добыли* на СП рублевъ** (III, 21.197 – именная форма *добычи* не может быть истолкована как ВП мн.ч.; *добыча* ни в исторических словарях русского языка, ни в современном русском языке не употребляется во мн.ч.) – **и тѣ ево люди на томъ острову великую *добычю добыли* всякого добра** (V, 15.121); **то(л)ко *просит* наперед *денег* и иное всякое *надо(б)е* своим ратным людям** (IV, 28.63) – опять варьирование падежей у однородных членов внутри одного предложения; **а коро(л) датцкои *прошаетъ* у свѣиского короля *четырех*** [*х* приписано] ***тысечь*** [*ь* написано по *и*] **людеи на помо(ч)** (V, 35.24) – характер правки (ВП заменен РП) показывает, что генетивное управление при *прошать* считалось корректным, по крайней мере для письменного языка.

б) Глаголы со значением уступки. При этих глаголах в В-К наблюдается слабое преобладание ВП над РП: *поступиться/поступаться* (27:24), *отступиться* (3:1). Главным средством для выражения объективного значения в XVII в. является ВП; "РП функционировал как архаический, вытесняемый элемент синтаксической системы" [Крысько 1997: 221]; ср. и обширный материал, приведенный там же.

Укажем несколько знаменательных примеров: **Мсца маия въ Е де *поступился***

---

[5] Учитывались только показательные примеры, т.е. в статистику не входят случаи с РП после отрицания и В = Р, выражающим категорию одушевленности. Падежные формы, вычеркнутые самим переводчиком или редактором, включаются в статистику. Цифры, превышающие 50, иногда могут указывать на приблизительное количество. В данном разделе первая цифра обозначает примеры с ПР, вторая – с ВП.

[6] При этом глаголе в В-К уже абсолютно преобладает конструкция *надѣяться на что*, актуальная до сих пор (30 примеров).

[7] Этот "глагол" встречается в В-К преимущественно в функции частицы (сотни примеров), и только в крайне редких случаях с зависимой именной формой. В этих случаях преобладает РП, но точной статистики у нас нет.

[8] Соответствующие конструкции из первоисточников – если они нам известны – приводятся после каждого примера. Знак равенства употребляется в тех случаях, когда данная управляемая форма находится в двух разных списках – в черновике и в беловике.

[9] Исключено, что ВП при этом глаголе проник в русский язык под влиянием польского: и в современном польском языке *żądać* управляет исключительно РП [Buttler 1976: 111], и в XVII в. тоже, судя по данным Варшавской картотеки польского языка XVII и начала XVIII в.

и здал кня(з) Беирскои *город* Линсъ цесарю да и *землю* Энскую (I, 23.79) – **Кня(з) Осолинскои подканцлѣрии а Сондомирского *воеводства поступился* брату своему** (I, 39.111) – варьирование конструкций в двух очень схожих контекстах: **еѣ королевино величество... *тѣ* преже помянутые *земе(л)* и *крѣпостеи* и *городы поступила(с)* и отдала опя(т) назад** (III, 8.153, att hennes Kongl May: tt... förbe:te Provincier, Fästningar / Städer och Land restituera igen / vplåta och affträda wille) – в одном предложении две объектные формы стоят в ВП, две в РП.

в) Глаголы со значением чувственного восприятия и памяти. Бесприставочный глагол целенаправленного слухового восприятия *слушать* в В-К одинаково часто (6:6) управляет ВП и РП (традиционным, единственно нормативным в древнерусском языке), в то время как при глаголе *послушать* доминирует РП (5:1), а при *выслушать* – ВП (10:2). Глагол активного зрительного восприятия *смотрѣть (смотрить)* преимущественно управляет ВП (8:6), а *досматривать* – РП (6:3); доминирующее управление РП присуще видовой паре *отвѣдать/отвѣдывать* (16:6). При глаголах нецеленаправленного слухового и зрительного восприятия *слышать, услышать, видѣть* абсолютно господствует аккузативное управление (присущее этим глаголам еще в древнерусский период). При глаголах памяти, *памятовать/попамятовать*, тоже преобладает ВП (10:2).

Приведем несколько примеров: **а послѣ пошли три полка его (ж) людеи и не хотѣли е[го] *указ слушать*** (II, П9.237 – пример из черновика; в беловике фигурирует более корректная для письменного языка того времени форма *указу* (II, 23.191)); **то(л)ко похоче(ш) моего *совѣту послушати*** (III, 4.407) – **всякои члвкъ кому лучитца *се дѣло* французское *послушает*** (I, 17.55); **курфистъ Саксескои... приказал въ Мензеле своему стремянному порутчику что(б) он свое *знамя смотрел*** (I, 4.8) – **а коро(л)... сам станет *смотрѣ(т) всего воиска*** (V, 1.47а) – варьирование в двух сходных контекстах.

г) Глаголы со значением охраны и заботы. В этой группе глаголов в исследуемом памятнике в общем и целом преобладает ВП (в отличие от древнерусского состояния), особенно существенно при глаголах *оберечь/оберегать* (25:3), *остерегать* (12:6) и *оборонять* (5:1). По-видимому, в XVII в. РП при данных глаголах – кроме *стеречь*, который, однако, в В-К вообще представлен только немногочисленными примерами (4 – РП, 1 – ВП), – уже вышел из разговорного употребления, хотя в известной мере сохранялся в письменности. Следует заметить, что по материалам В-К лексемы *оберечь/оберегать* демонстрируют сокращающееся употребление РП.

Отметим некоторые вариативные конструкции: **велѣл всѣ поморские *мѣста оберегати*** (IV, 59.396; ср. также П4.381) – **французкои коро(л)... велѣл *то(г) города* от папиныхъ людеи *оберега(т)*** (I, 9.6); **король поѣдучи оттоле приказал *беречи тот город*** (III, 23.18) – **а руских *мѣстъ беречь* от разоренья** (V, 42.36); **хотят прямо на Фалстъ и** [оборвано 5–6 букв] **и *то оборонати*** [так в ркп.] (I, 5.32) – **а будет в том преступле(н)е будет и градским жи(л)цамъ оружиемъ своим *того обороня(т)*** (V, 15.124).

д) Прочие глаголы, не объединенные близкими семантическими чертами: *мстить, отомстить (отместить)/отмщать, помиловать*. При глаголах "мести" управление варьируется еще в древнерусский период [Крысько 1997: 105–106]. В среднерусском языке, судя по материалам КДРС, эти глаголы управляют преимущественно ВП. Таково и состояние в В-К, где ВП значительно преобладают над РП (11:2). Приведем примеры: **поляки ищут *недружбу мсти(т)* Великои Росии другое** (V, 42.31) – **хотят имъ *мсти(т) смерти* отца ихъ** (I, 6.65); **и жа(л) бы мнѣ было кобы над ними *то отомстити*** (IV, 10.31) – **х[о]четца ему *того отомѣстити*** (II, 55.418). В ходе дальнейшего языкового развития обычное в XVII в. беспредложное аккуза-

тивное управление было заменено предложным (*мстить за что*), зафиксированным еще в древнерусском языке [Крысько 1997: 204], но не представленным в В-К.

При глаголе *помиловать* в среднерусский период тоже значительно преобладает ВП (по данным КДРС), но единственный пример в В-К демонстрирует РП, причем даже в двух списках: **в городе Грозглагове учинился пожар и погорѣли немногие дворы... а *полат* оружеиных бгъ *помиловал*** (I, 30.10 = П5.68–69). Можно предположить, что несомненно доминировавший в разговорной речи XVII в. ВП лишь случайно не отражен в В-К; ср. из другого памятника: **пощади и *помилуи сироту*** (Грамотки, 76).

Итак, при большинстве глаголов, в древнерусском языке управлявших РП, данное управление в разговорной речи первой половины XVII в. уже являлось устаревшим (ср. *поступиться, отступиться, слушать, смотреть, оберегать*). В В-К оно еще встречается, но преимущественно в официальных текстах государственной важности, например, в переводах мирных договоров, а чаще всего указанные глаголы сочетаются с ВП. Интересно заметить, однако, что этот господствующий в XVII в. тип управления в некоторых случаях не сохранился до наших дней, а в свою очередь в более поздний период был заменен разными предложными конструкциями (*отступиться от чего; мстить за что*) либо беспредложным ТП (*поступиться чем*). У некоторых глаголов РП в первой половине XVII в. претерпевает ограничение, в то время как ВП расширяет сферу употребления буквально на глазах. Сюда относится, в частности, глагол *ждать* и еще несколько глаголов с близким ему значением, а также глаголы *просить, прошать* и *оберечь, оберегать*. Приведем в качестве иллюстрации точную статистику генитивных и аккузативных конструкций для глаголов *просить/упросить, прошать*: I: 21:1; II: 15:3; III: 23:4; IV: 18:16; V: 20:7. Статистика показывает, что в первых трех томах РП очень сильно доминирует, в то время как в четвертом томе наблюдается почти полное выравнивание употребительности обеих форм (в пятом томе, впрочем, опять значительно преобладает РП).

2.2. Вариативность дательного и винительного падежей. В отличие от предыдущего случая, где ясно прослеживается общая тенденция – расширение сферы ВП при одновременном сужении сферы РП, в области вариативности ДП и ВП нельзя указать на сколько-нибудь определенную общую для всех глаголов тенденцию, а только на некоторые явления.

а) Ряд глаголов, управлявших ДП в древнерусский период, в принципе сохраняет этот тип управления и в XVII в. и лишь изредка сочетается с ВП, например, *извѣстить кому (что), грозить кому, помочь кому* (при крайне редких случаях управления *извѣстить кого (о чем), грозить кого, помочь кого*). Приведем несколько показательных примеров: **что(б) *то цесарю известити*** (IV, 52.317) – **и о том *извести(т)* его королевского *величества***[10] (ВП) ***датцкому*** (ДП) **за три ндли до приходу ратных людеи** (III, 8.144–145 – och at thet skal åth minstonne 3. wekur / för än thet ankommer / notificeras Hans M:tt i Danmarck och theß successorer; единственный пример в В-К, где "информируемое лицо" выражено ВП, причем только в первой части синтагмы; потом писец переходит на привычное дативное управление); **и он *грозит ему*** (I, 13.7) – **и *грозит нас.* и всѣхъ великих *гсдреи*** (I, 22.50); **а *помогаютъ ему* все голанския городы** (IV, 55.308) – **и многия гсдрьства *помогаютъ* шкотсково *короля*** (IV, 55.308; кстати, оба примера с глаголом *помогать* взяты из одного текста и даже с одного листа рукописи!). Спорадическая сочетаемость рассмотренных глаголов с ВП зафиксирована и в других источниках; ср. следующий пример из КДРС:[11] **остяков и**

---

[10] Форма *королевского величества* должна быть интерпретирована как ВП, т.е. существительное среднего рода *величество* затронуто категорией одушевленности, как это нередко бывает в XVII в., в частности в В-К.

[11] Сокращенные обозначения источников, цитируемых по КДРС, см. в книге: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. М., 1984.

самоед водят на измену, ***угражиают остяков*** **и** ***самоед*** **убивством** (Гр. Сиб. Милл. II, 203, 1607 г.).

б) При некоторых глаголах традиционный ВП варьируется с более новым и в отдельных случаях совсем недавно вошедшим в употребление ДП, например, *дарить кого чем / кому что* (13:3); *молить кого / кому* (23:4); *обнадежить / обнадеживать кого / кому* (24:6); *поздравить / поздравлять кого / кому* (13:6); *просить / прощать кого / кому* (11:1); *простить кого / кому* (12:4); *(по)терпѣть что / чему* (26:1); *(по)мѣшать что / чему* (19:22 – единственный глагол с превалирующим дативным управлением), ср.: **курфорстъ Бранденъборскои...** ***дарил ево*** **драгоцѣнным конскимъ нарядом** (V, 26.80) – ***а карабелным капитанам*** **золотые (ж) чѣпи по Ф золотых** ***дарил*** (IV, 26.56); **хочю я** ***вас*** **гсдна королевственново канцлѣра тако (ж) и** ***вши дѣти обнадежи(т)*** (III, 15.184) – **что(б) такое его** ***величеству обнадежи(т)*** (III, 53.390); **я его црского** ***величества*** (ВП) ***црвчю*** (ДП) **стану** ***поздровля(т)*** **со всякимъ добрым желань[ем]** (II, 25.122 – обращает на себя внимание употребление ВП, отражающего категорию одушевленности, и ДП в одной и той же синтагме); **и то сказывают что онъ** ***свѣянъ*** **о воине не против Москвы но против турского** ***просить*** **будет** (IV, 60.376) – **а мы** ***господину*** **Лангерману о твоем жалова(н)е такъ же и княжескои** ***милости просили*** (III, 5.398); **бгъ** ***простит ево*** **и** ***нас*** **от всѣх грехов нших** (I, 13.10) – **и то де** ***гданчаном*** **мочно** ***прости(т)*** **и забы[ть]** (V, 27.18а); **Кенихсъмаркъ** ***терпит*** **великую** ***нужу*** (II, 63.456) – **и то увидя и свѣдав по(л)нои маршалокъ Банир и** ***тому*** **не потерпѣл** (I, 35.5; Weil nun aber solches der H. FeldMarsch: Banner wol gesehen / vnd nicht nachgeben können noch sollen); **коро(л) Великие Британие имѣет причину того кардинала и его совѣтников** ***умышление помеша(т)*** (I, 17.55) – зачал промышлять **какъ бы тому** ***умышле(н)ю помеша(т)*** (I, 17.54) – оба примера взяты из одного текста, так что, насколько можно судить, один и тот же писец в течение нескольких минут употребил две разные синтаксические конструкции.

В некоторых случаях – например, при глаголах *дарить, мѣшать* – новое дативное управление постепенно стабилизировалось в языке; в других (*обнадежить, молить, просить, поздравить, терпѣть*) оно являлось только "временным отклонением", и аккузативное управление в конечном итоге осталось доминирующим. Единичные примеры с ДП не являются здесь выражением определенной тенденции, а только свидетельствуют о недостаточной стабильности синтаксической системы.

в) При одном глаголе *(по)мѣшать* можно отметить семантическое различие между двумя конструкциями: в сочетаниях с личным объектом этот глагол управляет почти исключительно ДП – *мѣшать кому*, в то время как в сочетаниях с предметным объектом конструкции *мѣшать что* и *мѣшать чему* свободно варьируются (примеры *см. выше, п. 2.2б)*[12].

2.3. Вариативность винительного и творительного падежей. В исследуемом памятнике зарегистрировано, как уже отмечалось, только четыре глагола с вариативным аккузативно-инструментальным управлением: *владѣть, завладѣть, метать, поступиться*. Первая из названных лексем относится к числу глаголов, исконно управлявших ТП [Стехин 1958: 97], но спорадически сочетавшихся с ВП еще в древнерусский период [Стехин 1958: 99; Maier 1997: 265–266]. В В-К при глаголах *владѣть/завладѣть* значительно преобладает ТП (95:11 для данной пары в целом), который в ходе дальнейшего развития русского языка полностью устранил ВП.

Приведем примеры, иллюстрирующие вариативность в сходных контекстах: **а в то время сыну ево всѣми** ***вотчинами*** **и** ***доходами владѣть...*** **а королю (б) шпанскому** ***владѣ(т)*** **Флондерскою Брабанскою** ***землями*** (V, 8.11) – **арцух Лотринскои... радѣет**

---

[12] Обращает на себя внимание отсутствие параллелизма с лексическим антонимом *помочь*, который управляет ВП одинаково редко в сочетаниях как с личным объектом, так и с предметным.

о томъ что(б) коро(л) с недруги своими помирился и *владѣлъ* бы *королевство свое* смире(н)ем (I, 17.24); **а будет имъ то не удастъся имъ тѣмъ *моремъ завладѣ(т)*** (V, 15.111) – **а то(л)ко турские люди то мѣсто во(з)мут и они и ве(с) Кандѣискои *остров завладѣют*** (V, 1.47).

При остальных глаголах этой группы в В-К доминирует ВП, особенно при *поступиться*, для которого засвидетельствован только один несомненный пример с ТП: **и тѣ цесарственные... *округом* надобно вѣда(т) не *поступилися*** (IV, 31.74). Как уже было сказано, в XVII в. при этом глаголе господствуют конструкции либо с РП, либо с ВП. ТП при *поступиться*, по-видимому, является инновацией XVII в., еще почти не отраженной в В-К, но в дальнейшем постепенно вытеснившей не только ставшее уже архаичным в данный период генитивное управление, но и распространенное в разговорной речи XVII в. аккузативное.

Глагол *метать* – единственный глагол с вариативным управлением в В-К, обозначающий физическое действие. Тут налицо старая вариативность, документированная уже в словаре И.И. Срезневского. Вариативность наблюдается только в тех случаях, когда объектом является предмет; если объектный актант обозначает живое существо, *метать* управляет исключительно ВП. В В-К встречаются лишь немногочисленные примеры с предметным объектом: три – с ВП, один (но в двух разных списках) – с ТП, ср.: **Нача(л)нои порутчикъ Кенихсъмаркъ... ко Бремену пошол и в тотъ город *ого(н) метал*** (III, 17.230) – **Сего утра почали мы из своиъ пушекъ опять стреляти тако (ж) и боявыми *рушными ядры метали*** (V, 2.22 = П1.9). Приведенные примеры описывают сходные ситуации: огонь и ручные ядра являются средствами нападения на врага. Заметим, что в некоторых контекстах вариативность ВП и ТП при этом глаголе может сохраняться и до настоящего времени.

2.4. Вариативность родительного и дательного падежей. Данный тип вариативности не типичен для русского языка – ни для более раннего периода, ни, тем более, для современного состояния; нам не известна ни одна работа, в которой освещалось бы сосуществование этих моделей управления. В рамках исследуемого памятника лишь два глагола – *доложить / докладывать* и *послѣдствовать* – характеризуются вариативным генитивно-дативным управлением, причем (как явствует из других источников), РП при указанных глаголах в XVII в. скорее всего уже был устаревшим.

Видовая пара *доложить / докладывать* в древнерусском языке управляла РП (ср. [Правдин 1956: 55–56]). На основе конструкции *доложить до кого*, отраженной, например, в [СДРЯ, III: 40], можно реконструировать более раннюю *доложить кого* (РП), но найти ранние примеры с РП нелегко ввиду совпадения форм РП и ВП в связи с категорией одушевленности. Так, в случаях типа *доложить князя, господина, его, патриарха* неизвестно, что это за падеж. Самый ранний пример с явным РП в нашем материале восходит к XV в. (по списку 1688 г.): ***доложа* старѣишихъ людеи и старостъ улицкихъ, Климентия Ивановичя и *Ликули* Лисичника, и всеи великои *улицы Рогатицы*** (ГВНП, 175; выделены только однозначные генетивные формы); ср. также следующую цитату: ***доложа* Троецкаго Сергиева монастыря *старца Иосеи* да пречистые Симанова монастыря *старца Ионы*** (АМСМ 27, 1524–25 гг.). В свете некоторых однозначных примеров мы придерживаемся мнения, что многочисленные амбивалентные формы в исторических словарях и в КДРС тоже отражают РП, а не В=Р. Начиная с XVI в., и особенно в XVII в., в КДРС спорадически появляются однозначные примеры с ДП, например: **И на утре шед во град на воевоцки двор и повелеша *доложити воеводе*, чтоб вышел к ней** (Пов. Карпе Сутул., 119).

Генитивное управление у этого глагола сообщения постепенно устарело. Это и не удивительно: РП для выражения адресата сообщения не является семантически мотивированным – ср. доминирующую в данный период модель управления близкого синонима *извѣстить / извѣщать кому что*. В XVIII в. *доложить* еще спорадически сочетается с РП; ср.: **И на тѣх челобитных архиерей помѣтил своею рукою: *доло-***

жить архиерея*; и судья старец Серапион [...] по тому дѣлу *архиерею* не *докладывал (1711–1716; [СлРЯ XVIII, 6: 199]).

В В–К отмечаются семь контекстов с синтаксически выраженным объектным актантом: пять – с РП и два – с ДП. Приведем несколько показательных примеров: **хотят о томъ *кнзя* свое(г)** [далее зачеркнуто ***му***] ***доложити*** (I, 31.11 – doch solches ihren Fürsten zuvor zuwissen thun; исправление формы *своему* на *своего* особенно красноречиво говорит о свободной вариативности) – **и ево црскому *величеству* млстиво *доложи(т)* что(б)...** (II, 75.505)[13]. Примеры с РП в В-К встречаются преимущественно в первых двух томах, так что можно предполагать, что переход от генитивного управления к дативному начался приблизительно в начале XVII в.

Второй глагол *послѣдствовать* в исторических словарях фигурирует исключительно с ДП. В памятниках, однако, можно найти также примеры с РП, ср. из Минеи второй половины XII в.: ***твоих послѣдоующемъ оучении*** (Мин. дек., 74) – очевидно, вариативность при этом глаголе достаточно старая (еще несколько примеров приводятся в книге [Maier 1997: 281–282]).

В В-К наблюдаются три примера с РП (два из которых с личным объектом и совпадением форм РП и ВП, один – с предметным объектом) и один – с ДП: **и учнем *послѣдствова(т)* верных *сагунтиновъ* и постояте(л)ных *картагинев* и *иных* таких которые в такои бедѣ бывали** (I, 6.70); **а сие удумал прежнии салтан Салиман а нне наслѣдники его *того же* хотят *последствовати*** (I, 6.72) – **и *послѣдствуи* своим *праотцем*** (I, 6.74). Думается, что РП при этом глаголе – как и при паре *доложить / докладывать* – в первой половине XVII в. уже вышел из разговорного употребления; однако только на основе материала из В-К, ввиду общего небольшого числа примеров с этими глаголами, подтвердить или опровергнуть это положение невозможно.

3. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КОНКУРЕНЦИЮ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В редких случаях можно предполагать, что в исследуемый период существовали некоторые семантические различия между конкурирующими глагольно-именными конструкциями. Так, например, сочетание *молить кого* в В-К обычно используется в значении 'спросить кого о чем-то', в то время как *молить кому* употребляется синонимично с *молиться кому* (кстати, не исключено, что тип управления возвратного глагола повлиял на управление невозвратного); ср.: **подобаетъ мнѣ о тишине и о мире за свое гдрство *бога молить*** (IV, 10.32) – **я вам говорю и *бгу молю*** (10.33; оба примера взяты из одного и того же текста, из последней речи английского короля Карла I перед казнью – к сожалению, шведский первоисточник этого перевода еще не найден). При некоторых глаголах с генетивно-аккузативной вариативностью – *ждать, добыть, просить, отступиться* (*чего /что*) – ВП фиксируется несколько чаще в сочетаниях с конкретными существительными, РП – с абстрактными[14].

Однако подавляющее большинство варьирующихся конструкций не поддается разграничению по каким-либо семантическим критериям. По-видимому, конкуриру-

---

[13] Во всех примерах из В-К с личным объектом вследствие омонимии между РП и ВП в принципе нельзя дать однозначный ответ на вопрос, какой это падеж, и только на основе недвусмысленных примеров из других источников в сочетании с тем фактом, что явные примеры с ВП с о в с е м не документированы, мы толкуем омонимичные формы из В-К как РП.

[14] Интересно заметить, что те сравнительно немногие глаголы, которые сохранили вариативность РП и ВП до настоящего времени, тоже ведут себя по-разному в зависимости от семантического типа объекта; ср. *ждать маму, сестру* / * *мамы*, * *сестры* – вариативности при личном объекте нет; *ждать поезд / поезда*; *ответ / ответа* – вариативность сохранилась для выражения конкретных, но неодушевленных объектов, а также абстрактных. Ср. также *искать дочь, карандаш, портфель* / * *дочери*, * *карандаша*, * *портфеля* – с одной стороны, *искать правду / правды* с другой, т.е. сохранилась только вариативность для выражения абстрактных объектов, но не конкретных.

ющие в В-К глагольно-именные сочетания различались главным образом на стилистическом уровне: в то время как одна из конструкций обычно уже выходила из активного речевого употребления, но еще могла использоваться в документах и порой, возможно, рассматривалась как единственная корректная письменная форма, другая конструкция могла принадлежать к разговорной речи и с большей или меньшей регулярностью отражаться в памятниках. Ряд конструкций без какого-либо семантического различия были уже приведены в п. 2; ср. также следующие сочетания, используемые в одинаковых или очень близких контекстах: *стере(ч) того* (V, 20.144) – *то стере(ч)* (I, П2.61); *то остерегати* (IV, 1.247) – *того (ж) остерегати* (III, 58.61); *обороняти то* (I, 22.47) – *того обороня(т)* (V, 15.124); *королеве здравствовали* (I, 39.119) – *кнегиню здравствует* (II, 70.441).

Приведем еще два примера из В-К со сходными контекстами: **В здѣшние мѣста много цесаревых воинских приказных людеи приезжают... *ищут* себѣ *службы* и господина** (I, 30.31 – suchen andere Herren; *службы* толкуется как РП ед.ч. на основании рядоположенности с формой *господина*, а также на основании следующего примера, где *службу* является несомненной формой ед.ч. В сравнении с немецким оборотом *suchen andere Herren* переводчик сделал уточнение, добавив слово *службы*, которому в оригинале нет соответствия) – **а до тѣхъ мѣстъ ско(л)ко возмож[но] его црского величества *службу иска(т)* ст[а]немъ** (II, 67.376). В В-К при глаголе *искать* существенно преобладает РП, согласно древнерусской норме. Вариативность между конкурирующими конструкциями наблюдается главным образом в сочетаниях с абстрактными существительными, как, например, в приведенных примерах, – единственная сфера, где указанная вариативность сохранилась до настоящего времени.

4. СРАВНЕНИЕ РУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С КОНСТРУКЦИЯМИ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Как было сказано выше, для значительной части русских переводов, напечатанных в пяти томах В-К, уже обнаружены первоисточники – западноевропейские печатные "газеты". Все выявленные оригиналы доступны нам в виде ксерокопий. Сравнение русских синтаксических конструкций с конструкциями первоисточников показало, что приблизительно четвертая часть русских примеров имеет синтаксически сходные формы в оригинале: например, немецкий ДП переведен на русский язык таким же ДП, или прямому объекту нидерландского и шведского языков в русском переводе соответствует ВП. Однако подавляющее большинство всех рассматриваемых сочетаний (около 75%) в первоисточнике и в русском переводе так сильно расходятся, что они несравнимы с точки зрения синтаксиса; разумеется, о калькировании иностранной синтаксической конструкции в этих случаях не может быть и речи. В той четверти примеров, где обороты оригинала и перевода более или менее совпадают, прямое влияние источника обычно тоже не очень вероятно, поскольку чаще всего мы имеем дело с такими примерами, где синтаксическая конструкция исходного языка случайно совпадает с превалирующей конструкцией русского языка того времени или с одной из возможных варьирующихся форм: *einer Sache gewärtig – ожидать чего* (I, 30.11 – немецкому прилагательному соответствует русский глагол, но и тут и там управляемый падеж – РП), *iets hooren* ("что-то слышать") – *выслушать что* (III, 58.91), *etwas visitieren – смотрѣть что* (I, 30.25–26), *etwas rächen – мстить что* (V, 29.32), *jemanden anrufen* – молить кого (I, П5.61), *jemandem drohen – угрожать кому* (V, 29.37) и т.д.

4.1. Приведем сначала несколько цитат из В-К, в которых синтаксис перевода приблизительно соответствует синтаксису источника, но, по нашему мнению, нет основания подозревать калькирование: **а свое(г) воиска *на што* он *надѣялся* болшюю половину потерял** (I, 35.3 – vnd seine mächtige Armee / darauff Er sich verlassen); **в том же городе работают добрѣ си(л)но рудознатцы *ищут* золотые *руды*** (I, 28.54 – die

verborgene Schätze zu finden); **а *Лансъборхъ* нѣдруги не *доступили*** (I, 31.6 – der Feindt hätte solches nicht einbekommen); **и о том *потверже(н)я* и *обновле(н)е* у цесаръского величества... *просити*** (IV, 1.294–295 – die Investitur... begehren; обращает на себя внимание употребление РП и ВП в одной синтагме – признак колебания между двумя конструкциями); **а славные школы и честные думы думные люди *ево* чтили и розными *подарками дарили*** (I, П5.59 – vnd darneben mit sonderlichen Präsenten verehret); **[и опа]саютца того что(б) они тѣх людеи [н]а пруской берег не посадили что(б) тѣм *завод* и *промысел* которои над островом Эзелем чинят не *помешали*** (III, 36.525 = = P3.489 – om daer door d'intentie op't Eylandt Oesel af te wenden); **цесаревы люди *им*** [*м* написано по *х*] **добрѣ *грозят*** (I, 28.48; vnnd wird den Ulmern sehr gedrohet – немецкому пассивному обороту в переводе соответствует активный). Неуверенность переводчика в управлении непосредственно явствует из правки в последнем примере: первоначальный ВП заменен традиционной и "корректной" в письменном языке формой ДП (*их... грозят* → *им... грозят*).

Использованные здесь русские конструкции, на наш взгляд, едва ли следует интерпретировать как кальки по образцу источника. Если, например, немецкое сочетание *sich auf etwas verlassen* в первом примере переводится точным русским синтаксическим эквивалентом *надѣяться на что,* этот факт вряд ли можно расценить как синтаксическую кальку, а скорее как случайное совпадение синтаксических конструкций в обоих языках. Характерно, что аналогичная немецкая конструкция с глаголом *warten* (*auf jemanden / etwas warten*) никогда не переводится на русский язык какой-либо из конструкций типа * *ждать* (*дождать / дожидать, выжидать, дождаться / дожидаться*) *на кого / на что*, а только исконно русскими оборотами *ждать* (*дождать*, ...) *кого*; *чего / что*; ср., например, перевод немецкого предложения "auff welches die Herren Stände in Böhmen auch wartten": **а ческие настоятели также *нѣчто выжидают*** (I, 30.4 = П5.64). Подобным образом и шведская предложная конструкция *trachta efter något* "стремиться к чему-л." переводится не аналогичной русской предложной конструкцией, а доминирующим русским оборотом *доступать чего*: **и *того* мы всякими мѣрами хоти[м] *доступа(т)*** (II, 96.397 – ther effter Wij på thet högsta trachta). Немецкое сочетание *renuncieren* с ДП, которое часто встречается в первоисточниках, ни разу не передается не существующей в русском языке конструкцией с ДП, а переводится, например, исконно русским эквивалентом *поступаться чего*; ср.: **А проти(в) того тѣ аръцухи *поступаютца своего права* которое они имѣют на арцыбископство Магденбурское и Бременское** (IV, 1.292 – Hinwiederumb renunciren selbige Hertzogen den Postulationen vnd Coadjutoreyen / an die Ertz-Bistümer Magdeburg vnd Bremen).

4.2. В крайне редких случаях в исследуемом памятнике наблюдаются синтаксические конструкции, не характерные для русского языка и не зарегистрированные также в других текстах того же, более раннего или более позднего периода. Приведем самый "подозрительный" пример: **надѣюся на бга что** [чтоб? – *И.М.*] **такои чюднои водою с помо(ч)ю бжиею млстию и своим вѣрным молением *к* своему полному *здра(в)ю доступил*** (III, 48.297 = П8.36 – zu meiner völligen restitution zu gelangen). Конструкция *доступить / доступать к чему* не зафиксирована нами ни в одном русском источнике, а в В-К встречается сразу в двух независимых контекстах – более того, в данном примере она даже представлена в двух разных списках: в черновике и в беловике. Кроме приведенного примера отмечена конструкция *ко владѣнью доступала* (III, 15.182) – кстати, тоже перевод с немецкого языка, хотя оригиналом, к сожалению, мы в данном случае не располагаем. Несмотря на то, что немецкое влияние на рассматриваемую конструкцию кажется весьма вероятным, его все же нельзя считать твердо установленным: отсутствие указанной конструкции в исторических словарях русского языка, в КДРС и в исследованных нами памятниках еще не является доказательством того, что в истории русского языка она никогда не употреблялась вне

переводов с немецкого; не исключено, что сплошное обследование более обширного корпуса текстов могло бы выявить данную конструкцию и в другом, не переводном источнике. Так, для близкого синонима данного глагола, *достигнуть*, модель *достигнуть к чему* документирована, ср.: **И сиа в себѣ помолився великии Артемие, *достиже к темницѣ* съ святыми мученикы** (ВМЧ Окт. 19–31, 2088); **дотоли ти угодно бѣяше, Хрисан'фе, темными книгами почитание, дон'деже *достигну къ свѣту* истинны** (ВМЧ Окт. 4–18, 1086 – оба примера приведены по КДРС). Правда, в первом примере из КДРС данная конструкция употреблена в конкретном, местном значении, но контекст второго примера достаточно близок к приведенной выше цитате.

Помимо конструкции *доступить к чему*, в В-К зафиксировано еще несколько примеров, в которых синтаксические обороты источника и перевода так близки, что можно предполагать влияние оригинала. В примерах, приводимых ниже, переводчики выбрали русские конструкции, засвидетельствованные и в других памятниках, хотя использованные ими формы не являются доминирующими в XVII в.: **и никоторому настоятелю цесарстенному** [так в ркп.] **не во(л)но никакому ни силою и оружием *праву свою доступа(т)*** (IV, 1.312 – sein Recht weder mit Gewalt noch Waffen zu suchen) – немецкому ВП *sein Recht* соответствует *праву свою*, в то время как господствующей формой управления при этом глаголе (особенно в несовершенном виде – *доступать*) в XVII в., судя по примерам из В-К, являлся РП; **нши то разумѣли пошли против ротмистра Корка которои был у нас что(б) недруговых людеи и стоновищь** [так в ркп., ***из становищ***?] **вымани(т) и какъ ѻнѣ *то догодали(с)*...** (II, П4.27 – Als der Feind dieses vermercket). Конструкция *догадаться что* встречается не только в В-К, но и, например, в разговорнике Тённиса Фенне: Ia *to* daffno *dogadalse*: primetil, tzto tovar oman bül [Fenne, 378]. Д.И. Буторин [1966: 128] приводит следующий пример из Герцена: **ежели он *догадается причину*, тем лучше**. Тем не менее калька с немецкого здесь не совсем исключена: в В-К отмечено четыре примера конструкции *догадаться что* (включая одно исправление, которое приводится только в примечаниях к В-К II, 4.38); в двух из них русский ВП имеет соответствие в форме ВП немецкого оригинала. РП при глаголе *догадаться* в В-К зарегистрирован только один раз (I, 22.12), причем в данном примере налицо отрицание, так что он не показателен.

"Подозрительным" является и сочетание *помоч отвѣда(т)* – судя по примерам из КДРС, в XVII в. господствующей формой управления при глаголе *отвѣдать / отвѣдывать* являлся РП. Приведем пример из В-К: **тако (ж) послал яз к вшеи млсти к высокоумному россуже(н)ю будет похочет такое млстиво изволи(т) такую бжию *помоч* в бжие имя тако (ж) *отвѣда(т)*** (III, 48.297 = П8.36 – dieses Göttliche Remedium im Nahmen Gottes auch zuversuchen). В В-К, как и в КДРС, в принципе преобладает РП (16 примеров из 22), так что ВП в данном примере, причем в двух разных списках, вполне возможно, возник под влиянием со стороны первоисточника, в котором глагол *versuchen* управляет ВП. С другой стороны, вариативность при глаголе *отведать*, судя по данным различных компьютерных корпусов современного русского языка, сохранилась до сих пор, так что аккузативную конструкцию едва ли нужно рассматривать как явную кальку с немецкого.

Модель управления *помогать что*, не обнаруженная нами в других русских источниках, в В-К встречается один раз – возможно, под влиянием нидерландского оригинала: **Статы Генера(л)ные Соединенных Недерлянских земе(л)... почли имяновати людеи которым всею силою и полною мо(ч)ю *помогати* преж имянованное *собрание* и *дѣло*** (III, 58.93 – sullen assisteren de voorsz. Versamelinghe ende Handelinghe); нидерландский глагол *assisteren* управляет беспредложным объектом, который мог быть воспринят русским переводчиком как ВП (в нидерландском языке XVII в. уже не было морфологического различия между ДП и ВП).

Как было отмечено выше (п. 2.3), при глаголе *владѣть* в В-К абсолютно преоб-

ладает ТП, поэтому в следующем примере есть основание подозревать непосредственную кальку с немецкой конструкции *üben* + аккузатив: **То(л)ко тѣмъ выговором что(б) всякому кнзю и настоятелю во(л)но было свое имѣющее *право уложе(н)я* и *во(л)ность* в своих мѣстех *владѣть*** (IV, 1.312 – seine habende Jurisdiction / Gesetze und Constitutionen / an seinem Ort competenter zu üben); обращает на себя внимание также дословный перевод конструкции *seine habende*, "свое имѣющее", которая необычна не только в русском, но и в немецком языке.

Наряду с примерами, о которых мы на основе сравнения с первоисточником можем с бо́льшей или меньшей вероятностью утверждать, что синтаксическая конструкция иностранного подлинника повлияла на выбор русской конструкции, зарегистрировано и несколько контекстов, где тоже не исключено влияние первоисточника, но при отсутствии реального оригинала подобные рассуждения остаются чисто умозрительными. Сюда относится, например, следующая цитата из В-К: **и *обнадежили им* от тебя добро[й] *платеж* что ты имъ долженъ** (II, 47.289) – конструкция *обнадежить кому* (*что*) могла быть избрана под влиянием источника, если там фигурировало, допустим, сочетание с немецкими глаголами *versprechen* или *versichern*, управляющими ДП.

В следующем примере допустимо рассматривать конструкцию *помогать к чему* как окказионализм; вполне возможно, что в оригинале имелось аналогичное словосочетание типа *zu etwas beitragen*: **а будетъ гсда Статы *к* такому доброму *делу помогати* хотятъ** (V, 8.1 = 9.1). Однако сама эта русская конструкция документирована и в других источниках, например, у Петра Великого (Письма и бумаги, 555): **ибо господинъ Степни чрезъ брата моего склоненъ есть и хощетъ *к тому* совершенно *помогать* и ничего не желаетъ**.

"Подозрительным" является также управление глагола *памятовать* РП; в В-К – как и вообще в среднерусском языке – при этом глаголе существенно преобладает ВП: **а по томъ вамъ своим дѣтям воспоминать тако (ж) чинить и вшего славново *жи(т)я* себѣ на образецъ *памятова(т)*** (III, 15.184). Пример переведен с немецкого языка, где мог быть употреблен либо глагол *gedenken*, либо *sich erinnern* с РП, но немецкий источник (который в свою очередь является переводом шведского оригинала речи королевы Христины 1645 г. [Maier 1997: 79–80]) нам не удалось обнаружить.

4.3. В большинстве случаев, однако, русский переводчик выбирал исконно русскую конструкцию даже тогда, когда она сильно отличалась от конструкции первоисточника. Так, например, немецкие, нидерландские и шведские эквиваленты русских глаголов 'стремления' обычно транзитивны, в то время как в русских переводах чаще употребляется конструкция *искать, просить чего* – хотя сочетания *искать, просить что* тоже существовали. Ср., в частности, следующие примеры: **для того туто еще нѣсколко тысечь члвкъ живут для исцеле(н)я чтобы им ис того колодезя тако (ж) воды приняти и своего *здравья* тѣм *добыти*** (III, 48.292–293 = П8,33 – vnd ihre Gesundtheit dardurch zuerlangen verhoffen; немецкий глагол управляет ВП, а русский – РП); **нача(л)нои маюр Кровъ... *просилъ* у курфирст[а] Бранденбургского *проѣзду* на Кест[рин] на цесарево имя** (II, 7.27 = П4.24–25 – daher General Major Krakaw... den Paß zu Cüstrin in Käys Mayt. Nahmen gesuchet; немецкому ВП соответствует русский РП); **онъ нам о(б)явил и *прошал* у нас *свидете(л)ства* и проѣзжей *грамоты*** (III, 8.138 – begärandes ther på thetta wårt paß och wittnesbörd; шведский глагол *begära* управляет прямым объектом *thetta wårt paß och wittnesbörd*, а русское соответствие *прошать* – РП).

Подобным образом, транзитивные глаголы 'владения' в переводе обычно передаются доминирующей русской конструкцией *владѣть чем*; ср.: **а что о во(л)ности что дано бископству Каминскому *которым владѣлъ* арцугъ Померскои** (IV, 1.262 – Auch alle das Recht / so in Übertragung... des Camminensischen Capituls / die Hertzogen aus Vorpommren / vor diesem gehabt).

Нидерландские предложные конструкции *tot iets geraken* и *tot iets komen* ("достигнуть чего-то") переведены не русскими предложными конструкциями, а преобладающей в русском языке моделью *достигнуть чего*, хотя *достигнуть до чего* и *достигнуть к чему* тоже документированы в русских памятниках [Maier 1997: 148]; ср.: **что(б) *достигнути* такого доброго *конца* и *цѣли*** (III, 58.48 – Om te geraken tot soo goeden eynde / ende gewenscht oogmerck); **что(б) лутчи мочно *достигнути* общего *миру* во Еуропе** (III, 58.90 – om soo veel te beter te komen tot eenen Generale Vrede in Europa).

Все приведенные примеры показывают, что следует быть крайне осторожным при оценке непривычной в русском языке конструкции как кальки с иностранного источника. Хотелось бы привести еще один пример, где влияние немецкого подлинника на русскую конструкцию казалось совершенно очевидным – до того момента, когда этот источник был обнаружен и данный пример действительно мог быть сопоставлен с оригиналом: **обои господа цесаревы также и свѣиские полномочные правые свои руки дали и *счастие желали* с радостию при настоятелях которыхъ было тут мное** [так в ркп.; *многое*?] **число** (IV, 1.315 – worbey mit Glückwünschen vnd Frolocken / die Stände in groβer Anzahl versamlet vnd gegenwärtig gewesen) – в немецком оригинале вообще нет глагольного соответствия русскому обороту *счастье желали*! Переводчик употребил конструкцию, "ошибочную" с точки зрения нормы, но встречающуюся не только в В-К (см. выше, п. 2.1а), но окказионально также в других русских источниках вплоть до настоящего времени (ср. примеры в книге [Maier 1997: 115–116]).

5. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Итак, система глагольного управления, представленная в В-К, может быть охарактеризована как вполне адекватное отражение живых процессов и явлений русского синтаксиса того времени со свойственной ему широкой вариативностью зависимых форм, чаще всего не обусловленной семантически и в еще меньшей степени продиктованной ориентацией на язык оригиналов. Эта система, в которой уживались исконные (как архаичные, так и все еще актуальные) конструкции и новые (но не обязательно "победоносные") обороты, носит переходный, промежуточный характер, отражая состояние, типичное для некодифицированного языка[15].

ИСТОЧНИКИ

АМСМ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983.

В-К I – Вести-Куранты, 1600–1639 гг. М., 1972.

В-К II – Вести-Куранты, 1642–1644 гг. М., 1976.

В-К III – Вести-Куранты, 1645–1646, 1648 гг. М., 1980.

В-К IV – Вести-Куранты, 1648–1650 гг. М., 1983.

В-К V – Вести-Куранты, 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949.

Грамотки – Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969.

КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. – хранится в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).

Мин. Дек. – Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. Köln etc., 1993.

Письма и бумаги – Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–1991–. Т. 1–4–.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л. – СПб., 1984–1995–. Вып. 1–8–.

Fenne – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607. Copenhagen, 1970. Vol. II.

---

[15] Автор выражает глубокую благодарность профессору В.Б. Крысько, который прочитал рукопись, исправил языковые ошибки и сделал ряд очень ценных замечаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буторин Д.И. 1966 – Об особых случаях употребления винительного прямого объекта в современном русском литературном языке // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.; Л., 1966.

Гурьева Е. 1963 – Объектные родительный и винительный падежи // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии. № 6. Тарту, 1963.

Историческая грамматика 1978 – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

Котков С.И., Попова З.Д. 1986 – Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М., 1986.

Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Крысько В.Б. 1997 – Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.

Крысько В.Б., Majer I., в печати – [Рецензия] // RLing. Vol. 21, № 3. Рец. на кн.: Вести-Куранты, 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996.

Ломов А.М. 1966 – К вопросу о варьировании некоторых форм грамматического объекта (на материале южновеликорусских памятников деловой письменности) // Филологические очерки (По материалам Воронежского края). Воронеж, 1966.

Ломтев Т.П. 1956 – Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Попова З.Д. 1969 – Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века (структурно-семантическое описание). Воронеж, 1969.

Правдин А.Б. 1956 – Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Уч. зап. Ин-та славяноведения. М., 1956. Т. 3.

Стеценко А.Н. 1972 – Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.

Сравнительно-исторический синтаксис 1968 – Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968.

Стехин Ю.К. 1958 – К истории управления глаголов со значением «править, владеть» в русском языке // Наук. зап. Дніпропетр. ун-ту. Днепропетровск, 1958. Т. 64. Вип. 15.

Стехин Ю.К. 1962 – Из истории глагольного управления в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.

Buttler D. 1976 – Innowacje składniowe współczesnej polszczyzny (Walencja wyrazów). Warszawa, 1976.

Maier I. 1997 – Verbalrektion in den "Vesti-Kuranty" (1600–1660). Eine historisch–philologische Untersuchung zur mittelrussischen Syntax. Uppsala, 1997.

Schibli R. 1988 – Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty), 1600–1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik. Bern, 1988.

№ 5 1997

© 1997 г. М.Ю. ФЕДОСЮК

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Повышенный интерес современной лингвистики к исследованию речи обусловил рост популярности таких понятий, как "жанр речи" или "жанр общения", которые все чаще начинают встречаться на страницах лингвистических изданий (ср. [Арутюнова 1992; Дементьев 1995; Земская 1988; Капанадзе 1988; Китайгородская, Розанова 1995; Кожин, Крылова, Одинцов 1982; Матвеева 1995; Панов 1963; Федосюк 1996; 1997; Шмелева 1990; 1995; Wierzbicka 1983] и др.). Как известно, основы теории жанров речи были изложены М.М. Бахтиным еще в работе "Марксизм и философия языка" [Волошинов 1929], а затем получили развитие в статье "Проблема речевых жанров" [Бахтин 1986], которая была написана в 1952–1953 гг., а впервые опубликована в 1978 г. (полностью – в 1979 г.). Естественно, что основные положения любой живой научной теории требуют своего постоянного уточнения, развития, а иногда – частичного пересмотра, и теория речевых жанров не является в данном случае исключением. Обратившись к перечисленным выше работам, нетрудно заметить, что в одних случаях подобная модернизация рассматриваемой теории (к сожалению, не всегда достаточно явно) уже произведена, а в других случаях потребность в ней ощущается. Это обстоятельство и определило основную цель настоящей статьи. Ниже мы попытаемся выявить некоторые вопросы теории речевых жанров, которые нуждаются, по нашему мнению, в дополнительном рассмотрении, и предложить возможные варианты их решения.

1. РЕЧЕВОЙ ЖАНР – ТИП ВЫСКАЗЫВАНИЯ ИЛИ ТИП ТЕКСТА?

По известному определению М.М. Бахтина, речевые жанры – это "относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний" [Бахтин 1986: 255]. При этом высказывание в данном случае – это совсем не некий речевой эквивалент предложения, как очень часто понимают упомянутый термин в современном синтаксисе, а нечто вроде реплики диалога в расширенном понимании этого термина. М.М. Бахтин определяет высказывание как основную единицу общения, во-первых, отграниченную от других таких же единиц сменой субъектов речи, а во-вторых, обладающую смысловой завершенностью.

Характеризуя первую из упомянутых конститутивных особенностей высказывания, М.М. Бахтин пишет так: "Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании)" [Бахтин 1986: 263].

Что же касается второй особенности высказывания, то она получает в работе М.М. Бахтина следующую характеристику: «Завершенность высказывания – это как бы внутренняя сторона смены речевых субъектов: эта смена потому и может состояться, что говорящий сказал (или написал) *все*, что он в данный момент или при данных условиях хотел сказать. Слушая или читая, мы явственно ощущаем конец выска-

зывания, как бы слышим заключительное "dixi" говорящего. Эта завершенность – специфическая и определяется особыми критериями. Первый и важнейший критерий завершенности высказывания – это *возможность ответить на него*, точнее и шире – занять в отношении его ответную позицию (например, выполнить приказание)" [Бахтин 1986: 268–269].

Нетрудно заметить, что бахтинское определение речевых жанров как тематических, композиционных и стилистических типов **высказываний** в современных лингвистических исследованиях было подвергнуто неявному пересмотру. В них жанрами нередко именуются не только типы высказываний (в бахтинском понимании этого термина), такие, например, как сообщение, рассказ, просьба или вопрос, но и типы диалогических текстов. Пишут (в том числе и те лингвисты, которые непосредственно опираются на работу М.М. Бахтина) о таких жанрах, как "информативный" или "прескриптивный диалог", "обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины", "диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений", "эмоциональный", "артистический" и "интеллектуальный диалог" [Арутюнова 1992]; "беседа за семейным столом" и "диалогизированный унисон" [Китайгородская, Розанова 1995: 85, 35]; беседа, дискуссия, спор и ссора [Шмелева 1995: 59; Wierzbicka 1983: 131]. Представляется, что подобное неоговоренное отступление от концепции М.М. Бахтина допускает и сам М.М. Бахтин, когда упоминает в своей статье "жанры салонных бесед на бытовые, общественные, эстетические и иные темы, жанры застольных бесед, бесед интимно-дружеских, интимно-семейных и т.д." [Бахтин 1986: 273].

Описанное положение неслучайно. Очевидно, что все перечисленные выше типы диалогов так же, как и типы высказываний (в бахтинском понимании), обладают своими собственными тематическими, композиционными и стилистическими особенностями, и потому было бы удобно говорить не только о жанрах высказываний, но и жанрах диалогических текстов.

У рассматриваемой проблемы есть и другая сторона. Как показывают наблюдения, не так уж редки случаи, когда в составе некоторого текста, ограниченного с обеих сторон сменой субъектов речи, можно обнаружить несколько фрагментов, обладающих относительной смысловой завершенностью, а также своими собственными тематическими, композиционными и стилистическими особенностями. Иллюстрируя сказанное на материале записей разговорной речи, можно утверждать, что реплика из нижеследующего примера (1) сочетает в своем составе рассказ и вопрос, реплика в примере (2) – осуждение и предостережение, а реплика в примере (3) – ответ и рассказ (границы между упомянутыми компонентами мы обозначили знаком #).

(1) **Ш**. <...> Ну это было интеллиге́нтское такое/ вы́ученное произношение/ я качаловского произношения/ не-не-не любил// Вот// Но все же э... А у этого/ у-у Остужева было что-то совсем/ такое особенное/ вот/ когда/ сейчас/ этот э... Андроников рассказывает... # Вы слышали как Андроников/ "Горло Качалова"/

Е. Да// [Китайгородская, Розанова 1995: 13].

(2) **А**. – Ну лезет/ вот/ мне под руку/ и лезет// # не ставь мне под нос кастрюлю/ а то я/ тебе/ потом/ её (НРЗБ) [ЖР: 19].

(3) **Б**. А поч... что это такое?

А. Ноги/ это таёжный костёр// Это-о когда брёвна кладутся вдо́ль все/ рядышком одно к одному/ то (е)сть не в кучку/ а вдоль// (*Дальше рассказ А. идет на фоне тихого телефонного разговора Г.*) # Вот// и/ значит наре́зал ла́пничку/ сам прилёг рядом вдоль/ ну вот дрова были немножко фиговенькие/ поэтому | придремать не удалось/ но всё равно// [Китайгородская, Розанова 1995: 90].

Есть, очевидно, определенные основания для того, чтобы квалифицировать как тексты, принадлежащие к разным речевым жанрам, и такие, безусловно, обладающие своими тематическими, композиционными и стилистическими особенностями компо-

ненты художественных произведений, как посвящение, эпилог, лирическое отступление, портрет или пейзаж. На эту крамольную мысль наводит читателя сам М.М. Бахтин, когда доказывает, что предложение *Солнце взошло* способно обладать определенным смыслом только в составе высказываний, например таких, как "Солнце взошло. Пора вставать" или "Солнце взошло. Но еще очень рано. Нужно еще поспать". "Предложение это, – пишет далее М.М. Бахтин, – может входить и в состав художественного произведения как элемент пейзажа. Здесь ответная реакция – художественно-идеологическое впечатление и оценка – может относиться только к целому пейзажу" [Бахтин 1986: 276]. Из этих слов вытекает, что отдельные компоненты больших художественных произведений (а такие произведения, по М.М. Бахтину, являются целостными высказываниями) и сами по себе обладают важнейшим признаком высказывания – способностью вызывать ответную реакцию.

Все сказанное помогает осознать, что два выделенных М.М. Бахтиным конститутивных признака того, что он именует высказыванием, – смена речевых субъектов и завершенность, дающая адресату возможность занять ответную позицию, – далеко не всегда совпадают. Смена речевых субъектов – это абсолютный и строго формальный признак. Он действительно присущ высказыванию – основной единице речевого общения, целесообразность выделения которой не вызывает у нас никаких сомнений. Завершенность же представляет собой содержательный признак, который имеет относительный характер: определенной степенью завершенности обладает и все художественное произведение, и каждая из его составных частей, и одна реплика диалога (или даже, как было показано выше, часть реплики), и весь диалог в целом. Этот признак, с позиций современной лингвистики, присущ не высказыванию, а иной, не тождественной высказыванию речевой единице – **тексту** [см. ЛЭС: 507].

Что же касается понятия "речевой жанр", то, по-видимому, область его возможного применения не ограничивается только высказываниями. Уточняя М.М. Бахтина, удобнее считать, что речевые жанры – это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов. Подобное решение позволит нам квалифицировать как речевые жанры и такие типы монологических текстов, как сообщение, рассказ, просьба или вопрос, и такие типы диалогов, как беседа, дискуссия, спор или ссора. Аналогичным образом, жанрами можно будет именовать и рассказ, повесть или роман, и компоненты этих текстов: эпилог, лирическое отступление или пейзаж. Необходимо только терминологически разграничить указанные разновидности речевых жанров.

Поскольку пара терминов "простые" и "сложные жанры" уже была использована М.М. Бахтиным для противопоставления тех **первичных** жанров, которые образовались в условиях непосредственного речевого общения, жанрам **вторичным**, возникающим в рамках художественного, научного и других форм сложного культурного общения (см. [Бахтин 1986: 252]), здесь можно было бы воспользоваться терминами "элементарные" и "комплексные жанры". В этом случае под **элементарными** речевыми жанрами следовало бы понимать такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. Примером элементарных речевых жанров могут служить сообщение, похвала, приветствие или просьба. **Комплексными** же речевыми жанрами надо было бы считать типы текстов, состоящие из компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра. Комплексные речевые жанры могут быть **монологическими**, т.е. включающими в себя компоненты, которые принадлежат одному говорящему или пишущему (это, например, такие жанры, как утешение, убеждение или уговоры [ср. Федосюк 1996]), и **диалогическими**, т.е. состоящими из реплик разных коммуникантов (например, беседа, дискуссия, спор или ссора).

2. КАК СООТНОСЯТСЯ ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ И ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ?

В литературе неоднократно отмечалось [см. Земская 1988; Кобозева 1986; Шмелева 1990; Wierzbicka 1983] сходство бахтинской теории речевых жанров и созданной примерно в то же самое время английским логиком Дж. Остином [Остин 1986] теории речевых актов (напомним, что знаменитые лекции Остина были прочитаны им в 1955 г., т.е. через два года после написания М.М. Бахтиным статьи "Проблема речевых жанров", а опубликованы в 1962 г., т.е. на шестнадцать лет раньше, чем работа М.М. Бахтина). Логическая в своей основе, теория речевых актов оказала большое влияние на современную лингвистику, и потому при решении близких по характеру проблем одни ученые используют термины теории речевых жанров, тогда как другие прибегают к терминологии теории речевых актов (ср. [Булыгина, Шмелев 1994; Гловинская 1993; Ранних 1994; Pisarek 1995 и др.]). В связи со сказанным возникает потребность выяснить, во-первых, какими достоинствами и недостатками применительно к решению лингвистических проблем обладает каждая из упомянутых теорий, а во-вторых, как соотносятся между собой основные понятия этих теорий.

Говоря о тех преимуществах, которые имеются, по нашему мнению, у бахтинской теории речевых жанров, следует, прежде всего, отметить ее бóльшую "филологичность: она вписывает объект исследования в контекст уже известного филологам явления – литературных жанров, которые М.М. Бахтин, как известно, квалифицировал как вторичные, или сложные, жанры. При этом теория М.М. Бахтина концентрирует свое внимание на типах текстов, а не действий, как это делает теория речевых актов, которая обращается к рассмотрению и таких не получающих языкового отражения факторов, как искренность или неискренность говорящего.

Немаловажно и то, что, по справедливому наблюдению А. Вежбицкой, именно теория речевых жанров последовательно выходит за рамки исследования языка "в самом себе и для себя" и обращается к анализу не предложения, а реальных единиц речевого общения. Констатируя, что в работах по теории речевых актов, как правило, подвергаются анализу лишь такие акты, которые получают выражение с помощью одного предложения, А. Вежбицка пишет: «<...> трудно избавиться от впечатления, что "акт речи" – это понятие, не только нигде и никем не определенное, но и такое, которое невозможно определить; что в сущности это понятие гетерогенное, мнимый продукт освобождения прагматики от жестких рамок "мертвого" грамматического описания, на деле же – пересечение понятия чисто грамматического – предложения – с робко, нерешительно и непоследовательно используемым понятием вербального взаимодействия людей – носителей языка» [Wierzbicka 1983: 126].

В то же время, существенное достоинство теории речевых актов состоит в детальной разработанности ее терминологии, чем, к сожалению, не может похвастаться теория речевых жанров. Это обстоятельство и обусловливает необходимость попытки соотнести получившие широкую известность термины теории речевых актов с основными понятиями теории речевых жанров.

Как отмечал М.М. Бахтин, важным фактором, который, с одной стороны, обусловливает завершенность любого высказывания и возможность занять в его отношении ответную позицию, а с другой – определяет выбор той или иной жанровой формы, является **речевой замысел** или **речевая воля** говорящего. Он писал: "В каждом высказывании – от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы – мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой *замысел* или *речевую волю* говорящего, определяющую целое высказывание, его объем и его границы. Мы представляем себе, что *хочет* сказать говорящий, и этим речевым замыслом, этой речевой волей (как мы ее понимаем) мы и измеряем завершенность высказывания. Этот замысел определяет как самый выбор предмета (в определенных условиях речевого общения, в необходимой связи с предшествующими высказываниями), так и границы и его предметно-смысловую исчерпанность. Он определяет,

конечно, и выбор той жанровой формы, в которой будет строиться высказывание <...>" [Бахтин 1986: 270].

Можно ли считать, что упомянутый речевой замысел сводится лишь к выражению того, какую ответную реакцию адресата стремится вызвать говорящий? Очевидно, что нет. Определяя, что хотел сказать говорящий, который произнес, например, какое-либо побудительное высказывание, слушающий не только устанавливает, что этот говорящий стремится заставить его произвести некоторое действие, но и выясняет, каким образом реализуется это стремление: с помощью просьбы, мольбы, приказа, требования, убеждения или уговоров. И именно от результатов подобного выяснения во многом зависит, какой будет реакция слушающего. Аналогичным образом, определив, что целью некоторого высказывания является передача информации, адресат должен далее выяснить, передается ли ему данная информация в качестве сообщения, предсказания, признания или ответа, а узнав, что посредством какого-либо высказывания говорящий принимает на себя определенные обязательства, адресат устанавливает, является такое принятие обязательств обещанием, обязательством или клятвой.

Таким образом, установка на ту или иную реакцию адресата представляет собой только один из компонентов того характеризующего коммуникативные намерения говорящего комплекса признаков, который М.М. Бахтин именовал речевым замыслом говорящего. Но тогда можно утверждать, что бахтинскому термину "речевой замысел говорящего" в теории речевых актов соответствует термин "иллокутивная сила" (в некоторых других переводах с английского – "иллокутивная функция") высказывания. Что же касается установки на определенную ответную реакцию адресата, то это понятие, которое М.М. Бахтин, кажется, не обозначал специальным термином, в теории речевых актов принято называть "иллокутивной целью высказывания". Вот как определяются упомянутые термины в исследованиях по теории речевых актов: "Действительно, – писал П.Ф. Стросон, – по своей сути иллокутивная сила высказывания – это то, что, согласно намерению, должно быть понято. И во всех случаях понимание силы высказывания включает распознавание того, что в широком смысле может быть названо намерением, направленным на слушающего, и распознавание ее [*его, т.е. этого намерения? – М.Ф.*] как полностью открытого, как предназначенного для распознавания" [Стросон 1986: 149]; ср. также [Серль 1986б: 157–160]; "Иллокутивная цель, – отмечал Дж.Р. Серль, – это только часть иллокутивной силы. Так, например, иллокутивная цель просьб – та же, что и у приказаний: и те, и другие представляют собой попытку побудить слушающего нечто сделать. Но иллокутивные силы – это явно нечто другое. Вообще говоря, понятие иллокутивной силы производно от нескольких элементов, из которых иллокутивная цель – только один, хотя, видимо, наиболее важный элемент" [Серль 1986а: 172].

Принимая во внимание то обстоятельство, что принадлежащие теории речевых актов термины "иллокутивная сила" и "иллокутивная цель" обладают гораздо более широкой известностью, чем бахтинский термин "речевой замысел", мы в дальнейшем изложении будем пользоваться именно ими.

Возникает вопрос: какие же другие элементы, помимо иллокутивной цели, входят в понятие "иллокутивная сила высказывания"? В поисках ответа на него нам представляется удобным опереться на модель описания (или "анкету") речевого жанра, предложенную Т.В. Шмелевой. Упомянутая анкета состоит из шести содержательных и одного формального признака. Содержательные признаки речевого жанра по Т.В. Шмелевой – это: (1) "коммуникативная цель жанра"; (2) "концепция автора"; (3) "концепция адресата"; (4) "событийное содержание"; (5) "фактор коммуникативного прошлого" и (6) "фактор коммуникативного будущего". Седьмым, формальным, признаком является "языковое воплощение" [Шмелева 1995]; (ср. [Шмелева 1990]).

Легко заметить (на это указывает и сама Т.В. Шмелева), что все перечисленные признаки давно и достаточно широко используются в практике лингвистических описаний: они фигурируют и при описании условий успешности речевых актов

[Падучева 1985; Searle 1969], и при классификации речевых актов [Серль 1986а], и в лексикологических толкованиях имен и глаголов речи [Гловинская 1993; Вежбицка 1985; Wierzbicka 1987]. Важно, однако, что в анкете речевого жанра все они собраны вместе и систематизированы.

Анализируя анкету речевого жанра, следует упрекнуть ее автора в некоторой оторванности многих формулировок от отражения реального процесса коммуникации. На самом деле шесть перечисленных содержательных признаков речевого жанра представляют собой не некие объективные, как это могло бы на первый взгляд показаться, характеристики высказывания, его места в процессе общения, а также участников этого общения, а зафиксированную в данном высказывании оценку всех упомянутых параметров говорящим. Так, "коммуникативную цель" речевого жанра было бы правильнее охарактеризовать не как какую-то абстрактную "нацеленность" жанра на один из неизвестно где расположенных "миров" – "информации, личностных ощущений, этикетной действительности или реальных событий" [Шмелева 1995: 60], а как отраженное в высказывании и предназначенное для распознавания **намерение говорящего** оказать то или иное воздействие на знания, эмоциональное состояние или поведение адресата. Аналогичным образом "концепция автора" и "концепция адресата", а также "фактор коммуникативного прошлого" и "фактор коммуникативного будущего" – это отраженные в высказывании **представления говорящего** о том, в каком отношении к нему находится адресат, как к каждому из них относится то, о чем говорится в высказывании, и как данное высказывание соотносится с предшествующим и последующим текстом.

Отмеченная ориентированность всех признаков речевого жанра именно на точку зрения говорящего получает весьма наглядное отражение, если попытаться отыскать место каждого из этих признаков в толкованиях лексических значений глаголов, которые обозначают произнесение высказываний, принадлежащих различным речевым жанрам. Вот, например, как соотносятся эти признаки (они заключены нами в квадратные скобки) с предложенными М.Я. Гловинской толкованиями глаголов *спрашивать* и *возражать*1:

X спрашивает у Y-а о P ≅ '(1) X Не знает какой-то информации W о P [концепция автора]; (2) X хочет знать информацию W о P [концепция автора]; (3) X считает, что Y *знает W о P [концепция адресата]; (4) X говорит Y-у, что хочет, чтобы Y сказал ему* W о P' [коммуникативная цель + фактор коммуникативного будущего; компонент 'W о P' – событийное содержание] [Гловинская 1993: 182];

X возражает Y-у, что P ≅ '(1) Y сказал, что P [фактор коммуникативного прошлого]; (2) X считает, что P неверно [концепция автора]; (3) X считает верным P_1 [концепция автора]; (4) X говорит, что верно не P, а P_1 [событийное содержание]; (5) X говорит это потому, что хочет, чтобы Y или третьи лица знали, что является верным с его точки зрения' [коммуникативная цель] [Гловинская 1993: 205–206].

Вернемся к анкете речевого жанра Т.В. Шмелевой с учетом сделанных уточнений. Очевидно, есть все основания утверждать, что первый из пунктов этой анкеты – коммуникативная цель жанра – и является тем признаком, который в работах по теории речевых актов именуется иллокутивной целью высказывания. Что же касается полного перечня содержательных признаков речевого жанра, входящих в анкету Т.В. Шмелевой, то он, по-видимому, и составляет ту предназначенную для распознавания адресатом характеристику коммуникативных намерений говорящего, которую М.М. Бахтин называл речевым замыслом говорящего и которая в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания.

Остановимся еще на одном важном понятии. "Пассивное понимание значений слышимой речи, – писал М.М. Бахтин, – только абстрактный момент реального целостного активно ответного понимания, которое и актуализируется в последующем реальном громком ответе. Конечно, не всегда имеет место непосредственно следующий за высказыванием громкий ответ на него: активно ответное понимание услы-

шанного (например, команды) может непосредственно реализоваться в действие (выполнение понятого и принятого к исполнению приказа или команды), может остаться до поры до времени молчаливым ответным пониманием (некоторые речевые жанры только на такое понимание и рассчитаны, например лирические жанры), но это, так сказать, ответное понимание замедленного действия: рано или поздно услышанное и активно понятое откликнется в последующих речах или в поведении слышавшего" [Бахтин 1986: 260]. Совершенно очевидно, что речь в данном случае идет о том понятии, которое в теории речевых актов принято обозначать термином "перлокутивный эффект".

Таким образом, синтезируя понятия и термины двух рассматриваемых теорий, можно утверждать следующее. Определив на основании особенностей **языкового воплощения**, к какому речевому жанру принадлежит воспринятое им высказывание, адресат получает информацию не только о том, какое воздействие на него стремится оказать говорящий (эта информация именуется обычно **иллокутивной целью** высказывания), но обо всем комплексе признаков, который характеризует предназначенные для распознавания коммуникативные намерения говорящего и именуется **иллокутивной силой**. Помимо уже упомянутой **иллокутивной цели**, иллокутивная сила любого речевого жанра отражает **событийное содержание** высказывания, а также представления говорящего о том, каково его отношение к адресату и к передаваемому событийному содержанию (**концепция автора**), как относится к событийному содержанию адресат (**концепция адресата**), а также как данное высказывание соотносится с предшествующим и последующим текстом (**факторы коммуникативного прошлого** и **коммуникативного будущего**). Все это может позволить говорящему осуществить то или иное воздействие на знания, поведение или эмоциональное состояние адресата, т.е. добиться определенного **перлокутивного эффекта**.

3. О ПОЛЕВОМ ПРИНЦИПЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Из работ по теории речевых актов уже давно известно, что языковое воплощение высказывания может быть и таким, что при отсутствии контекста оно способно давать основания для целого ряда самых разных его интерпретаций. "Так, – отмечает Е.В. Падучева, – предложение *Иди домой!* может выполнять иллокутивную функцию просьбы, приказа, мольбы, совета, предложения, разрешения и т.д." [Падучева 1985: 31]. Подобная многозначность исчезает главным образом тогда, когда высказывание оформляется как перформативное: "*Я прошу* тебя идти домой"; "*Я приказываю* тебе идти домой"; "*Я умоляю* тебя идти домой"; "*Я советую* тебе идти домой" и т.п.

Описанное положение легко объяснимо: главенствующее место среди компонентов, входящих в состав иллокутивной силы речевого жанра, занимает иллокутивную цель: произнося любое высказывание, говорящий в первую очередь стремится проинформировать адресата о том, какой ответной реакции этого адресата он ожидает. Не случайно основные виды коммуникативных целей грамматикализированы: установка на передачу информации получает выражение при помощи повествовательных предложений, намерению побудить адресата к какому-либо действию соответствуют побудительные предложения, а стремлению получить от этого адресата информацию – предложения вопросительные. Что же касается остальных компонентов иллокутивной силы, таких, как концепция автора, концепция адресата, фактор коммуникативного прошлого или фактор коммуникативного будущего, то нередки случаи, когда говорящий считает их либо заранее известными адресату, либо недостаточно существенными и потому не требующими формального выражения. Именно на подобную известность или несущественность перечисленных компонентов и рассчитано уже упоминавшееся высказывание *Иди домой!*

Но если это так, то можно утверждать, что комплекс средств выражения каждого

из жанров речи обладает структурой языкового поля, которое, как известно, имеет свои центр и периферию. При этом если центральные компоненты каждого из жанровых полей четко противопоставляют данный жанр всем другим жанрам, то на уровне периферии формальные различия между разными жанрами нейтрализуются.

Проиллюстрируем сказанное на ограниченном материале нескольких императивных жанров: приказа, просьбы, мольбы, и требования. Центральное положение в поле средств выражения каждого из перечисленных жанров занимают перформативные конструкции *Я приказываю, Я прошу, Я умоляю* и *Я требую*, которые позволяют однозначно отличать один жанр от другого на формальном уровне. Однако данная возможность далеко не всегда используется говорящими.

Дело, прежде всего, в том, что основное содержательное отличие приказа от всех других перечисленных жанров состоит в наличии у говорящего официального права побуждать адресата к определенным видам действий, а у адресата, соответственно, в обязанности выполнять эти действия. Однако указанные особенности концепций автора и адресата, как правило, заранее известны им обоим, и именно поэтому перформативная формула *Приказываю*, являясь важной принадлежностью вторичного, письменного речевого жанра приказа, довольно редко употребляется при устном общении. В случае непосредственного общения руководителя и подчиненного на темы, в пределах которых руководитель имеет полномочия приказывать, как приказ воспринимается любое побудительное высказывание руководителя, в том числе и побуждение косвенное, ср.:

(4) Подполковник Цветков, когда приехал Серпилин, спал. И Серпилин ***приказал*** оперативному дежурному не будить командира полка.

– ***Пусть спит***, обойдусь без него, дайте провожатого (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

(5) **Калугина** [директор учреждения] (*строго*). Если мне не изменяет память, вы, Шура, числитесь в бухгалтерии?

Шура (*вспоминая*). Кажется, да.

Калугина (*чеканит слова*). ***Я думаю, будет полезнее, если вы иногда, в порядке исключения, будете заниматься не только общественными делами, но и вашими прямыми обязанностями!***

Шура выкатывается в приемную ⟨...⟩

Шура (*уходя*). А меня ссылают в бухгалтерию... (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Сослуживцы).

Впрочем, руководитель может и намеренно не маркировать свое побудительное высказывание как приказ: это освобождает его от возможной ответственности за последствия (приказа формально не было) и в то же время дает основания рассчитывать, что адресат не откажется от выполнения требуемого действия, ср.:

(6) – ***Бери его к себе командиром полка***, не раскаешься, – сказал Серпилину командующий.

Это была ***просьба-приказ***, и Серпилин подчинился тогда этой просьбе-приказу, а потом, когда уже стало ясно, что Барабанов командует полком безграмотно, не поставил сразу же вопрос о его несоответствии занимаемой должности – отложил (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

Речевые жанры просьбы, мольбы и требования отграничивает от приказа и в то же время объединяет отсутствие у говорящего официального права распоряжаться поступками адресата. В то же время, просьба, мольба и требование отличаются друг от друга способом воздействия на адресата. Просьба просто информирует о желании говорящего, чтобы слушающий произвел некоторое действие, мольба апеллирует к эмоциям слушающего, а требование направлено на подавление его воли. Не случайно в работе М.Я. Гловинской толкование глагола *просить* включает компонент "X гово-

рит, что он хочет, чтобы Y сделал P", толкование *умолять* – компоненты "X говорит, что он хочет, чтобы Y сделал P" и "X говорит это так, чтобы Y представил себе важность P для X-а или сжалился над X-ом", а толкование *требовать* – компонент "X говорит, что Y должен сделать P" [Гловинская 1993: 181, 190].

Поскольку мольба и требование – это как бы маркированные, усиленные варианты просьбы, они требуют обязательного использования специализированных средств выражения. Не имея возможности останавливаться на рассмотрении этого вопроса подробнее (и в частности анализировать интонационные средства выражения перечисленных жанров), отметим, что основными признаками мольбы являются перформативная формула *Я умоляю* (см. пример 7), а также призыв к адресату пожалеть говорящего (пример 8). Речевой жанр требования располагает гораздо большим арсеналом средств, однако центральное место в нем также занимает перформативная формула (пример 9), а кроме того входят еще и такие средства, как побудительные конструкции с союзом *чтобы* (пример 10), инфинитивные и номинативные побудительные конструкции (примеры 11 и 12), а также побуждения, сопровождаемые осуждением адресата (пример 12).

(7) "***Не выходи за него замуж,*** – изменившись в лице, проговорила мать. – ***Не выходи. Умоляю тебя.*** Ну, хочешь, я бухнусь перед тобой на колени..." (В. Набоков. Защита Лужина).

(8) – ***Да ангелы вы мои, люди добрые***, – опять взмолилась мать, – ***пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела...*** (В. Шукшин. Материнское сердце).

(9) **Инна.** ***Окончи школу. Я настаиваю. Я требую!*** (В. Панова. Девочки).

(10) **Б.** – Ну ладно/ убирай/

В. – ***Вообще чтобы больше не трогала***// [ЖР: 175].

(11) **Доктор.** Мы уже, по существу, заканчиваем беседу с больным. ***Не отвлекать внимания, Наталья Алексеевна, и никаких сепаратностей*** (В. Ерофеев. Вальпургиева ночь).

(12) **А.** – ***Маргарин***//

Б. – Маргарин где?

А. – ***Ну подай/ боже мой/ ни никак не можешь мне помочь***// [ЖР: 19].

Речевой жанр просьбы также располагает целым набором формальных средств выражения. В него входят, в частности, перформативные конструкции (которые, впрочем, нередко настолько усиливают просьбу, что приближают ее к мольбе, – пример 13), побудительные конструкции, включающие этикетную частицу *пожалуйста* (пример 14) или же всевозможные мотивировки – оправдания просьбы (примеры 14 и 15), косвенные побуждения в форме вопроса (пример 16), сослагательного наклонения (пример 17) и т.п.

(13) – ***Ах, не приставайте ко мне, прошу вас,*** – скорбно сказал Цинцинат (В. Набоков. Приглашение на казнь).

(14) **В.** Ир/ Ир/ Ира!

А. А?

В. ***Дай мне пожалуйста банку я забыла***// [РРР: 238].

(15) **А.** ***Жень/ принеси мне водички/ я ношпу сразу***// (*приму*) [РРР: 219].

(16) **А.** ***Вы меня завтра разбу́дите пораньше/ да?*** [РРР: 158].

(17) **А.** ⟨...⟩ ***Кать/ Доела бы ты булку***// [РРР: 194].

Вместе с тем, наблюдения показывают, что любая не маркированная как требование или, скажем, мольба побудительная конструкция, если она употреблена в бытовом общении равных по своему статусу и близких людей, воспринимается именно

как просьба и, следовательно, просьба гораздо в меньшей степени, чем иные разновидности побудительных высказываний, нуждается в формальных средствах выражения. Ср., например, следующие никак не маркированные просьбы:

(18) **Н.** Так/ сейчас будет Алеш// В два счета мы сварим// Так// Свет прочистила? (о кофеварке) ⟨...⟩ Так// Свет/ (*нрзбр.*) ***Включай***// [РРР: 88].

(19) **А.** (*в постели*) ***Жены/ выключи мне***// (*настольную лампу*)

В. Угу// Сейчас// [РРР: 230].

В то же время, в иных обстоятельствах подобные немаркированные побудительные высказывания могут выглядеть не как просьбы, а как побуждения, совмещающие в себе свойства просьбы и требования. В одних случаях это происходит потому, что разграничение просьбы и требования нерелевантно для говорящих. Так бывает, например, при фамильярно окрашенном общении молодежи; ср.:

(20) **Б.** – ***Плиту выключи***//

А. – А/ Лена плиту включать не умеет// ха-ха//

Б. – Хм//

А. – ***Уходи***/ я сама здесь все вымою// (ПАУЗА)

Б. – ***Подожди/ подожди/ не опускай***// (БРЯКАНЬЕ ПОСУДЫ)

А. – ***Опускай***// (НРЗБ)// ***Дай сюда/ ставь эту тарелку***// ***не растворяется***// [ЖР: 19].

В других случаях квалификация высказываний как неких совмещенных "просьб-требований" бывает обусловлена несовпадением социального статуса говорящего и адресата. Наблюдения показывают, например, что взрослые достаточно последовательно требуют, чтобы обращенные к ним побудительные высказывания детей были четко маркированы именно как просьбы. Немаркированные побуждения в речи детей, как правило, либо вызывают напоминания о "волшебном слове" *пожалуйста*, либо упреки в грубости и невоспитанности; ср.:

(21) **Г.** Давай-давай в карты// ***Неси карты***//

(**А.** *и* **В.** *отчитывают* **Г.** *за грубость и капризы*)

А. Как это неси?

В. Бабе Наде сколько лет?!

Г. (*находит выход из положения*) Пять// А мне шесть! [РРР: 231].

(22) **Г.** (*капризно*) А еще есть фильмы? (*по телевизору*)

В. Детская передача есть//

Г. ***Ну посмотри программу***//

Г. Ты так не разговаривай// Не капризничай// [РРР: 238].

Описанное положение характерно не только для рассмотренных выше, но и для подавляющего большинства речевых жанров. Комплекс средств выражения подобных жанров имеет полевую структуру, при которой языковые средства, относящиеся к центру поля, четко противопоставляют один жанр другому, тогда как при использовании периферийных средств может происходить нейтрализация различий между двумя или несколькими жанрами. Использование подобных "нейтрализованных" высказываний возможно как в случаях, когда принадлежность высказывания к тому или иному жанру не требует специального выражения, поскольку она однозначно определяется ситуацией общения, так и тогда, когда говорящий намеренно не маркирует однозначно жанровую принадлежность своего высказывания, так как это для него нерелевантно или противоречит его коммуникативным интересам.

4. СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Анализируя статью о речевых жанрах М.М. Бахтина, равно как и исследования, направленные на развитие важнейших положений этой работы, нетрудно заметить, что вместо конкретных высказываний, принадлежащих разным речевым жанрам, в них очень часто фигурируют слова, являющиеся, по мнению исследователей, наименованиями данных жанров, а анализ специфических особенностей каждого из них нередко заменен комментарием, касающимся семантики или классификации таких, например, существительных, как *вопрос, просьба, жалоба, спор* или *ссора* (см. [Шмелева 1990; 1995; Wierzbicka 1983]). Примерно то же самое можно сказать и о многих работах по теории речевых актов (см. [Остин 1986; Серль 1986а; Стросон 1986]). Некоторые из исследователей высказывают даже предположение о том, что исконно существующая в каждом из языков система имен и глаголов речи могла бы лечь в основу научной типологии речевых жанров (или речевых актов) данного языка [Безменова, Герасимов 1984; Шмелева 1990; Wierzbicka 1983]. В связи со сказанным возникает вопрос: в какой мере и при каких условиях список слов, обозначающих различные типы высказываний, может служить основой для выделения речевых жанров данного языка и их классификации?

Прежде чем перейти к анализу с этой точки зрения конкретных существительных, выскажем одно общее соображение. Если согласиться с тем, что особенности языкового воплощения речевых жанров специально направлены на то, чтобы позволить адресату определить жанр, которому принадлежит каждое из воспринимаемых высказываний, и на этой основе выявить комплекс признаков, характеризующих явные коммуникативные намерения говорящего или, иначе, иллокутивную силу высказывания, то очевидно, что названиями речевых жанров не могут служить такие существительные, которые характеризуют высказывание не с точки зрения говорящего или вопреки его интересам. Иными словами, ни в одном языке не должно существовать таких речевых жанров, как "ложь", "похвальба", "подстрекательство" или "придирка", поскольку осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения, заслуживающего подобной квалификации, было бы для говорящего таким же, если пользоваться словами З. Вендлера, иллокутивным самоубийством, как и перформативное употребление слов *я лгу, я хвастаюсь, я подстрекаю* или *я придираюсь* [Вендлер 1985] (заметим, что похвальба [przechwałka] включена в перечень речевых жанров А. Вежбицкой [Wierzbicka 1983: 130], с чем довольно трудно согласиться).

Обратимся к конкретному примеру. Опираясь на перечень глаголов группы "Одобрения", приведенный в работе [Гловинская 1993: 193], мы попытались выявить лексико-семантическую группу русских существительных со значением "словесное выражение положительной оценки" и выяснить, какие из этих существительных способны служить названиями речевых жанров. Указанная ЛСГ включает, по нашим наблюдениям, по меньшей мере 19 слов или, точнее, лексико-семантических вариантов слов: *бахвальство, возвеличение* и *возвеличивание, воспевание, восславление, захваливание, комплимент, лесть, любезность, одобрение, похвала, похвальба, прославление, превознесение* и *превозношение, расхваливание, славословие, хвала* и *хвастовство*.

Как выяснилось, лексические значения подавляющего большинства слов из числа перечисленных таковы, что названиями речевых жанров они служить не могут. Проанализируем причины такого положения.

(1) Во-первых, наименованиями жанров речи, по нашему мнению, не могут служить существительные, семантика которых отражает не вполне благовидную цель, преследуемую говорящим. Прежде всего, к этой группе следует отнести слова *бахвальство, похвальба* и *хвастовство*, которые обозначают высказывания, направленные на положительную оценку самого субъекта речи. Понятно, что самовосхваление

нарушает один из важных постулатов речевого поведения – постулат скромности, и потому говорящие, стремящиеся к самовосхвалению, не бывают, естественно, заинтересованы в том, чтобы с помощью формальных особенностей речевого жанра информировать адресатов о своих истинных коммуникативных намерениях. Как правило, высказывания, направленные на похвальбу, бывают замаскированы с помощью каких-либо иных жанровых форм и, если их истинные цели и оказываются обнаруженными, то на основании содержания, а не формы этих высказываний.

Любопытно проанализировать, какое отражение получает неблаговидность действий, обозначаемых перечисленными глаголами, в толковых словарях. Как выяснилось, в одних случаях эта неблаговидность в толкованиях никак не отражена: так, в БАС *похвальба* толкуется как 'Хвастовство, бахвальство' [БАС, 10: 1678], а *хвастовство* – как 'Действие по знач. глаг. хвастать и хвастаться; похвальба' [БАС, 17: 69]. В других случаях на отрицательную оценку обозначаемых действий указывают стилистические пометы: *похвальба* – '*Разг., обычно неодобр.* Восхваление самого себя, хвастовство своими делами, поступками и т.п.' [МАС, 3: 339]. Наконец, в третьей группе случаев отрицательная оценка получает отражение с помощью семантических компонентов 'чрезмерный', 'неумеренный', 'мнимый' (хотя обозначений для "нечрезмерной" и "умеренной" похвальбы в русском языке как будто бы нет): *бахвальство* – '***Чрезмерная*** похвальба; хвастовство' (БАС, 1, 299]; *хвастовство* – '***Неумеренное*** восхваление своих достоинств (***часто мнимых***), поступков и т.п.' ([МАС, 4: 594]; здесь и далее выделения в словарных толкованиях с помощью полужирного курсива наши).

Может показаться неожиданным, но в эту же группу нам представляется целесообразным включить слово *комплимент* и его синоним *любезность*. Как отмечают словари, *комплимент* – это 'Похвала, вызванная стремлением сказать любезность или польстить' [БАС, 5: 1262]. Но это означает, что основная цель комплимента состоит не в объективной положительной оценке адресата или предметов, входящих в его личную сферу, а в оказании положительного воздействия на эмоции своего адресата. Такая цель противоречит еще одному важному постулату речевого общения – постулату искренности. Получается, что проинформировать адресата с помощью жанровой формы высказывания о том, что в его адрес высказана не похвала, а именно комплимент – это значит сообщить ему о возможной неискренности оценки. Очевидно, именно это обстоятельство и обусловливает нередкую негативную реакцию адресатов на чересчур явные комплименты, что может быть подтверждено следующими примерами из художественной литературы, которые приводятся в толковых словарях: – *Я сам приехал к вам, как к благородному человеку. – Нельзя ли без комплиментов? – заметил Волынцев* (Тургенев); – *Если Вам говорят горькую правду – вы принимаете это за колкость. Если хвалят кого-нибудь – вы считаете это за лесть, за комплименты* (Шеллер-Михайлов); [Дарья Михайловна]: *Я могу подумать, что вы собираетесь делать мне комплименты; это не годится между старыми друзьями* (Тургенев) [БАС, 5: 1262].

Так или иначе, но комплимент так же, как и похвальба, не имеет в русском да, видимо, и в других европейских языках специально закрепленной за ним формы выражения и по своим формальным особенностям совпадает с похвалой. Комплимент можно с большей или меньшей степенью объективности отличить от похвалы лишь с учетом характера ситуации общения, личностей коммуникативов, их пола и отношений между ними. Симптоматично в связи со сказанным то, что в учебном пособии по русскому речевому этикету для студентов-иностранцев комплимент и одобрение рассматриваются в одном и том же разделе, причем ни о каких разграничениях между ними в книге не приводится (см. [Акишина, Формановская 1978: 133–143]).

(2) Далее, неспособны служить названиями жанров речи существительные, лексические значения которых содержат негативную оценку обозначаемых действий. В их число входят слова: *захваливание*, (ср. *захвалить* – '***Чрезмерно*** расхвалить, ***пере-***

оценить, чьи-л. достоинства, заслуги' [МАС, 1: 590]), *лесть* – '***Преувеличенное, угодливое*** восхваление кого-л., чьих-л. качеств или действий' [МАС, 2: 178] и *славословие* – 'Восторженное, (***обычно неумеренное***) восхваление кого-, чего-либо' [БАС, 13: 1130]. Следует подчеркнуть, что эта группа существительных отличается от предыдущей: о негативном характере действий, обозначаемых словами типа *хвастовство*, известно и без указаний толковых словарей; отрицательная же оценочность слов типа *лесть* обязательно должна быть отражена в их словарных дефинициях.

(3) Не могут, по нашему мнению, выступать в качестве наименований речевых жанров и слова, выражающие экспрессивную оценку обозначаемых высказываний. Это существительные *возвеличение* и *возвеличивание, воспевание, восславление, прославление, превознесение* и *превознощение, расхваливание* и *хвала*. Экспрессивная окрашенность перечисленных существительных получает не вполне последовательное и неодинаковое отражение в разных словарях. В отдельных случаях различного рода стилистическими пометами снабжены сами существительные, например: *хвала* – *"Устар."* [БАС, 17: 59]; в других, гораздо более частых ситуациях стилистические пометы имеют глаголы, мотивирующие данные существительные: *возвеличивать* – *"Устар.* и в поэтической речи"[БАС, 2: 534]; *воспеть* – *"Высок."* [МАС, 1: 215]: *восславить* – *"Трад.-поэт."* [МАС, 1, 216]; наконец, в третьей группе случаев какие-либо пометы отсутствуют, однако толкования, как правило, включают указание на высокую степень выражаемой оценки: *превозносить* – '***Очень высоко*** ценить кого-, что-либо; возвеличивать, восхвалять' [БАС, 11: 74]; *расхвалить* – '***Очень*** похвалить высказать одобрение кому-, чему-либо' [МАС, 3: 678]. Представляется, однако, что все перечисленные существительные отражают эмоциональную оценку формы и содержания обозначаемых высказываний, причем оценка эта принадлежит не самому говорящему, а адресатам речи или наблюдателям. Но если в семантике рассматриваемых существительных отражены не свойства самих высказываний, а их сторонняя оценка, то они не могут служить наименованиями речевых жанров.

Все до сих пор сказанное позволяет сделать вывод о том, что из 19 русских существительных со значением "словесное выражение положительной оценки" способны претендовать на роль наименований речевых жанров лишь два слова: *одобрение* – 'Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, *похвала'* [БАС, 8: 709] и *похвала* – 'Лестный отзыв, одобрение' [БАС, 10: 1678], однако вряд ли этим словам соответствуют два разных речевых жанра. Характеризуя семантические различия между этими словами, Словарь синонимов отмечает, что слово *похвала* обозначает более высокую степень оценки. На это указывают и следующие примеры, приводимые словарем: *Аня подошла к нему и спросила: "Правильно я выступила?". Она не сомневалась в его одобрении, но ей хотелось услышать его скупую похвалу* (Кетлинская); *Он ожидал похвалы или по крайней мере одобрения, но Петрович только молча кивнул головой* (Галин) [СС, 2: 45]. Вместе с тем, на уровне конкретных высказываний весьма трудно обнаружить признаки, по которым "одобрение" можно было бы отличить от "похвалы". Но это означает, что при наличии 19 существительных, способных претендовать на роль наименований речевых жанров, в русском языке существует только один речевой жанр, который направлен на положительную оценку объекта и который можно было бы назвать с помощью одного из двух слов: "одобрение" или "похвала".

Полученный результат не является случайным. Как показывают наблюдения, примерно аналогичным образом обстоит дело и в области отрицательно оценочных речевых жанров: при наличии по меньшей мере 33 русских существительных, входящих в лексико-семантическую группу со значением "словесное выражение отрицательной оценки", мы можем назвать лишь семь жанров русской речи, которые в той или иной степени связаны с выражением отрицательной оценки. Это "осуждение", "обвинение", "оскорбление", "проклятие", "замечание", "упрек" и "выговор" (имеется в виду

неофициальное значение этого слова). Остальные 26 существительных неспособны служить неименованиями речевых жанров, поскольку либо тем или иным образом отражают в своей семантике интерпретацию высказывания сторонним наблюдателем, либо находятся в отношениях синонимии или квазисинонимии с приведенными выше словами (см. [Федосюк 1997]).

Все сказанное свидетельствует о том, что лексические значения существительных речевой деятельности ориентированы на отражение самых разных характеристик обозначаемых высказываний, а главное – на разные виды интерпретации и оценки этих высказываний наблюдателем. По этой причине список таких существительных ни в коей мере не может быть интерпретирован как перечень речевых жанров данного языка, хотя его с определенными оговорками, очевидно, и можно использовать при построении типологии речевых жанров.

5. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ И ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Как уже отмечалось, наиболее эксплицитным средством выражения речевых жанров являются перформативные высказывания. Известно, однако, что далеко не все жанры этим средством располагают. Так, среди перечисленных в предыдущем разделе первичных речевых жанров, связанных с выражением отрицательной оценки, при помощи перформативов могут быть выражены осуждение, обвинение и проклятие (ср. *Я осуждаю / обвиняю / проклинаю тебя*), но не могут оскорбление и упрек. Высказывания *Я оскорбляю* (или *упрекаю*) *тебя* лишь описывают произнесение высказываний соответствующих речевых жанров, но сами этим жанрам не принадлежат, они представляют собой не перформативные, а **дескриптивные** высказывания (ср. [Апресян 1986: 208–210]).

Что же касается еще двух речевых жанров – замечания и выговора, то они, если и обладают перформативами, то лишь как жанры официальной, а не разговорной речи. Так, приводимые ниже разговорные высказывания (23) и (24), являясь соответственно замечанием и выговором, в то же время не могут быть без потерь и искажения информации заменены высказываниями типа *Я делаю тебе замечание* или *Я объявляю тебе выговор*.

(23) **Ольга.** Не свисти, Маша. Как это ты можешь! (А.П. Чехов. Три сестры).

(24) – Ты мне ответь, – продолжал тесть, – как ты смел, ты, счастливый семьянин, – прекрасная обстановка, чудные детишки, любящая жена, – как ты смел не принять во внимание, как не одумался, злодей? Мне сдается иногда, что я просто-напросто старый болван и ничего не понимаю, – потому что иначе надобно допустить такую бездну мерзости..." (В. Набоков. Приглашение на казнь).

Попытаемся ответить, почему это так. Прежде всего, следует заметить, что поиски ответа на поставленный вопрос серьезно осложнены тем обстоятельством, что современная лингвистика, к сожалению, пока еще не располагает определением сущностных свойств перформативности. Известные утверждения о том, что "обычно глагол считается перформативным, если для него возможно такое употребление формы первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия" [Апресян 1986: 208], а также что "перформативное предложение обладает свойством прагматической самоверифицируемости ⟨...⟩: такое предложение тривиальным образом истинно в каждом высказывании, в силу самого осуществления акта высказывания" [Падучева, 1985: 20], представляют собой по сути дела не определения, а нечто вроде тестов проверки глагола на перформативность. Как показал Ю.Д. Апресян, лексические значения перформативов не содержат какого-либо одинакового для всех перформативов компонента, который мог бы служить семантическим признаком перформативности, и потому при построении

лексикографического толкования "для обозначения способности данной лексемы употребляться перформативно в ее словарную статью (а именно в прагматическую зону) вносится признак ПЕРФОРМ(ативности)" [Апресян 1986: 220].

Еще одна сложность связана с тем, что мы пока еще, к сожалению, не располагаем хоть сколько-нибудь полным перечнем жанров русской речи. Учитывая это обстоятельство, ниже мы попытаемся дать предварительный ответ на поставленный вопрос, ориентируясь лишь на те жанры, существование которых не вызывает сомнений.

Как уже говорилось, придавая своему высказыванию ту или иную жанровую форму, говорящий тем самым информирует слушающего об иллокутивной силе данного высказывания, т.е. о том комплексе признаков, который характеризует явные коммунистивные намерения этого говорящего. Это необходимо говорящему для достижения некоторой иллокутивной цели, т.е. для того, чтобы оказать определенное воздействие на знания, волю, эмоции или разум адресата.

Опираясь на сказанное, можно утверждать, что перформативными высказываниями располагают только те речевые жанры, которые позволяют добиться желаемой иллокутивной цели путем простого информирования адресата о своей иллокутивной силе. Так, несколько упрощая положение дел, можно утверждать, что для того, чтобы посредством **просьбы** побудить адресата к какому-либо действию, достаточно лишь проинформировать его о желании говорящего, чтобы он произвел данное действие, а чтобы с помощью **сообщения** расширить знания адресата какими-либо сведениями, необходимо просто сообщить ему о соответствующем намерении говорящего.

Если же достижение иллокутивной цели зависит не только от информации об иллокутивной силе, но еще и от конкретных **содержания** или **формы** высказывания, то глагол речи, соответствующий такому высказыванию, окажется не эквивалентом этого высказывания, а лишь описанием его, т.е. не перформативным, а дескриптивным. Перечислим условия, при которых это происходит.

(1) Прежде всего, подобное положение характерно для высказываний тех речевых жанров, которые (разумеется, если они не свернуты под влиянием контекста или ситуации) требуют непременного включения в свой состав не одного, а нескольких предложений. Таковы жанры **рассказа** (в отличие от **сообщения**), **прогноза** (в отличие от **предсказания**), **замечания, убеждения, уговоров, доказательства,** а также **упрека** и **выговора** (последние два – в отличие от **осуждения**).

В самом деле, *рассказывая,* говорящий X, по наблюдениям М.Я. Гловинской, говорит своему адресату Y-у не об одном, а "о последовательности событий, образующих P" [Гловинская 1993: 165], т.е. передает не одно, а несколько сообщений; *убеждая* или *уговаривая,* во-первых, побуждает своего адресата к некоторому действию, а во-вторых, подкрепляет это свое побуждение аргументами [Гловинская 1993: 185–187; Федосюк 1996]; *доказывая,* "говорит Y-у о фактах или приводит умозаключения, которые, по его мнению, заставят Y-а понять, что P истинно" [Гловинская 1993: 186], причем сообщений о подобных фактах или умозаключениях, очевидно, тоже должно быть несколько; *упрекая,* информирует своего адресата не только о том, что "P, которое сделал Y, плохо для X-а", но и о том, что "X мог ожидать другого P от Y-а" [Гловинская 1993: 198], т.е. также передает как минимум два сообщения. Аналогичным образом можно утверждать, что *прогноз* – это обычно предсказание не одного, а целого ряда взаимосвязанных и взаимно обусловленных событий, *замечание* – это побуждение, направленное на изменение поведения адресата, плюс осуждение этого поведения, а *выговор* (как жанр неофициальной устной речи) – не простое осуждение адресата, а некая достаточно протяженная серия предложений, посвященных этой теме.

Естественно, что замена цепочки из предложений, входящих в состав перечисленных и аналогичных им речевых жанров, одним предложением типа ***Я рассказываю*** *тебе о том, как в прошлом году ездил на Урал* или ***Я доказываю,*** *что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы* не будет эквивалентной заменой и

потому высказывания рассматриваемых жанров не могут получать выражение с помощью перформативных высказываний.

(2) Далее, речевой жанр не располагает соответствующими перформативными высказываниями, если его иллокутивная цель связана с воздействием не на знания или волю, а на эмоции или разум адресата.

Остановимся вначале на жанрах, имеющих целью воздействие на эмоции. В их число входят в частности **жалоба** (цели которой непременно предполагают стремление вызвать у адресата сочувствие к говорящему или гнев по отношению к виновнику ситуации (ср. [Гловинская 1993: 166, 174; Шмелева 1990: 28]), **утешение** (имеющее целью улучшить эмоциональное состояние слушающего [Гловинская 1993: 187; Федосюк. 1996]), **угроза** (цель которой – вызвать у адресата чувство страха [Гловинская 1993: 187]), **оскорбление** (его цель – ухудшить эмоциональное состояние адресата [Гловинская 1993: 198; Федосюк 1997]), **шутка** (направленная на то, чтобы развеселить адресата [Гловинская 1993: 200]). Совершенно очевидно, что все перечисленные цели могут быть достигнуты путем передачи адресату сообщений определенного содержания, но никак не простым информированием его о самих этих целях, а потому высказывания типа *Я жалуюсь (утешаю, угрожаю, утешаю, оскорбляю, шучу)* способны описывать высказывания соответствующих речевых жанров, но ни в коей мере не являются эквивалентами этих высказываний. Добавим, что ориентацией на отрицательное эмоциональное воздействие на адресата можно было бы объяснить отсутствие перформативов и у таких речевых жанров, как уже упоминавшиеся **замечание, упрек** и **выговор,** которые, впрочем, не могут быть выражены с помощью перформативных высказываний и по причинам, которые были рассмотрены нами выше, в (1) настоящего раздела.

Похожим образом обстоит дело и с теми речевыми жанрами, которые имеют целью воздействовать на разум адресата, т.е. требуют от него не простого восприятия сообщений или совершения каких-либо действий, а логической обработки информации. Таково, например, **объяснение** (ср. [Гловинская 1993: 175]). Понятно, что объяснить что-либо человеку, лишь проинформировав его о своем стремлении сделать ему понятным нечто, невозможно, и потому высказывание *Я объясняю тебе, что...* не является перформативным. Можно утверждать, что по аналогичным причинам не располагают перформативами и такие уже упоминавшиеся нами речевые жанры, как **убеждение** и **доказательство**, которые, как было показано в (1), лишены перформативов и по причине своей многокомпонентности.

(3) Не располагают перформативными высказываниями и те речевые жанры, которые базируются на непременном использовании строго определенных языковых средств. Таков, например, речевой жанр **команды.** Как известно, *команда* – это 'Краткий устный приказ командира ***по установленной форме***' [МАС, 2: 80], например: *Равняйсь*!, *Смирно*!, *Вольно*!, *Кругом*!. Совершенно очевидно, что не использующие эту установленную форму высказывания "Командую вам подравняться (встать смирно, повернуться кругом)!" не эквивалентны вышеперечисленным стандартным командам и потому представляют собой не перформативные, а дескриптивные высказывания.

Может показаться неожиданным, но по совершенно аналогичным причинам не являются перформативами глаголы *спрашивать* и *отвечать*. В самом деле, речевой жанр **вопроса** однозначно маркирован языковой формой вопросительной конструкции, а речевой жанр **ответа** – наличием предшествующего вопроса, и потому использование вместо этих стандартных форм высказываний типа *Я спрашиваю тебя (отвечаю тебе)* воспринимается не как эквивалентная замена, а как использование вместо высказываний в жанрах вопроса и ответа их описаний.

В связи со сказанным интересно сопоставить вопросительные конструкции с конструкциями побудительными. Если любое вопросительное высказывание может быть почти автоматически квалифицировано как высказывание в жанре вопроса, то

высказывания побудительные подобной однозначной интерпретации не поддаются: они могут принадлежать жанрам просьбы, требования, приказа, мольбы и т.п. Важнейшее средство конкретизации характера побудительного высказывания – глаголы *просить, требовать, приказывать* и *молить,* которые именно по этой причине и являются перформативными. Что же касается высказываний вопросительных, то они в подобной конкретизации не нуждаются, и потому глагол *спрашивать* к числу перформативных не принадлежит.

Завершая наши рассуждения, следует отметить, что рассматриваемый здесь вопрос о том, почему не все речевые жанры могут получать выражение с помощью перформативных высказываний, связан с подробно рассмотренным в работе [Апресян 1986] вопросом о причинах, по которым не все глаголы говорения являются перформативными. И в то же время эти два вопроса не вполне тождественны. С одной стороны, исходным пунктом для нас являются жанры русской речи, а не глаголы говорения, многие из которых, такие, как *бормотать, ворчать, подговаривать, бахвалиться* или *восхвалять* (ср. [Апресян 1986: 218–219]), отражают способ произнесения высказывания или его оценку и потому, с нашей точки зрения, заведомо ни с какими речевыми жанрами не связаны. С другой же стороны, исходным пунктом наших рассуждений являются содержательные и формальные особенности речевых жанров, тогда как в центре внимания Ю.Д. Апресяна находится семантический анализ глаголов речи. Вместе с тем, изложенные выше результаты достаточно хорошо согласуются с наблюдениями Ю.Д. Апресяна.

Так, один из важных выводов Ю.Д. Апресяна состоит в том, что у перформативных глаголов «в ассертивной части толкования смысл ‘говорить’ не должен находиться в области действия предикатов типа ‘способ’ ⟨...⟩, ‘цель’, ‘оценка’, ‘неоднократность’ и ряда других» [Апресян 1996: 218]. Наши наблюдения за одним исключением (о котором будет сказано ниже) не противоречат этому выводу.

В (3) настоящего раздела нашей статьи было показано, например, что речевой жанр **команды** не располагает перформативом, поскольку имеет краткую и строго установленную форму выражения. Если же отталкиваться в рассуждениях не от особенностей речевого жанра, а от семантики глаголов речи, то это же самое можно сформулировать и по-другому: глагол *командовать* не является перформативным, т.к. его толкование включает компонент со значением ‘способ’: *командовать* ≈ ‘Произносить приказы ***в краткой и установленной форме***’.

Анализируя глагол *прогнозировать,* Ю.Д. Апресян пишет, что ему, "в отличие от его квазисинонима ПРЕДСКАЗЫВАТЬ, перформативное употребление противопоказано по той причине, что в нем смысл ‘предсказывать’ (т.е. в конечном счете ‘говорить’) находится в области действия предиката ‘способ’: ПРОГНОЗИРОВАТЬ = ‘предсказывать, опираясь на научные данные’" [Апресян 1986: 218]. Представляется, что это не противоречит нашей точке зрения, изложенной в (1): поскольку речевой жанр прогноза предполагает опору на научные данные, а это проявляется в развернутости и мотивированности соответствующих высказываний, он, как правило, включает не одно, а несколько предложений и, стало быть, не может быть заменен одним перформативным высказыванием.

Выше, в (1) настоящего раздела говорилось о том, что по причине своей многокомпонентности не имеют перформативов и речевые жанры **рассказа** и **уговоров.** Это также в общем не противоречит точке зрения Ю.Д. Апресяна, относящего слова *рассказывать* и *уговаривать* к числу глаголов, которые содержат в своих толкованиях семантический компонент ‘неоднократность’ и "не употребляются перформативно, потому что ни при каких обстоятельствах не обозначают однократного акта совета, похвалы, возражения и т.д." [Апресян 1986: 219].

В то же время, нам трудно согласиться с утверждением Ю.Д. Апресяна о том, значения перформативных глаголов не могут включать компонент ‘цель’. Целенаправленность, как неоднократно отмечалось исследователями, является важнейшей

характеристикой любого речевого жанра (см. [Бахтин 1986: 270; Гловинская 1993: 158; Серль 1986а: 172; Шмелева 1990: 24; 1995: 60]). Указания на цели высказываний, как правило, включаются в словарные толкования перформативов, и в частности таких бесспорных, как *обещать* ('X говорит это, потому что хочет, чтобы Y верил, что он сделает P' [Гловинская 1993: 177]) или *просить* ('X говорит это, потому что хочет, чтобы Y сделал P' [Гловинская 1993: 181]). Поэтому причины неперформативности некоторых из глаголов речи представляются нам несколько иными, чем об этом говорится у Ю.Д. Апресяна.

Так, анализируя глаголы *спрашивать* и *отвечать*, Ю.Д. Апресян пишет: "Неперформативность этих глаголов объясняется тем, что в них смысл 'говорить' находится в области действия предиката 'цель'. СПРАШИВАТЬ, как и другие подобные глаголы, значит, в первом приближении, 'говорить с целью каузировать адресата сообщить говорящему неизвестную ему информацию'" [Апресян 1986: 218]. По нашему же мнению, как уже говорилось в (3), речевые жанры вопроса и ответа не располагают перформативами, поскольку базируются на использовании жестко закрепленных за ними языковых средств.

"Зависимость смысла 'говорить' от предиката 'цель', – пишет далее Ю.Д. Апресян, – мешает и перформативному употреблению глаголов типа ЖАЛОВАТЬСЯ и СЕТОВАТЬ ('с целью добиться сочувствия или помощи'), ДОКАЗЫВАТЬ ('с целью убедить в своей правоте') и ОБЪЯСНЯТЬ ('с целью каузировать понимание'), ⟨...⟩ УБЕЖДАТЬ ('с целью каузировать считать'), ⟨...⟩ ГРОЗИТЬ и УГРОЖАТЬ ('с целью добиться уступок' ⟨...⟩)" [Апресян 1986: 218–219]. Представляется, однако, что причины неперформативности упомянутых глаголов обусловлены не столько наличием в их толкованиях семантического компонента 'цель', сколько характером этой цели. Нетрудно заметить, что во всех перечисленных случаях иллокутивная цель соответствующих речевых жанров связана с воздействием на эмоции или разум адресата и потому не может быть достигнута путем простого информирования адресата об этой цели [см. (2) нашего предшествующего изложения].

Одновременно следует отметить, что наши наблюдения полностью подтверждают факт отсутствия у перформативов некоего общего компонента значения. Перформативные глаголы объединяет не общность семантики, а сходство денотатов. Как уже говорилось, все они обозначают акты порождения высказываний, принадлежащих таким речевым жанрам, в которых информирование адресата об иллокутивной силе жанра является достаточным условием для достижения искомой иллокутивной цели.

В заключение, подводя общие итоги всему сказанному в данной статье, следует отметить, что зародившаяся без малого 70 лет назад (если вести счет от работы [Волошинов 1929]) бахтинская теория речевых жанров к настоящему времени не только не утратила, но и, наоборот, значительно увеличила свою актуальность. Ее основные положения и положения весьма популярной в современной лингвистике теории речевых актов хорошо согласуются, взаимно дополняя друг друга, а уточнение и развитие теории речевых жанров делают ее одной из перспективных основ для дальнейшего изучения речи*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишина А.А., Формановская Н.И. 1978 – Русский речевой этикет. М., 1978.

Апресян Ю.Д. 1986 – Перформативы в грамматике и в словаре // ИАН СЛЯ. 1986. № 3.

Арутюнова Н.Д. 1992 – Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах. М.; Л., 1950–1965.

---

* Настоящее исследование было выполнено во время работы автора в Институте русской и английской филологии Высшей педагогической школы в г. Быдгощ (Польша). Автор приносит свою искреннюю благодарность администрации и сотрудникам института за хорошие условия, созданные для научной работы, и внимательное отношение к ней, а студентам – за все их вопросы, возражения и самостоятельные наблюдения, продуктивное обсуждение которых позитивно повлияло на результаты работы.

Бахтин М.М. 1986 – Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
Безменова Н.А., Герасимов В.И. 1984 – Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.
Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1994 – Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
Вежбицка А. 1985 – Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
Вендлер З. 1985 – Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
Волошинов В.Н. 1929 – Марксизм и философия языка. Л., 1929. [= Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка. М., 1993].
Гловинская М.Я. 1993 – Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
Дементьев В.В. 1995 – Жанры фатического общения // Дом бытия. Вып. 2: Язык – мир – человек. Саратов, 1995.
ЖР – Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995.
Земская Е.А. 1988 – Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
Капанадзе Л.А. 1988 – О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. 1995 – Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
Кобозева И.М. 1986 – "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. 1982 – Функциональные типы русской речи. М., 1982.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
МАС – Словарь русского языка: В 4-х томах / Под. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
Матвеева Т.В. 1995 – К лингвистической теории жанра // Collegium. Киев, 1995. № 1–2.
Остин Дж.Л. 1986 – Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
Панов М.В. 1963 – О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.
Ранних Н.А. 1994 – Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
РРР – Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
Серль Дж.Р. 1986а – Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
Серль Дж.Р. 1986б – Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
СС – Словарь синонимов русского языка: В 2-х томах. / Под. ред. А.В. Евгеньевой. Л., 1970–1971.
Стросон П.Ф. 1986 – Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
Федосюк М.Ю. 1996 – Комплексные жанры разговорной речи: "утешение", "убеждение" и "уговоры" // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
Федосюк М.Ю. 1997 – Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.
Шмелева Т.В. 1990 – Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Berlin, 1990. № 2.
Шмелева Т.В. 1995 – Речевой жанр: Опыт общефилологического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2.
Pisarek L. 1995 – Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы) / Acta Universitatis Wratislaviensis № 1748. Slavica Wratislaviensia LXXXIX. Wrocław, 1995.
Searle J.R. 1969 – Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, London, 1969.
Wierzbicka A. 1983 – Genry mowy // Tekst i zdanie. Wrocław et al., 1983.
Wierzbicka A. 1987 – English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney et al., 1987.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1997

© 1997 г. М.В. ФИЛИПЕНКО

ОБ ИЕРАРХИИ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ВЫСКАЗЫВАНИИ

(к анализу адвербиалов – определителей "процесса")

Известно, что существующие модели языка являются так сказать "глаголоцентричными" – в том смысле, что "ответственным" за организацию предикации обычно считается некоторый "центральный", "вершинный" предикат (чаще всего глагол). В основании "глаголоцентричной" идеологии предложения лежит следующее положение вещей.

Обычно мы имеем дело с предложениями, где ситуация, описываемая высказыванием, является конкретным воплощением ситуации, описываемой глаголом. Например, в предложении

(1) *Он взял салфетку со стола*

глагол *взять* сам по себе описывает ситуацию каузации перемещения объекта, и предложение (1) тоже описывает ситуацию каузации перемещения объекта, описывает конкретную ситуацию каузации перемещения. Итак, глагол сам по себе описывает класс ситуаций, к которому относится и ситуация, описываемая высказыванием. Поэтому информацию об основных участниках ситуации, описываемой высказыванием, обычно фиксируют в глаголе, и глагол оказывается "центральным" элементом предикации, оказывается "ответственным" за организацию предикации в целом.

Однако в недавнее время внимание некоторых исследователей привлекли предложения, адекватный анализ которых едва ли возможен в рамках "глаголоцентричных" моделей языка. Так, в книге [Goldberg 1995] рассматриваются примеры типа следующих:

(1') *He sneezed the napkin off the talbe* (≈ Он счихнул салфетку со стола) и

(2) *Sam joked his way into the meeting* (≈ Сэм вышутил себе дорогу / шутил свой путь на собрание).

Проблема состоит в том, что в случае "глаголоцентричной" модели предложения для анализа подобных примеров достаточно признать у английских глаголов *to sneeze* "чихнуть" и *to joke* "шутить" возможность переходного употребления, т.е. допустить у этих глаголов нормально не присущее им значение транзитивности. Однако словарь, где будут фиксированы подобные значения, вряд ли кто-либо сочтет разумным.

С аналогичными трудностями исследователь сталкивается и при анализе русского материала, ср. следующий пример:

(3) ⟨*...возница дилижанса, должно быть, ... посылал за кнутом парня в долгополой ливрее, сидевшего рядом на козлах и пронзительно трубившего в рожок,*⟩ *пока, гремя по булыжникам, дилижанс* ***ухал*** *через деревню* (Набоков. "Путеводитель по Берлину"),

где процесс движения, выражаемый предложением в целом, нормально не описывается при помощи глагола звучания *ухать*. Правда, в русском языке – языке с богатым приставочным словообразованием – в подобных случаях идея движения может под-

держиваться и в самой глагольной форме: исходный глагол тогда присоединяет приставку с соответствующим значением, ср. допустимую замену формы *ухал* на *проухал* в предложении (3), а также пример из работы [Кронгауз 1994]:

(4) *Мимо проблагоухала прекрасная дама,*

где глагол *благоухать*, нормально не обозначающий перемещения, приобретает приставку *про-*, поддерживающую идею движения в этом предложении (ср. также *Мимо провонял грузовик*, где в сравнении с примером (4) на идею движения "работает" также семантическая характеристика субъекта предложения – 'транспортное средство').

К каким теоретическим выводам приходят авторы указанных работ?

Выход из "глаголоцентричности" А. Голдберг видит в построении так называемой "грамматики конструкций". Конструкция представляет собой семантический шаблон ситуации P(x) (ситуации 'превращения', 'каузации движения' и др.) и сопоставленный ему способ синтаксического оформления элементов шаблона в предложении. При этом конструкция ориентирована не на конкретный глагол, а на тип предикатов, т.к. синтаксический уровень представления конструкции содержит предикатную **переменную** V.

Так в предложении (1') конструкция вида *X + V + Y off Z* навязывает осмысление ситуации, описываемой соответствующим высказыванием, как ситуации каузации перемещения Y-а. При этом конкретный глагол, участвующий в конструкции, может *сам по себе описывать ситуацию каузации перемещения* (ср. *глагол to take* в английском эквиваленте примера (1): *He took the napkin off the table*) или не описывать такую ситуацию (*to sneeze*). Опять же, в примере (2) осмысление ситуации как ситуации прохождения некоторого пути (и, быть может, одновременного создания этого пути) также целиком и полностью выражается (и задается) *way*-конструкцией, и может быть как поддержано семантикой глагола (ср. допустимые в данном примере глаголы *to go* "идти", *to run* "бежать" и под.), так и не поддержано ею (*to joke*).

Чрезвычайно близкий, на наш взгляд, подход развивается также и в работе М.А. Кронгауза, посвященной семантике русских глагольных приставок. Так, под конкретным значением приставки в указанной статье понимается структура толкования, представляющая собой именно семантический шаблон P(x) класса ситуаций, описываемых словоупотреблениями разных глаголов, ср. пример структуры толкования для глагольных употреблений *пробурить скважину в земле* и *прорубить окно в стене*: 'действием V сделать отверстие Y в поверхности Z' (с. 40), – то есть структура толкования обязательно содержит глагольную переменную V. При этом в некоторых случаях при понимании текста глагольной основе приписываются задаваемые шаблоном семантические признаки (ср. [Кронгауз 1994: 42]). Приписывание, очевидным образом, имеет место тогда, когда вне данного шаблона глагольной основе не могут быть приданы некоторые семантические признаки. Так, идея движения нормально отсутствует у глагола *благоухать*, но в контексте *Мимо (про-)V прекрасная дама* глагольную основу *благоухать* можно рассматривать так, как будто бы ей приписывается семантический признак "движение".

Итак, концепции А. Голдберг и М.А. Кронгауза чрезвычайно близки – 1) оба исследователя вводят понятие семантического шаблона ситуации, реализующегося в классе конкретных предложений с глаголами соответствующего семантического типа; 2) в обоих случаях внимание исследователей останавливается на предложениях с глаголом, семантический тип которого сам по себе не совпадает с семантическим типом ситуации, описываемой предложением в целом (в работе М.А. Кронгауза в подобных случаях предусматривается семантическая операция над семантикой глагола, а именно операция приписывания необходимых семантических признаков глагольной основе).

Близость обеих концепций, на наш взгляд, не случайна. Дело в том, что оба эти исследователя анализируют языковой материал, так или иначе выражающий идею "процесса" (в широком смысле), т.е. описывающий ситуацию, которая мыслится как

содержащая (противопоставленные друг другу) фазы. Иными словами, конструкции А. Голдберг или структуры толкования М.А. Кронгауза описывают ситуацию P(x) с аспектуальной характеристикой "процесс (в широком смысле)". При этом, как мы видели, возможны два случая: 1) когда ситуация (P(x), описываемая предложением, и ситуация V(x), описываемая глаголом, совпадают (P(x) = V(x)), ср. пример (1), и тогда, естественно, аспектуальная характеристика ситуации V(x) совпадает с аспектуальной характеристикой ситуации P(x); 2) когда ситуация P(x), описываемая предложением, не совпадает с ситуацией V(x), описываемой глаголом (P(x) ≠ V(x)), ср. примеры (1')–(4), и тогда аспектуальная характеристика ситуации P(x), описываемой глагольным контекстом, отличается от аспектуальной характеристики ситуации V(x).

О чем пойдет речь в данной статье? На первый взгляд, примеры (1')–(4) кажутся достаточно изысканными и в некотором смысле периферийными для языка. В данной работе, однако, мы попытаемся показать, что иллюстрируемая данными примерами проблема – проблема рассогласования аспектуальных характеристик глагола и его контекста – касается гораздо большего круга предложений, носит, по всей видимости, более общий характер (и так или иначе ставилась в лингвистической литературе); мы попытаемся показать, что данная проблема может возникать, когда (глагольный) контекст передает идею "процесса" (что имеет онтологически обусловленное обоснование – впрочем, довольно тривиальное). Ниже в качестве примеров такого контекста рассматриваются адвербиалы *быстро, круто, прямо* и некоторые другие. Анализ семантического поведения подобных адвербиалов, на наш взгляд, заставляет говорить не столько о приписывании глаголу семантических признаков в контексте лексических единиц (конструкций и проч.), передающих идею "процесса", сколько о некоторой иерархии аспектуальных характеристик, возникающей в подобных случаях, – иерархии, обусловленной "неодноуровневостью" тех ситуаций, которые описываются в высказывании. Много внимания будет уделено также самому понятию "процесс".

З а м е ч а н и е. Необходимо оговориться, что выражение "аспектуальная характеристика" используется в данной работе в духе типологической трактовки категории вида. Этой трактовке свойствена *"универсализация" видовых противопоставлений: аспектуальные смыслы, формально различающиеся хотя* бы в одном языке, признаются различными и в любом другом языке, даже если в этом языке нет формальных средств для последовательного проведения этого различия (тем самым категория вида в конкретном языке не связывается жестко с видовыми граммемами). Подробнее о типологической трактовке вида см. во многом обзорную работу [Плунгян 1995].

Предложения с адвербиалами, описывающими характеристику "процесса", давно останавливали на себе внимание исследователей. Так, в работе [Апресян 1980] предложение

(5) *Товарищи постепенно уезжали один за другим*

анализируется следующим образом: "Очевидно, что предикат *постепенно* должен иметь в качестве своего аргумента название разворачивающегося во времени процесса..., а не название одноактного действия", следовательно, семантически он связан со всей глагольной группой *товарищи уезжали один за другим*, а не только с глаголом; "фразы типа ?*Иван постепенно уезжал* воспринимаются по крайней мере как семантически странные". Заметим также, что *постепенно* определяет не всякий процесс, а лишь такой, который мыслится как предельный, ср. ??*Костер постепенно горел*, но *Костер постепенно догорел*, подробнее см. [Филипенко 1994].

Как мы видим, для глагола *уезжать* встает тот же вопрос, что и для глаголов *to sneeze* "чихнуть", *благоухать* и др., см. примеры (1')–(4): *to sneeze* нормально не обозначает каузации перемещения, однако в примере (1') описана такая ситуация; *благоухать* нормально не обозначает движения, но в предложении (4) описывается ситуация движения; точно так же, *уезжать* сам по себе не обозначает (предельный) "процесс" (ср. ?*Иван постепенно уезжал*), в предложении же (5) описан "процесс".

Понятно, что аналогичный вопрос возникает и для множества других глаголов: так, плохо сказать ?*Он постепенно купил марку*, но глагол *купить* с трудом осмысляется как предельный "процесс", но абсолютно нормальное предложение с этим глаголом *Он постепенно купил все марки этой серии* описывает "процесс"; практически аномально предложение ??*Постепенно пришел Иван*, т.е. глагол *прийти* не осмысляется как предельный "процесс", однако совершенно корректна фраза *Постепенно пришли все приглашенные*, описывающая "процесс", и т.д. В духе книги [Goldberg 1995] данный вопрос можно сформулировать следующим образом: следует ли постулировать у глаголов типа *уезжать, приходить* "процессное" значение, исходя из того, что некоторые употребления этих глаголов встречаются в контексте наречия *постепенно*?

Обычно явным или неявным образом этот вопрос получает, аналогично решению А. Голдберг, отрицательный ответ. Средствами выражения "процессного" значения в подобных случаях считается не глагол, а "глагольная группа" [Апресян 1980], точнее – те элементы глагольного окружения, которые передают идею множественности ситуации, ср. множественность субъекта/объекта в приводимых выше допустимых примерах с наречием *постепенно*. Однако множественность актанта сама по себе не обязательно гарантирует "процессное" осмысление предложения (подробнее см. [Храковский 1989: 17–18], ср. также [Падучева 1996, гл. I.12]). Так, предложение *Я купил марки этой серии*, в отличие от предложения *Я постепенно купил марки этой серии*, может описывать и единичную, не множественную ситуацию. Таким образом, именно адвербиал задает "процессный" аспектуальный тип ситуации P(x), которую он характеризует. (Ср. также выражения *в несколько этапов, мало-помалу, понемногу (преодолеть свой страх), полегоньку* и т.п.)

Итак, во многих случаях не один глагол, а именно глагольный контекст (будь то аспектуально релевантный адвербиал или реализация целой "аспектуальной" конструкции) – а иногда и только контекст – выражает "процессный" аспектуальный тип ситуации P(x), описываемой предложением. Соотношение между "аспектуальным" контекстом и глаголом при этом во многом аналогично соотношению между глаголом и его актантами (ср. понятие "сферы действия" в [Богуславский 1985]): подобно тому, как глагол имеет определенные семантические ограничения на заполнение своих валентностей, "аспектуальный" контекст предполагает определенные аспектуальные характеристики ситуации P(x), и в данном контексте может выступать только такой глагол V(x), чьи семантические свойства совместимы с этими аспектуальными характеристиками и со значением данного контекста[1]. Как мы неоднократно подчеркивали выше, ситуация V(x), описываемая глаголом, не всегда совпадает с семантическим типом (= шаблоном) ситуации P(x), задаваемым аспектуально релевантным глагольным контекстом, а определенным образом должна "встраиваться" в него. Такое разнесение значения контекста и глагола позволяет объяснить языковое поведение многих адвербиалов, характеризующих "процесс" (в широком смысле).

---

[1] Например, в аспектуально значимых глагольных контекстах, представленными примерами (1')–(4), заведомо может выступать лишь такой глагол иного, чем у контекста аспектуального типа, который принадлежит к более "элементарному" по структуре семантическому типу, в сравнении с семантическим типом контекста: глагол описывает ситуацию, которая может быть осмыслена как элемент ситуации, описываемой контекстом. Иными словами, в данном случае речь идет о семантически одноместных глаголах, чей субъект однороден с субъектом ситуации, задаваемой контекстом, ср. в связи с этим анализ глаголов звучания в контексте *Дилижанс V через деревню* в [Рахилина 1997]. Например, заведомо невозможно предложение **Он встал салфетку со стола* – ведь глагол *встать* семантически неодноместен (объектом данного действия является сам субъект, ср. также глагол *подняться*), ситуация, описываемая им, не может быть осмыслена как элемент ситуации, задаваемой глагольным контекстом, она не "вкладывается" целиком в ситуацию, задаваемую контекстом. При этом каждый контекст выбирает свой тип одноместных глаголов, ср. невозможность замены "чихнуть" на "уснуть", "сидеть" в примере (1'), поскольку "чихнуть" предполагает какое-то физическое воздействие на окружающий мир, а "уснуть", "сидеть" не предполагают такого воздействия.

Рассмотрим, например, наречие *быстро*. Хорошо известно, что оно может обозначать как скорость процесса, так и временной промежуток между некоторой точкой отсчета и ситуацией V(x), ср. предложение

(6) *Быстро подошел Иван,*

которое имеет два осмысления:

(6а) 'Иван подошел со скоростью, превышающей норму' и

(6б) 'Ситуация "подошел Иван" произошла через небольшой временной период после некоторой точки отсчета'

(см., например, [Dik 1972]; см. также [Stern 1931], где разбирается неоднозначность предложений типа *Ну-ка, марш отсюда, быстро – быстро* в них может значить как 'с большой скоростью', так и 'немедленно' (см. об этом [Апресян 1974: 179–180])).

Очевидно, возможны два способа описания подобных фактов. При первом способе, ориентированном прежде всего на аспектальный тип ситуации, описываемой глаголом, у наречия *быстро* усматриваются два указанных выше значения. Однако возможно и другое решение: у наречия *быстро* фиксируется только одно значение, при котором сферой действия наречия всегда является "процесс" P(x), а неоднозначность примеров типа (6) объясняется тем, что ситуация V(x) может по-разному "встраиваться" в сферу действия наречия. Во-первых, V(x) сама может осмысляться как "процесс", и в этом случае она сама составляет сферу действия наречия, т.е. P(x) = V(x), см. (6а). Во-вторых, если ситуация V(x) осмысляется не как "процесс", а как целостная, неделимая на фазы ситуация, то она составляет лишь часть сферы действия наречия, описывает лишь конечную фазу "процесса" P(x), т.е. P(x) ⊃ V(x), другие же фазы "процесса" обычно описываются в предтексте.

Подобное описание значения *быстро* позволяет объяснить, почему, скажем, предложения типа *Иван быстро чихнул* обязательно описывает управляемую, намеренную ситуацию: благодаря контексту *быстро* ситуация "чихнуть" осмысляется как элемент некоторой последовательности ситуаций, как элемент "процесса", для 'чихнуть' же – вообще говоря, нормально случайной ситуации – это возможно только в случае управляемости (ср. предложение *Внезапно потемнело и быстро начался дождь*, где *быстро* определяет неуправляемую ситуацию 'начался дождь', но которая в нашем сознании и так является естественным элементом некоторого процесса – процесса *определенных изменений погоды*).

Наречие *быстро* обозначает интенсивность "процесса". Аналогичную характеристику передает также наречие *круто*: данное наречие несет в себе идею реализации "процесса" за количество единиц измерения, меньшее нормы. Так, предложение

(7) *Полковник... на всем марш-марше круто останавливает лошадь* (Л. Толстой),

в частности, значит, что для остановки лошади используется расстояние, меньшее нормы, а предложение

(8) *Дорога круто повернула*

означает, что градус поворота соответствовал площади меньше нормативной. Ср. также

(9) *Тропинка круто спускалась вниз,*

где *круто* сообщает, что градус спуска соответствовал расстоянию, не достигающему нормы[2].

При обсуждении последних двух примеров необходимо остановиться более подробно на понятии "процесс". До сих пор мы старались использовать этот термин более или менее традиционно, понимая под "процессом" "динамическую ситуацию вообще" [Кустова 1994], или последовательность разнородных по качеству сменяющих друг друга фаз динамической ситуации (ср. также Замечание ниже). Легко видеть, что

---

[2] Ср. также другие наречия, связанные с идеей интенсивности "процесса", – *резко, интенсивно, энергично, усиленно, торопливо, полого, медленно, тягуче* и т.п.

ситуации V(x) = 'повернуть/спуститься [о дороге]' сами по себе не могут рассматриваться как "процессы", так как в реальности они являются статическими положениями дел: контур дороги в этих ситуациях не претерпевает никаких изменений, никак не может быть соотнесен сам по себе с традиционной идей "процесса" (ср. обсуждение подобных примеров в [Апресян 1980; Падучева 1989; Langacker 1987: 257] [Розина 1996]). И тем не менее выше утверждается, что *круто* несет в себе идею интенсивности "процесса". О каком "процессе" идет речь?

Во многих лингвистических работах, где обсуждается семантика глаголоупотреблений, описывающих "процесс", затрагивается вопрос семантического сходства разных типов "процесса". Так, А. Голдберг усматривает семантическую близость между результативной ситуацией и ситуацией движения: перемена состояния, описываемая результативной ситуацией, рассматривается как метафора перемены местоположения [Goldberg 1995]. Впрочем, семантическая общность идей движения и перемены состояния (англ. *change*) отмечалась еще Лейбницем, который также считал более первичной идею движения (ведь всякое движение подразумевает изменение, обратное же неверно), см. [Wierzbicka 1980: 5]. В книге [Langacker 1987: 166–173] обсуждаются английские примеры типа

It takes only five seconds to go through (to recite) the alphabet, букв. "Пройти сквозь (проговорить) алфавит занимает пять секунд",

I went through (read) the book in three hours, букв. "Я прошел через (прочел) эту книгу за три часа",

He can go quickly from one mood to another (quickly change moods) "Он мог быстро переходить от одного настроения к другому (быстро менять свои настроения)",

This milk is about to go (to become) sour, букв. "Это молоко готово перейти в кислое (стать кислым)".

Р. Лангаккер трактует ситуации, описываемые в этих примерах, как ситуации "абстрактного движения" и пишет об их семантическом сходстве с ситуациями обычного движения – движения физического объекта в пространстве (ср. *A train went through the tunnel* "Через туннель прошел поезд").

Уже из приведенных выдержек видно, что идея "процесса", по всей вероятности, имеет разные уровни абстракции. Из известных нам работ данный тезис в наиболее общем и лингвистически содержательном виде сформулирован – хотя и косвенным образом – в статье [Кронгауз 1994]. Один из тезисов этой статьи состоит в том, что конкретные значения приставки могут объединяться на другом уровне в более абстрактные значения. Например, идея заполнения отрезка пространства направленным движением у приставки *про-* (ср. глаголоупотребления *пройти/пробежать/провести один километр*) и идея заполнения отрезка времени определенной деятельностью, процессом или состоянием у той же приставки (ср. *проходить/проездить/проспать/проработать один час*) явно имеют общую часть значения, которую легче всего выразить рисунком – вектором, соединяющим концы пространственного или временного отрезка (см. [Кронгауз 1994: 44–47]).

Иными словами, можно выделить класс ситуаций, описывающих процесс направленного движения, и класс ситуаций заполнения временного отрезка, не каждая из которых традиционно трактуется как процесс (ср. *проспать два часа*), и представить их инвариант как вектор. Очевидно, что образом "процесса" является такой вектор, который членится на части (пункты, шаги, кванты, элементы, периоды, этапы, фазы, точки, отрезки и т.п.), т.е. в котором выражена идея принципиальной членимости "процесса" на (противопоставленные друг другу) элементы.

Если же говорить о выражении идеи "процесса" не с помощью рисунка, а с помощью некоторого семантического признака, то с "процессом" мы имеем дело во всякой ситуации, в которой усматривается упорядоченное множество элементов. Эта наиболее абстрактная идея "процесса"

может иметь различные более конкретные воплощения.

Например, если говорить о процессе движения, то линия вектора оказывается соотнесенной с траекторией пути, которая естественно членится на этапы благодаря постепенности продвижения по этой траектории: членимость задается тем, что субъект находится в разных пунктах траектории в разное время (и не может находиться в них одновременно); направленность линии времени (и движения) задают естественный порядок пунктов движения, ср. [Langacker 1987]. Если говорить о деятельности (период развертывания которой соотносится с линией времени), то она естественно членится на этапы, когда она направлена на неэлементарный (= разложимый на части) объект, ср. *учить стихотворение, сажать деревья* и под. Опять же, в процессах увядания, старения и под. линию вектора можно соотнести с линией времени, которая естественно членится на пункты, причем с каждым пунктом соотносится определенная степень увядания/старения субъекта ситуации.

Замечание. То, что абстрактная идея "процесса" имеет множество более конкретных воплощений, отразилось и на самом использовании термина "процесс" в лингвистической литературе. Разные исследователи связывают с "процессом" зачастую разный круг явлений – но обязательно несущий в себе идею упорядоченного множества элементов.

Так, в работах Ю.Д. Апресяна под "процессом", очевидно, понимается динамическая ситуация вообще (ср. [Апресян 1980; 1986] и др.). Т.В. Булыгина называет "процессами" не всякие динамические явления, а динамические явления, не являющиеся событиями, – такие динамические явления названы ею "деятельностями", типа *гореть, гулять, сплетничать, светать, писать (письмо)* и проч. [Булыгина 1982] (сходным образом, по всей видимости, использует слово "процесс" и З. Вендлер [Vendler 1967]). В трудах Ю.С. Маслова класс "процессов" оказывается более узким – в него попадают лишь неконтролируемые динамические ситуации типа *кипеть, растаять* (см., например, [Маслов 1990], см. также [Кустова 1994]). Е.В. Падучева выделяет разные виды "процессов" – предельные и непредельные, инактивные (неконтролируемые) и контролируемые [Падучева 1996]. Р. Лангаккер предлагает усматривать "процесс" в любой сущности, описываемой глаголом ["процессы" он противопоставляет "вещам" (англ. *thing*) – "вещи" обозначаются существительными] [Langacker 1987].

Неоднозначность термина "процесс" в лингвистической литературе, на наш взгляд, вызвана тем, что разные исследователи закрепляют за понятием "процесс" разные уровни конкретизации абстрактной идеи упорядоченного множества элементов.

Легко видеть, что с идеей упорядоченного множества элементов (= с абстрактной идеей "процесса") соотносятся не только глаголы, обозначающие динамическую ситуацию, но и любые лексемы, обозначающие ту или иную степень признака: ведь шкала степени проявления признака (как, кстати, и шкала оценки) прекрасно "вписывается" в образ членимого вектора (упорядоченного множества), если, допустим, принять, что максимальная степень проявления признака (или наилучшая оценка) соотносятся с векторной стрелкой (с максимальным элементом множества). Конечно, "процесс" – шкала оценки степени признака – кажется нам довольно необычным "процессом", непохожим на более привычные нам "процессы" – процессы движения, роста, увядания, старения и под., ведь мы привыкли усматривать "процесс" лишь в сущностях, соотнесенных с линией реального времени, процесс же – шкала оценки – мыслится только, так сказать, виртуально – путем сравнения данной степени проявления признака с другими возможными его степенями. Но тем не менее многие аспектуально значимые лексемы легко преодолевают это различие: они заставляют осмыслить как "процесс" и реальную, и виртуальую ситуацию P(x).

Рассмотрим, например, с этой точки зрения наречие *совсем*[3]. *Совсем,* грубо говоря, означает, что "процесс" достиг своего предела (то есть *совсем* соотносится, так сказать, со стрелкой вектора, с максимальным элементом упорядоченного множества), причем это может быть совершенно различный по типу "процесс" – процесс движения (ср. *совсем добрался, совсем доехал*), членимая на этапы деятельность (*совсем выучил*

[3] Подробный анализ этого слова дан в книге [Путеводитель 1993], см. также [Григорьева 1994].

⟨*стихотворение*⟩, *совсем собрал* ⟨*мотор*⟩), изменение признака (*совсем высох, совсем постарел*), шкала степени проявления признака (*совсем сухой, совсем старый*)[4] и, видимо, др. типы "процесса".

З а м е ч а н и е. Соотнесение примеров, не содержащих глагола (ср. *совсем сухой*), с символами V(x) и P(x) может казаться неочевидным, а потому сделаем следующие пояснения. Как V(x) в подобных случаях мы рассматриваем предикат, определяемый адвербиалом (ср. предикат 'быть сухим' в предложении *Лист совсем сухой*), т.е. предикат, описывающий некоторый градуируемый признак, ситуацией же P(x) оказывается шкала степеней проявления этого признака. Т.о., в качестве V(x) мы всегда рассматриваем предикат, синтаксическим определителем которого служит адвербиал типа *быстро, совсем*, – хотя, вообще говоря, данный предикат может входить и в более сложную синтаксическую конструкцию, ср. пример (6) с предложением *Мое внимание привлекла быстро идущая к дому девушка*, а также пример из [Путеводитель 1993] *Степа, совсем уже сползший на пол, ослабевшей рукой царапал притолоку* (М. Булгаков).

Наряду с адвербиалом степени (*совсем*) рассмотрим также типичное наречие оценки *хорошо*. *Хорошо высох* – это значит, в частности, что процесс высыхания практически достиг предела, *хорошо помнил/знал* – это 'помнил/знал значительное число элементов объекта' (ср. *совсем выучил* ⟨*стихотворение*⟩, *совсем собрал* ⟨*вещи*⟩ – и в случае *хорошо*, и в случае *совсем* речь идет о количестве объекта, охваченного действием), *хорошо написал сочинение* – это написал так, что сочинение может быть соотнесено с элементом шкалы оценок, близким к максимуму, и т.п.

На первый взгляд, трактовка ситуации 'знать (в той или иной степени)' или 'написать сочинение (с той или иной степенью блеска)' как элемента (точки, пункта) "процесса" может показаться несколько надуманной – несмотря на индифферентность многих аспектуально значимых адвербиалов к различию между реальными и умозрительными (виртуальными) "процессами". Ср., однако, эквивалент выражения *насколько я знаю* в английском языке – *As far as I know*, где для обозначения степени осведомленности субъекта используется наречие *far* (≈ 'далеко'). Это наречие обозначает в данном случае параметр "степени продвинутости в знаниях", т.е. соотносит степень осведомленности с идеей продвижения в пространстве, с идеей бесспорного процесса. Ту же метафору использует и русский язык, когда мы говорим *Иван хорошо продвинут в данной области, Петр здорово продвинулся в изучении данной темы* и т.п. Подобные "языковые свидетельства" (выражение А. Вежбицкой), на наш взгляд, говорят о семантической близости (= существовании инварианта) у ситуаций продвижения и у степени проявления признака, об отсутствии пропасти между реальными и виртуальными "процессами".

Выше мы лишь обозначили некоторые типы "процесса", ни в коей мере не претендуя на строгость и полноту их описания. Очевидно, каждый из этих типов можно рассматривать как инвариант более конкретных реализаций идеи "процесса" (ср., например, сопоставление семантического шаблона "разрушения внутренних связей" (*проколоть палец, прорубить стену, прорезать платье*) и "движения сквозь препятствие" (*пройти стену насквозь, пройти барьер, таможню, сквозь строй*) в [Кронгауз 1994] – каждый из этих шаблонов включает в себя идею "процесса движения"); можно также искать инвариант классов ситуаций типа *совсем высох* и *совсем сухой* (ср. [Путеводитель 1993: 148]), или *хорошо высох* и *хорошо знал*, и т.д. Здесь нам важно лишь подчеркнуть, многоуровневость идеи "процесса" (см. [Кронгауз 1994]), рассмотрение же ее всевозможных реализаций – предмет для отдельного исследования[5].

---

[4] Если в первых трех случаях V(x) = P(x), то в последнем случае V(x) ⊂ P(x), т.е. V(x) "встраивается" в P(x), рассматривается как выделеный элемент "процесса" P(x).

[5] Подчеркнем особую важность такого исследования для семантического анализа слов-интенсификаторов. Очевидно, подобное исследование должно быть основой для рассмотрения семантического поведения таких слов, той базой, которая с необходимостью учитывается при анализе любого слова-интенсификатора и которая позволила бы исследователю сосредоточиться в первую очередь на специфике конкретного слова-

Итак, выше мы с той или иной степенью подробности рассматривали различные глагольные контексты – "конструкции", приставки, наречия типа *быстро, круто, совсем*. Все это контексты, которые могут, во-первых, характеризовать ситуацию V(x), а во-вторых, могут иметь отношение не к V(x), а к некой "внешней" по отношению к V(x) ситуации P(x). При этом нас особенно интересовал второй случай – когда P(x) и V(x) не совпадают, когда V(x) определенным образом "встраивается" в P(x), а P(x) оказывается своего рода внешним контекстом реализации ситуации V(x).

Обратимся теперь к большому классу контекстов, которые, в отличие от рассматривавшихся контекстов, уже не являются обязательно глагольными (точнее, предикатными) контекстами[6]. Например, частным случаем таких контекстов среди адвербиалов являются частицы – частицы могут характеризовать как предикаты, так и термы. Легко заметить, что в случае частиц мы всегда имеем дело с несовпадением ситуации V(x), описываемой глаголом, и ситуации P(x), с которой связана частица (как бы ни называть при этом P(x) – "сценарием", "условиями на употребление частицы", "внешним контекстом" высказывания, и т.д.).

В этом случае "внешняя" ситуация P(x), к которой апеллирует частица, не обязательно является "процессом", но поскольку понятию "процесса" выше уделялось столько внимания, бегло рассмотрим лишь две частицы – *прямо* и *сразу*: обе эти частицы подразумевают как раз соотнесенность того или иного элемента ситуации V(x) с некоторым виртуальным "процессом".

Посмотрим, например, на толкование слова *прямо* в книге [Путеводитель 1993]. Значение этого слова там описано следующим образом: *прямо* указывает, что введение элемента *x* в ситуацию *P* исключает другие ("промежуточные") элементы, которые нормально и/или с точки зрения говорящего должны были принадлежать ситуации *P* (с. 160). Например, в предложении

(10) *Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию, и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору* (М. Булгаков).

прямо указывает, что при реализации ситуации 'весть полетит на Капрею' будут проигнорированы, вообще говоря, нормально характерные для реализации данной ситуации "промежуточные" пункты траектории. А, скажем, в предложении

(11) *На Маргарите прямо на голое тело был накинут черный плащ* (М. Булгаков),

прямо свидетельствует о редукции некоторых этапов, нормально предполагающихся при реализации ситуации 'надеть верхнюю одежду'.

Итак, мы видели, что любое употребление *прямо* индуцирует существование этапов (пунктов, шагов и т.п.), нормально ведущих к реализации описываемой предложением ситуации, т.е. заставляет осмыслить саму ситуацию (или некоторый ее элемент) как конечный пункт некоторого "процесса" (= как соотносящуюся со "стрелкой" вектора, с максимальным элементом упорядоченного множества). Отсюда неестественность в контексте *прямо* наименований "слабых" свойств, т.е. таких, которые трудно соотнести с максимальным элементом, ср. ??*прямо несколько заинтересован* [Путеводитель 1993: 163]. Если же сочетание, вообще говоря, означает слабую сте-

---

интенсификатора (скажем, на различиях в поведении *совсем* и *абсолютно, практически* и *почти*, и т.д.), ср. [Григорьева 1994], а также [Путеводитель 1993] в тех его частях, где описываются слова, связанные с идеей "неполноты"/"полноты". Конкретное слово-интенсификатор выбирает из всего спектра возможных воплощений "процесса" свойственный лишь ему набор, ср. наречие *постепенно*, которое, в отличие от *совсем*, может определять лишь реальный, а не виртуальный процесс (**постепенно сухой*), но к реальным процессам оно избирательно в меньшей степени, чем *совсем*: так, сочетание *совсем купил* если и возможно, то не может обозначать тот же "процесс", что выражен сочетанием *постепенно купил все марки этой серии*, не может значить окончание "процесса" покупки марок по частям, а может обозначать лишь окончательность покупки как таковой, ср. [Путеводитель 1993: 149].

[6] Ср. противопоставление лексических единиц с фиксированной и плавающей сферой действия в [Филипенко 1997].

пень проявления признака (ср. *чуть дышит*), то в контексте *прямо* оно обязательно описывает некоторое максимальное проявление – правда, уже иного признака: ср. выражение *прямо чуть дышит*, которое значит ≈ 'максимально далек от здорового состояния'.

В случае невозможности осмысления ситуации, фрагмент которой характеризуется *прямо*, как конечного пункта "процесса", употребление этого слова невозможно. Так, *прямо* может характеризовать не только ситуацию, описываемую вершинным предикатом V(x) фразы, но и ситуацию номинации, не выраженную во фразе с помощью соответствующего предиката (ср. 3-ю модификацию значения *прямо* в [Путеводитель 1993: 163–164]): в предложении

(12) *Передо мной сидела прямо Екатерина II*

прямо заставляет осмыслить имя собственное *Екатерина II* как в некотором отношении наиболее удачное наименование для встреченного субъекта, как наименование, значение которого включает **максимальное** количество характеристик субъекта. В случае невозможности такого осмысления наименования, употребление *прямо* недопустимо. Так, в рассматриваемых контекстах нельзя употребить так называемое невоплощенное имя собственное (= имя, интенсионал которого сводится к свойству 'иметь данное имя' [Кронгауз 1988]), ср. предложение

(13) ?*Передо мной сидела прямо Маша*

– для допустимости этого предложения имя *Маша* должно иметь интенсионал 'быть данным объектом', 'быть данной Машей' (т.е. являться воплощенным именем собственным), иначе исчезнет основа для употребления *прямо* – принципиальная возможность отражения в наименовании разного количества черт субъекта.

Таким образом, *прямо* характеризует уже не интенсивность "процесса", а, так сказать, стратегию достижения конечного пункта "процесса" – сообщает, что "промежуточные" пункты "процесса" не имели места[7].

Аналогичным образом ведет себя и адвербиал *сразу*, ср.:

(14а) *После школы он сразу поступил в институт* ⟨хотя, вообще говоря, сначала мог оказаться в армии, пойти работать и т.п.⟩ и

(14б) *После школы он поступил сразу в институт* ⟨а в принципе мог бы поступить в техникум, педучилище и т.п., – заметим, что в это множество не может входить, например, аспирантура, так как она занимает более высокую (более "конечную") в сравнении с институтом позицию в иерархии учебных заведений⟩.

Еще более выпукло связь *сразу* с "процессом" видна при сопоставлении данного слова с наречием *постепенно*, ср.:

(15) *Он сразу/постепенно перебрался в столицу,*

где оба наречия заставляют осмыслить ситуацию 'он перебрался в столицу' как конечный этап некоторого "процесса".

Интересно сопоставить также следующие два примера:

(16) *Я никогда не выигрывал таких денег сразу* и

(17) *Я никогда не выигрывал такой шубы сразу.*

Если в предложении (16) *сразу* может иметь два осмысления ("тут же после начала игры" и "одновременно, зараз"), то в предложении (17) возможно скорее лишь первое осмысление данного адвербиала – ведь шуба, в отличие от денежной суммы, нормально не осмысляется как объект, который можно выигрывать по этапам, постепенно приближаясь к максимуму – обладанию всем объектом; иными словами, в примере (17) шуба вряд ли может быть осмыслена как максимальный элемент упорядоченного множества элементов, адвербиал же *сразу* обязательно соотносится с идеей такого множества.

---

[7] Ср. также *напрямую, напрямик, без обиняков* и т.п.

Именно рассматриваемая черта семантики *сразу*, на наш взгляд, объясняет отмечаемую исследователями несочетаемость обстоятельств точечности типа *немедленно, сейчас же, сразу же, тотчас же, тут же* с перформативами: так, высказывания типа *Я сразу же ⟨тут же, немедленно⟩ клянусь* имеют только дескриптивное осмысление. По всей видимости, перформатив не сочетается с адвербиалами типа *немедленно* по следующей причине: семантика перформатива – совпадение речи и действия – исключает принципиальную возможность выбрать, будет ли реализовано соответствующее действие постепенно, или сразу (речепроизводство жестко задает одновременное выполнение действия); тем самым перформатив не может быть осмыслен как в некотором отношении максимальный элемент упорядоченного множества. (По-другому, с "глаголоцентричных" позиций данный факт трактуется Ю.Д. Апресяном (см. [Апресян 1986; Апресян 1995: 216]): невозможность перформативного высказывания *Я сразу же клянусь* объясняется тем, что перформатив имеет признак 'процессности', 'протяженности' (т.е., скажем, ситуация 'клянусь' обладает процессностью, протяженностью). На наш взгляд, дело в данном случае не в семантических свойствах самой ситуации, обозначаемой перформативным глаголом, а в невозможности осмыслить перформатив как крайний элемент некоторого "процесса".)

З а м е ч а н и е. Некоторое сходство с адвербиалами *прямо*, *сразу* обнаруживает частица *только*: если *прямо* и *сразу* указывают на реализацию лишь одного пункта из совокупности пунктов, составляющих "процесс" (а именно, конечного), то *только* указывает на участие в ситуации лишь одного элемента из некоторого множества элементов (из так называемого ассоциированного множества, см. [Богуславский 1985], а также [Филипенко 1992]), ср.

(18) *Из присутствующих о Витгенштейне слышал только Максим*,

где *только* характеризует Максима как единственного из множества присутствующих людей субъекта, слышавшего о Витгенштейне.

Но если элементы ассоциированного множества в случае *только* никак не ранжированы, то *прямо* и *сразу* подразумевают упорядоченность элементов такого множества, ср.:

(19) *Мальчик съел только (прямо/сразу) персик.*

Именно из-за отсутствия обязательной упорядоченности элементов ассоциированного множества в случае *только* данная частица не может быть сама по себе соотнесена с идеей "процесса". (Заметим, что частица *даже* в этом отношении ведет себя по типу адвербиалов *прямо* и *сразу*, так как предполагает распределение элементов ассоциированного множества по степени их вероятности, см. [Крейдлин 1975], [Богуславский 1985].)

Мы обратились к частице *только* для того, чтобы иметь еще один аргумент для трактовки идеи "процесса" как компонента толкования слов *сразу* и *прямо*: подобно тому, как ассоциированное множество является актантом частицы *только* (см. [Богуславский 1985]), совокупность элементов "процесса" должна рассматриваться как актант слов *прямо* и *сразу*.

Таким образом, анализ адвербиалов, описывающих характеристики "процесса", приводит к необходимости рассматривать их как частный случай аспектуально релевантных контекстов, как языковые единицы, задающие аспектуальный тип (= "семантический шаблон") определяемой ими ситуации P(x). При этом ситуация V(x), описываемая вершинным предикатом фразы с адвербиалом, по своему аспектуальному типу может вовсе не совпадать с аспектуальной характеристикой ситуации P(x), задаваемой адвербиалом, а рассматриваться как часть ситуации P(x).

Возможность несовпадения семантической сферы действия наречий и других (глагольных) контекстов, характеризующих "процесс", с ситуацией V(x), описываемой глаголом, легко объясняется следующим образом. Известно, что аспектуальные противопоставления относятся в первую очередь не столько к глаголам, сколько к ситуациям (например, семантическая типология предикатов, строящаяся в [Булыгина 1982], приводит автора к классификации "положения вещей" (с. 84–85), в работе [Падучева 1994] таксономическая категория глаголов "мыслится не только как класс глаголов, но и как класс ситуаций; семантические противопоставления лучше относить к ситуациям" (с. 11), В.С. Храковский пишет о том, что "естественным объектом аспектологического анализа является не просто действие или предикат, а ситуация, выражаемая

в предложении" [Храковский 1989: 12], защите этой идеи посвящена статья [Мелиг 1985: 238, 243, 246]). Ситуация же может мыслиться на разных уровнях: так, ситуация, описываемая глаголом, обычно включена в более общую ситуацию, может мыслиться как элемент этой более широкой ситуации, и т.д. При этом общая ситуация неизбежно осмысляется как членимая на (разнородные) элементы, а в случае упорядоченности подобных элементов осмысляется как "процесс" (в широком смысле).

Все сказанное позволяет говорить о возможном отражении во фразе не одной, а нескольких ситуаций, мыслящихся на разных уровнях, ср. модификацию примера (3):

(3') *Дилижанс уехал прямо через деревню*,

где ситуация звучания 'ухать' включена в процесс движения, задаваемый в данном случае контекстом *дилижанс V через деревню*, а ситуация движения дилижанса через деревню оказывается благодаря частице *прямо* редуцированным вариантом реализации процесса 'дилижанс движется к своей цели', оказывается ситуацией с редуцированной длиной траектории. Естественная иерархия подобных ситуаций задает иерархию аспектуальных характеристик во фразе.

Понятие иерархии аспектуальных характеристик, на наш взгляд, позволяет равноправно представить вклад в семантическую структуру высказывания как глагола, так и аспектуально значимого контекста, а также позволяет рассматривать аспектуально значимый адвербиал как единую лексему, различные части сферы действия которой может составлять описываемая глаголом ситуация.

З а м е ч а н и е. Об иерархии аспектуальных характеристик, видимо, имеет смысл говорить и по отношению к некоторым отдельным глагольным лексемам. Например, Ю.С. Маслов выделяет глаголы прерывисто-смягчительного способа действия, типа *покалывать, покашливать, почитывать* [Маслов 1978: 19], в которых ослабленная интенсивность сочетается с многократностью. На наш взгляд, характеристики "ослабления интенсивность" и "многократность" относятся в подобных случаях к ситуациям разных уровней: характеристику "интенсивность признака меньше нормы" имеет каждая из единичных ситуаций 'кольнуть', 'кашлянуть', 'почитать (что-л. с некоторой степенью внутренней собранности)' и под., характеристику же "многократность" получает вся ситуация, описываемая глаголами данного типа.

Интересно, что предлагаемый нами анализ глаголов типа *покалывать* помогает лучше осмыслить используемое Ю.С. Масловым понятие "количественная аспектуальность" – понятие, имеющее прямое отношение к проблематике данной статьи.

Термин "количественная аспектуальность" критиковался в работе [Храковский 1989] за то, что за ним будто бы не стоит какое-либо родовое обобщающее содержательное понятие, и он служит всего лишь меткой для объединения трех самостоятельных семантических признаков – кратности, длительности и интенсивности. Главный аргумент В.С. Храковского в защите самостоятельности, "разнокачественности и логической неоднородности" данных признаков состоит в том, что данные признаки могут сочетаться друг с другом в одной лексеме, см. глаголы типа *покашливать* [Храковский 1989: 10]. Однако, как мы пытались показать выше, данные признаки в подобных лексемах характеризуют не одну и ту же, а разные ситуации. Кроме того, понятие "количественная аспектуальность" представляется В.С. Храковскому мало содержательным, поскольку Ю.С. Масловым "не эксплицирован тот родовой семантический признак, который должен быть присущ всем значениям, включаемым в данное поле. Можно думать, что такого признака нет, но этот тезис нуждается в проверке" (с. 11).

На наш взгляд, предлагаемое в данной статье понятие абстрактной идеи "процесса" позволяет представить все три значения – кратность, длительность и интенсивность – как предполагающие упорядоченное множество элементов (и тем самым продемонстрировать тот родовой семантический признак для этих значений, который составляет сущность понятия "количественная аспектуальность"). Для кратности – элементами такого множества являются единичные ситуации, порядок которых определен течением времени, для длительности – это моменты ситуации, также упорядоченные на оси времени, для интенсивности – это соотнесенность данной степени интенсивности признака со шкалой, на которой упорядочены степени проявления данного признака. Тем самым мы можем говорить о близости абстрактной идеи "процесса" и понятия "количественная аспектуальность" (точнее, "количественная аспектуальность" совпадает с абстрактной идеей "процесса" по отношению к значениям кратности, длительности и интенсивности).

В заключение хотелось бы отметить следующее. Несмотря на то, что признание решающей роли контекста (не только глагольного, но и контекста всей фразы) при определении аспектуального типа обозначенной во фразе ситуации является общим

местом работ по аспектологии, до сих пор контекст обычно рассматривается "сквозь призму" глагола, в неразрывной связи с глаголом.

Так, "глаголоцентричная" идеология приводит к тому, что аспектуальную информацию обычно стремятся отразить в первую очередь в глагольной лексеме – у глагола как основы для интерпретации фразы в целом усматривается по крайней мере столько значений, со сколькими типами аспектуально значимых контекстов он совместим. Однако подобный подход, на наш взгляд, является односторонним, поскольку рассматривает аспектуально релевантный контекст не сам по себе, а в первую очередь по отношению его к глаголу (контекст рассматривается преимущественно как текст на аспектуальный тип глагола); односторонность этого подхода наиболее очевидна для примеров типа (1')-(4).

Аспектологический анализ фразы, на наш взгляд, должен складываться из равноправного анализа семантики как глагола, так и аспектуально-значимого контекста – "конструкций", глагольных приставок, отдельных "аспектуальных" слов и выражений (ср. *мимо, сквозь, через, пока, один за другим, все еще* и проч.). Пример анализа некоторых аспектуально значимых контекстов – анализа, в известной степени "свободного" от "призмы" глагола, – мы и старались, вслед за А. Голдберг и М.А. Кронгаузом, дать в данной работе. Проведенный анализ показал, что в случае несовпадения аспектуального типа ситуаций, описываемых глаголом и контекстом, имеет смысл говорить об иерархии аспектуальных характеристик в высказывании*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М., 1974.

Апресян Ю.Д. 1980 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ⇔ ⇔ Текст". Wien, 1980.

Апресян Ю.Д. 1986 – Перформативы в грамматике и словаре // ИАН СЛЯ, 1986. № 3.

Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексиография. М., 1995.

Богуславский И.М. 1985 – Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.

Булыгина Т.В. 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. Гл. I. М., 1982.

Григорьева С.А. 1994 – Наречие *совсем*: полисемия или логические компоненты в толковании? 1994. (рукопись)

Крейдлин Г.Е. 1975 – Лексема ДАЖЕ // Семиотика и информатика. Вып. 6, 1975.

Кронгауз М.А. 1988 – Об одном типе употребления имен собственных // НТИ, сер. 2, 1988, № 8.

Кронгауз М.А. 1994 – Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика, 1994, вып. 34.

Кустова Г.И. 1994 – Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // НТИ, сер. 2, 1994, № 6.

Маслов Ю.С. 1978 – К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

Маслов Ю.С. 1990 – Глагол // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мелиг Х.Р. 1985 – Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985.

Падучева Е.В. 1989 – Вид и лексическое значение глагола / НТИ, сер. 2, 1989, № 12.

Падучева Е.В. 1994 – Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика, 1994, вып. 34.

Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Плунгян В.А. 1995 – Вид и типология глагольных систем // Теория аспектуальности и преподавание русского языка. М., 1995.

Путеводитель 1993 – Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Рахилина Е.В. 1997 – Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика (в печати).

---

* Автор глубоко признателен Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяну и Е.В. Рахилиной за советы и замечания, сделанные к рукописи статьи.

Розина Р.И. 1996 – О некоторых производных значениях глаголов перемещения в русском языке // Московский лингвистический журнал. Том. 2. М., 1996.

Филипенко М.В. 1992 – Об однородных и неоднородных ассоциированных множествах // НТИ, сер. 2, 1992, № 5.

Филипенко М.В. 1994 – Логико-семантическое представление наречий образа действия. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

Филипенко М.В. 1997 – О лексических единицах с плавающей и фиксированной сферой действия // Семиотика и информатика (в печати).

Храковский В.С. 1989 – Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

Dik S.C. 1974 – The semantic representation of manner adverbials // Kraak A. (ed.) Linguistics in the Netherlands 1972–1973. № 1, Amsterdam, 1974.

Goldberg A. 1995 – Construction grammar. Chicago, 1995.

Langacker R.W. 1987 – Foundations of cognitive grammar. Standford, SUP, 1987.

Stern G. 1931 – Meaning and change of meaning. Göteborg, 1931.

Vendler Z. 1967 – Linguistics in philosophy. Ithaca, N.Y., 1967.

Wierzbicka A. 1980 – Lingua Mentalis. New York, 1980.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1997

© 1997 г. Г.С. ГОЛЕВА

ПЕРСИДСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

(лингвосоциокультурологический аспект)

В последние годы все более актуальными становятся вопросы лингвосоциокультурологии. Новейшие исследования по проблемам "Язык – культура – этнос" ведутся на базе самых обширных данных и касаются таких вопросов, как лингвистические и социокультурные дифференциации, лингвоэтнические общности, социально-этнические нормы, лежащие в основе коммуникации, функциональное взаимодействие языка и культуры в ходе исторической эволюции этноса. Для современного развития науки характерны поиски методологических схем анализа проблемы "Язык – культура", попытки установления связи языка и культуры на основе их онтологической общности, онтологического единства [Тарасов 1994].

Красной нитью через все новейшие труды проходит мысль о необходимости комплексного, интердисциплинарного, многоаспектного, системно-функционального подхода к этой сложнейшей проблематике. Фразеологический пласт языков является весьма интересным материалом, где отчетливо виден срез "язык – культура – этнос".

В отношении объема персидской фразеологии у исследователей до сих пор не сложилось единого мнения, что объясняется особой сложностью, комплексностью проблемы, переплетением различных уровней языка, участвующих в формировании и развитии фразеологии.

Системно-функциональный подход позволяет глубже и полнее раскрыть сложную и многогранную природу персидских фразеологических единиц (далее ФЕ), а также определить и обосновать лингвистический статус составных глаголов персидского языка [Гвенцадзе 1982: 8].

Это широкий филологический подход, при котором изучаются не только собственно лингвистические особенности ФЕ, относящиеся к их внутренней структуре, но и дается их социолингвистическая характеристика.

Для целого ряда исследователей (в том числе и для нас) объектом фразеологии являются устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой. Это полностью или частично переосмысленные обороты, в которых после своеобразных "химических реакций" появились новые сцепления смысловых элементов на новом языковом уровне. В отличие от лексических средств языка это более сложные коммуникативные единицы как производные вторичной, более высокой, номинации, передающие определенную сложившуюся систему коннотаций, оценок, образного восприятия мира.

В настоящее время в науке преобладает широкое понимание объема фразеологии: сюда включают не только ФЕ со структурой словосочетания, но и ФЕ со структурой предложения (и среди них многие паремиологизмы). Мы также исходим из широкого понимания объема фразеологии, тем более что персидские пословично-поговорочные выражения, изречения и афоризмы в восприятии носителей языка традиционно неотделимы от разговорной фразеологии.

Классическая персидская поэзия принесла иранцам в дар множество афоризмов-стихов, которые воспринимаются ныне носителями языка как рифмованные народные изречения, пословицы и поговорки. В знаменитом четырехтомном фразеологическом словаре выдающегося иранского ученого Али Акбара Дэххода [Дэhхода 1338–1339]

приводятся такие афоризмы-стихи и называются имена их авторов. Это, в первую очередь, Саади, Фирдоуси, Хафиз, Моуляви и Низами.

Матералом данного исследования служит составленный нами и подготовленный к печати "Персидско-русский фразеологический словарь", включающий около 6000 наиболее употребительных общенародных фразеологизмов, пословично-поговорочных выражений, изречений и афоризмов современного персидского языка с иллюстративными примерами из художественной литературы и бытовой речи.

Фразеологический материал, представленный в словаре, почерпнут из насыщенных фразеологией произведений иранской художественной литературы и фактов живой разговорной речи, зафиксированных автором словаря во время учебы и работы в Иране. Широко использованы при сопоставительном анализе (и после многочисленных консультаций с иранцами-лингвистами и контактов с информантами) изданные в Иране фразеологические словари. Автор стремился передать персидские фразеологизмы на русский язык наиболее объективно, сохранив их образность, национальный колорит и познавательную ценность, стремился перенести все это на родную почву, по возможности ничего не растеряв, бережно, с большим уважением к другому народу, к иному языку и иной культуре.

Как подаются ФЕ в "Персидско-русском фразеологическом словаре"? Приводится наиболее употребительная форма фразеологической единицы и в круглых скобках – лексические и грамматические варианты, если они есть. Затем дается перевод описательный (если нет русского аналога) и перевод буквальный. Далее в фразеологическом гнезде следуют этимологические и страноведческие комментарии, необходимые исторические справки, толкования бытовых реалий, ссылки на народные поверья, приметы, притчи, сказки, дастаны, приводятся цитаты и изречения из Корана. При необходимости дается ситуативная характеристика ФЕ – ключ к правильному использованию их в речи; здесь же могут даваться и необходимые стилистические пометы. В конце следуют иллюстративные примеры с переводом на русский язык, призванные наглядно продемонстрировать функционирование ФЕ в живой речи.

Фразеологизмы – устойчивые образования – извлекаются из памяти носителей языка и воспроизводятся в готовом виде как нечто цельное и неделимое, например: *кричать во всю Ивановскую* (очень громко), *бить баклуши* (бездельничать), *с гулькин нос* (очень мало), *тертый калач* (опытный, бывалый). В семантике ФЕ органически сочетаются два плана: прямой и переносный – первоначальное конкретно-описательное содержание, генетически свободное сочетание слов и конечное целостное значение. Эти два плана воспринимаются носителями языка комплексно как сложное, богатое и образное единство. Но для изучающих язык необходимо раскрывать и объяснять генетический прототип ФЕ – исходное свободное сочетание слов, давать буквальный перевод фразеологизма. Возьмем персидскую ФЕ *пэлас шодан* 'долго торчать, мозолить глаза, не уходить', букв. "стать паласом". Дремавшие валентные и сочетательные возможности семантической структуры слова *пэлас* как вещи, принадлежащей дому, привычной, примелькавшейся, пробуждаются и обнаруживаются в этом фразеологическом сцеплении. Буквальный перевод вскрывает наглядно-чувственную основу ФЕ, ее внутренний образ, генетический прототип ФЕ. Это важно для подхода к национальной фразеологической системе персидского языка как к хранителю, источнику, кладезю обширной экстралингвистической информации. Персидская фразеология знакомит с природой, флорой и фауной Ирана, описывает историю и исторические традиции, религию и народные поверья, внешний вид и костюм иранца, речевой этикет, национальные реалии: базар, уличные представления, застолье, национальные блюда, предметы домашнего обихода, национальное оружие, игры, спорт.

Как показывает подсчет, одним из самых высокочастотных стержневых слов-компонентов ФЕ персидского языка является слово *аб* 'вода'. Почему? Обилие ФЕ со стержневым словом *аб* – следствие того важнейшего значения, которое придают воде в сухих и жарких странах Востока. Вода – символ, источник жизни создает внутренний

образ множества персидских ФЕ; приведем лишь некоторые из них: *аб-э нätäläбидэ морад äст* "неиспрошенная вода исполняет желания" (по народному поверью, если человеку предложат выпить воды, которую он не просил, это добрая примета; фразу произносят, принимая воду из рук); *аб раh-э ход-äш ра баз миконäд* пословица "вода сама открывает себе путь" (хорошие, добрые люди быстро завоевывают любовь и уважение); *аб дäр д͡жу-йе käс-и räван äст* 'богатство, счастье, удача сопутствуют кому-л.', букв. "течет вода в чьем-л. арыке" [обычно вода от колодцев и источников распределяется по многочисленным арыкам; ею пользуются по очереди и в определенные часы; когда одно из ответвлений от основного арыка получает воду, остальные арыки пересыхают]; *аб-э räфтэ бэ д͡жуй баз амäдэ äст* 'былое благополучие или утерянное счастье вновь вернулось к кому-л.', букв. "утекшая вода вернулась в арык". Яркий трансформированный образ-символ покровительства в персидской фразеологии создает слово-компонент *сайе* 'тень', например: *сайе-йе шома käм нäшäвäд* "да не убавится ваша тень над нами" (признательность за оказанную милость, благодеяние). Тень → покров, покровительство, защита – это прохлада, столь живительная для жаркого Ирана.

Прототипы персидских ФЕ раскрывают своеобразие флоры и фауны Ирана, подсказывают непосредственную связь реалий и их возможных ассоциаций: *мэсл-е шах-э шämшад* "словно ветка самшита" (о высоком, видном, хорошо одетом, нарядном человеке); *мэсл-е эсфänд бäр (ру-йе) атäш* "словно рута на костре" (о крайне возбужденном, взволнованном человеке) [рута – название травы; высушенная рута хорошо горит, ею обычно окуривают людей от "дурного глаза"]; *бэ аhу мигуйäд бэд͡оу бэ тази мигуйäд бэгир* «газели говорит "беги!", гончей – "лови!"» (о мнимом доброжелателе); *шотор дäр хаб бинäд пämбэданэ* пословица "верблюду снится хлопковое семя" (каждый грезит о своем); *бäр хäр-э ход сäвар будäн* 'спокойно делать свое дело, невзирая ни на что; упорно идти к своей цели', букв. "ехать верхом на своем ослике". Осел как вьючное и верховое животное распространен в Иране повсеместно, это неразлучный друг и незаменимый помощник иранского крестьянина. И все же иранцы отмечают упрямство и недомыслие этого животного: *äз хäр-э шäйтан пийадэ шо͡оу* 'перестань упрямиться', букв. "слезай с осла шайтана"; *хäр häман хäр äст паланäш äвäз шодэ* поговорка "осел остался ослом, попону лишь сменили" (невежда и глупец и в новом одеянии, и при высоком сане останется все тем же); *äз хäр хäррати хастäн хäта-ст* пословица "не жди от осла токарного мастерства" (поручай дело сведущему). Собаке, считающейся по Корану нечистым существом, иранцы приписывают низменные качества: *мэсл-е сäг паче-йе hämэ ра герэфтäн* 'грубо браниться, сквернословить', букв. "как собака хватать всех за ноги"; *па ру-йе дом-э сäг гозаштäн* 'задевать низкого, презренного человека', букв. "наступать собаке на хвост". С другой стороны, собака у иранцев – символ верности и преданности: *вäфадари ра äз сäг байäд амухт* пословица "преданности нужно учиться у собаки"; *вäфа äз зäн мäхаh äз сäг вäфа д͡жуй* пословица "не требуй верности от женщины, верность и преданность жди от собаки". Соловей *болбол* олицетворяет легкость, красоту, благозвучие речи: *мэсл-е болбол härф зäдäн* 'обладать красноречием, заливаться соловьем'.

Многие ФЕ персидского языка отражают конкретные факты минувшего, связаны с историей Ирана и сопредельных стран, с историческими и национальными традициями: *äз кисэ-йе хälифэ бäхшидäн* 'быть щедрым за чужой счет', букв. "дарить из сумы халифа" [халифы – преемники основоположника ислама и создателя арабского мусульманского государства Мохаммада; Иран, завоеванный арабами в 651 году, на протяжении двух с половиной веков входил в состав арабского халифата]; *дäст-äш бэ äräб-о äд͡жäм бänд шодэ* 'у него везде есть поддержка и связи', букв. "его рука привязана и к арабу, и к неарабу" [в эпоху арабских завоеваний и господства арабского халифата арабы называли всех лиц неарабского происхождения и, в первую очередь,

иранцев словом *äджäм* 'неараб']; *анджа räфт ке äräб нэй äндахт* 'уехал, отправился очень далеко, в дальние края', букв. "уехал туда, куда араб забросил свое копье". Араб, житель пустыни, определял по солнцу время совершения вечернего намаза – "намаз на закате". Для этого он изо всей силы метал в сторону заходящего солнца свое копье. Если солнце еще не заходило, луч его сверкал на стали копья. Копье отлетало на большое расстояние. Другое толкование: 'ушел, исчез без следа'. Когда кончалась вода в пустыне, араб бросал в песок свое копье, вручая себя ангелу смерти, и навсегда исчезал в песках. Оба эти толкования приводятся в фразеологическом словаре Амирголи Амини [Амини 1339: 28], и оба подтверждаются примерами из современной персидской художественной литературы; *нä'л важгун зäдäн* 'ставить какой-л. вопрос с ног на голову, передергивать, искажать содержание', букв. "перевертывать подковы" [территория Ирана не раз подвергалась набегам тюркских кочевых племен; в средние века туркмены, сбираясь в грабительские набеги и желая замести следы своих коней, переставляли подковы задом наперед]; *кäс-и ра бэ чähар мих кäшидäн* 'подвергать кого-л. страшным мучениям', букв. "распинать между четырьмя кольями" [за тяжкие преступления наказуемого подвергали жестокой пытке: клали навзничь, привязывали за руки и за ноги к четырем вбитым в землю кольям и в таком положении оставляли лежать на солнце].

Многие персидские ФЕ связаны с религией иранцев – исламом шиитского толка, их религиозными представлениями и традициями: *аб бэ дäст-э йäзид офтад* 'дело попало в жесткие руки', букв. "вода попала в руки Йазида" [как гласит предание, по приказу халифа Йазида в 681 г. при Кербеле был убит третий шиитский имам Хосэйн]; *шемр häм джелоудар-äш нэмишäвäд* 'никто не в силах удержать, обуздать его', букв. "даже Шемр не годится ему в стременные" [Шемр – убийца имама Хосэйна]; *пиш äз ахунд мэмбäр мäроу* 'не заскакивай вперед!, не выставляйся!' букв. "не поднимайся на кафедру мечети раньше ахунда!"; *äзан бäгäл-е гуш-е кäс-и хандäн* 'докучать советами и наставлениями', букв. "призывать на молитву у самого уха кого-л." [муэззин с высоты минарета призывает мусульман на молитву]; *гусфänд-э пир ра горбани кäрдäн* 'делать ничтожные подарки', букв. "забивать в жертву дряхлого барана" [как известно, по случаю религиозного праздника жертвоприношения мусульмане забивают овец, коров и другой скот].

Немало в персидском языке ФЕ, связанных с народными поверьями, представлениями о злых силах, дьяволе, джинне, шайтане и т.д.: *мэсл-е гул-е би шах-о дом, мэсл-е гул-е бийабани* 'большой и нескладный человек, чудовище, страшилище', букв. "дьявол без рогов и хвоста", "демон пустыни"; *äгл-е дженн häм бэ ин кар нэмирäсäд* 'в этом деле и разум джинна бессилен, здесь сам черт ногу сломит'; *чäшм-э шäйтан кур, гуш-е шäйтан кäр* "да ослепнет шайтан!, да оглохнет шайтан!" (заклинание от бед и неудач); *чäшм-э ма шур буд*? "у меня дурной глаз?", т.е. 'мой приход – причина вашего ухода?' (вежливо-шутливое восклицание входящего в дом, обращенное к выходящему); *мэсл-е сäг häфт джан дарäд* 'он очень живуч', букв. "в нем, как в собаке, семь душ" [по народному поверью, в собаке живет семь душ].

Прототипы многих персидских фразеологизмов рисуют внешний вид и костюм иранца: *ин гäба бäрайе гамät-äш боридэ шодэ* 'это дело ему по плечу', букв. "это габа скроено точно по его росту" [*гäба* – старинная мужская одежда, длинная и просторная]; *ба домбэ сэбил-е ход ра чäрб кäрдäн* 'стараться произвести впечатление безбедного, благополучного человека', букв. "смазать себе усы курдючным салом", т.е. сделать вид, что досыта поел жирного плова; *hенна-йäш рäнг-и нäдарäд* 'он не имеет веса, авторитета', букв. "его хна бесцветна" [хной в Иране издавна красили бороду]. Борода с незапамятных времен – важный портретный штрих иранца, предмет его особых забот. Персидская фразеология достаточно полно отобразила древнюю иранскую традицию ношения бороды, вот некоторые из ФЕ: *ба ин риш бе тäджриш* поговорка "с такой бородой – в Таджриш?" 'куда тебе?, чего захотел!' [Таджриш –

богатый дачный район в пригороде Тегерана]; *риш-е ход ра бэ дäст-е дигäри дадäн* 'покоряться, подчиняться чужой воле', букв. "отдавать свою бороду в чужие руки"; *риш-о ґэйчи häр до дäр дäст-э кäс-ист* 'все зависит от кого-л., все в руках кого-л.', букв. "и борода, и ножницы – в чужих руках". В приведенных примерах, особенно в последних двух, объединенных общим понятием 'подчинение, зависимость', *риш* 'борода' как важный атрибут внешности иранца олицетворяет личность, степенность, достоинство. Древних иранцев изображают с длинными бородами (см. барельефы с изображениями "бессмертных" гвардии шахов Ахеменидов, древнеиранского божества Ахурамазды, ахеменидских шаханшахов, в том числе, Куроша Великого и Дарайавауша). В средневековье персы также носили бороды. В новое время мода отчасти меняется: так, шах Аббас I Сефевид (1581–1628), тюрок по происхождению, изображен без бороды. Но и Надир-шах (1737–1777), и Фатх Али-шах (1799–1834) запечатлены на портретах с длинными окладистыми бородами. Позднее при Каджарах персы с бородой встречаются реже. Современные иранцы, за исключением духовенства, бороду не отпускают. Однако после провозглашения Ирана Исламской Республикой борода постепенно вновь вошла в моду, и в последнее время бороду отпускают и молодые.

Своеобразие жизни и быта того или иного народа находит свое отражение и в речевом этикете. Персидская фразеология зафиксировала характернейшие для персидской речи традиционные обороты вежливости, учтивости с их особым восточным колоритом: *хош амäдид сäфа авордид* "добро пожаловать, вы принесли с собой свежесть, ясность и чистоту"; *бу-йе гол миайäд* "вы принесли с собой аромат цветов"; *чäшм-е ма р͡оушäн* "да будут ясны наши очи", 'очень приятно вас видеть'; *гол гофтиво дорр софти* "вы сказали не слово, а нанизали жемчуг" (одобрение по поводу удачно, метко сказанного слова); *мäрhämät-э шома зийад* "милость ваша велика", 'до свидания'; *элтэмас-э доа* "поручаю себя вашим молитвам" (произносят при прощании); *дäст-э шома дäрд näконäд* "пусть не болят ваши руки" (вежливая признательность за исполненную работу, за помощь, добро; произносят часто, принимая что-либо из рук).

Персидская фразеология буквально насыщена историческими и национальными реалиями. Известно, какую роль в жизни восточных народов играют базары. Исторически иранский базар – это не только место, где совершаются торговые сделки, купля-продажа. Иранский базар – это главный центр города, выразитель общественного мнения, глас народный. Вот примеры ФЕ с реалией *базар*: *äгäр лор бэ базар näрäвäд базар мигäндäд* пословица "если простофиля не придет на базар, гнилой товар не будет распродан"; *чäшм-э базар ра дäравордäн* ирон. 'сделать неудачную покупку, купить негодную вещь', букв. "добыть око [т.е. лучшее] базара". В местах скопищ людских, на площадях уличные актеры давали представления: *мä'räке кäрдäн* 'показать все свое умение и мастерство'; букв. "дать уличное представление"; *колаh-э кäс-и ра пäс-э мä'räке äндахтäн* 'обделить, обидеть кого-л.', букв. "бросить чью-л. шапку за круг уличного представления" (чтобы занять его место, пока он будет ее поднимать).

Иранское национальное "застолье", как известно, проходит на полу, покрытом скатертью *софрэ*: *софрэ-äш hämише гостäрдэ äст* 'он щедрый, великодушный человек', букв. "его софрэ всегда расстелена"; *сäр-э софрэ-йе пäдäр-äш нан näхордэ äст* 'он негостеприимный, скупой человек', букв. "никогда не ел хлеба за отчим столом"; *софрэ-йе дэл-äш ра пиш-е hämэ кäс nähн миконäд* 'он всем и каждому поверяет свои тайны', букв. "перед всеми расстилает скатерть своего сердца". В персидских ФЕ встречается множество реалий, связанных с иранскими национальными блюдами, кухонной утварью, например: *аш хордäн-о д͡жаш ра шекäстäн* 'проявить неблагодарность, заплатить за добро злом', букв. "съесть аш и распороть мешок с зерном" [*аш* – иранский национальный суп из риса с зеленью и растительным маслом]; *мэсл-е ширбэрэнд͡ж* "словно ширбэрэндж без соли" (о человеке неинтересном, ничем не примечательном; о пустой, бессодержательной речи) [*ширбэрэнд͡ж* – иранское куша-

нье, приготавливаемое из риса и молока и похожее на жидкую кашу]; *сомаґ мäкидäн* 'лелеять несбыточные мечты', букв. "сосать сумах" [*сумах* – кислые зерна, которые отдельно не едят, а растирают в порошок и добавляют в пищу как приправу; для иранской кухни в отличие от индийской характерны не столько острые, сколько кислые приправы]; *па-йе тапу хабидэ äст* "почивает себе возле тапу" (о вялом, сонном; беспечном, беззаботном) [*тапу* – глиняный сосуд, в котором хранят муку или зерно]; *сих истадäн* 'встать навытяжку, встать прямо, как столб' [*сих* – вертел для приготовления кебаба].

Древних иранцев обучали с детства трем видам спорта и военного искусства: верховой езде, стрельбе из лука и конному поло (чоуганбази). Персидская фразеология на века запечатлела традиционное иранское оружие – стрелы, позднее – меч: *тир-äш бэ сäнг хорд* 'он потерпел неудачу', букв. "его стрела попала в камень"; *шäмшир ра ґэлаф кäрдäн* 'струсить, сдаться, отступить при первой же угрозе', букв. "вложить в ножны свой меч". ФЕ со стержневым словом *туп* 'пушка' отражают новую эпоху – появление огнестрельного оружия: *чера тупчи нäшоди*? "почему ты не стал артиллеристом?" (ироническая реплика в адрес пугливого человека, вздрагивающего от неожиданных звуков). Ряд персидских ФЕ связан с классической борьбой – исконно иранским национальным спортом, зародившимся в глубоком средневековье и в XIII веке уже, безусловно, известном: *пошт бäр зäмин авордäн* 'победить противника', букв. "положить на обе лопатки".

Как отображаются в персидской фразеологии семейный уклад и отношение к потомству, детям?

Бездетность представляется большим несчастьем для семьи: *од͡жаґ-э мäн кур äст* 'нет у меня детей', букв. "не горит огонь в моем очаге"; отсюда о сыне – продолжателе рода говорят: *од͡жаґ-э пäдäр-äш ра ро͡ушäн кäрдэ*, букв. "осветивший отцовский очаг". Не желательно и не естественно иметь одного-единственного ребенка: *йек-и йекданэ йа хол мишäвäд йа диванэ* пословица "один-единственный ребенок в семье вырастает или слабоумным или помешанным" (от баловства и неправильного воспитания). В семье должно быть не менее трех детей: *йек-и кäм äст до та ґäм äст сэ та хатэрд͡жäм'* пословица "одного ребенка иметь мало, двух – тоскливо, трех – покой для души". О последнем ребенке у родителей, последыше говорят: *бäчче-йе тähтäґари* "наскребли муки со дна *тäґар*" [сосуда, где хранят муку, зерно]. Однако заводить ребенка в старости – дело недостойное: *бäчче-йе сäр-э пири зäнгуле-йе па-йе табут äст* пословица "ребенок у старика – что бубенчик у гроба" (недостойно вешать бубенцы на гроб, так же как и заводить детей в старости, ибо не успеешь их воспитать).

Воспитанию детей иранцы издревле уделяли огромное внимание: *бäчче äзиз äст тäрбийäт-э у äзизтäр äст* пословица "ребенок – отрада, но еще отраднее воспитать его"; *бäчче дари*? *сäр дари*! поговорка "у тебя есть дети? – [значит] есть и заботы"; *би пäдäр-о мадäр* 'низкий, подлый, бесчестный', букв. "без отца и матери" (т.е. его не воспитывали родители); *нэhал ра та тäр äст байäд раст кäрд* пословица "выпрямляй саженец, пока он свежий" (ребенка нужно воспитывать с самого раннего возраста).

Несмотря на подчас суровые меры воспитания и даже побои, иранцы с заботой и любовью относятся к своему потомству, а женщины еще и с нежностью: *хале суске бэ бäчче-äш мигуйäд ґорбан-э дäст-о па-йе назок-äт (болури-йäт)* пословица «говорит черная букашка своим деткам: "Какие у вас нежные белые ручки и ножки" (любой, даже некрасивый ребенок мил матери, мать всегда видит своего ребенка красивым). Нередко внуки бывают для стариков дороже и милее детей: *о͡улад бадам äст о͡улад-э о͡улад мäґз-э бадам* пословица "дети – миндаль, а дети детей – сердцевинки миндаля".

Итак, в плане лингвосоциокультурологии паремиологизмы как составная часть национальной фразеологической системы персидского языка представляют особый

интерес. Паремиологизмы заключают в себе законченную мысль, суждение, и именно в них – пословицах, афоризмах наиболее отчетливо проявляется национальный характер, национальный менталитет, этнопсихологический склад народа, его образное мышление.

В целом ряде образных персидских пословиц и афоризмов мы открываем не только элементы чисто иранских социально-этнических норм, но и видим в них по-своему преломленную систему общечеловеческих положительных и отрицательных оценок, отражение общемирового разума человечества: *мешк ан äст ке ход бэбуйäд нä анке äттар бэгуйäд* (Саади) "мускус сам издает аромат и не нуждается в похвалах продавца"; *äшк-е кäбаб баэс-э тоґйан-э атäш äст* (Саэб) "жир, капающий с мяса, вызывает вспышку огня" (слезы обиженного только распаляют обидчика); *чераґ äз бähр-э тарики нэгähдар* (Саади) "храни светильник на случай тьмы"; *дэрäхт-э каhэли бар-äш гороснэги-ст* пословица "дерево лени дает плоды голода"; *чераґ-э дозд хаб-э пасбан äст* пословица "сон караульного – это лампы для вора"; *диг-э тäмä' дир бэ ʤуш миайäд* пословица "котел алчности не скоро закипает"; *дäр кар-э хэйр hаʤжät-э hич эстэхарэ нист* (Хафиз) "доброе дело не нуждается в гадании по четкам и Корану"; *тäб-э тонд äрäґ-äш зуд миайäд* пословица "при сильном жаре быстро выступает пот (огонь пламенной любви и дружбы нередко быстро угасает); *шекäстэ остохан данäд бähа-йе мумйаи ра* (Саади) "лишь тот, у кого сломана кость, знает цену мумиё".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвенцадзе Г.С. 1982 – Вопросы глагольной фразеологии персидского языка (структурный и семантический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1982.

Тарасов Е.Ф. 1994 – Язык и культура: методологические проблемы // Язык – культура – этнос. М., 1994.

Амини Амирголи 1339 – Амирголи Амини. Фäрhäнг-е äвам йа тäфсир-э äмсал-о эстэлаhат-э зäбан-э парси. Тэhран, 1339.

Дэhхода Али Акбар 1338–1339 – Али Акбар Дэhхода, Амсал-о hэкäм дäр чähар ʤелд. Тэhран, 1338–1399.

№ 5 1997

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

***Thomas V. Gamkrelidze, Vjačeslav V. Ivanov.* Indo-European and the Indo-Europeans. A reconstruction and historical analysis of a Proto-language and a Proto-culture. Berlin; New York. 1995. Mouton de Gruyter. I – CVI + 864 p., II – XXXIV + 264 p.**

Английское издание фундаментальной монографии Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова несомненно крупное событие в лингвистической науке современности. Долгожданное появление книги сделало ее, наконец, достоянием самого широкого круга потенциальных читателей, которым ранее приходилось довольствоваться лишь несколькими предварительными публикациями авторов, посвященными избранным фрагментам работы. Естественно полагать, что это обстоятельство повысит наиболее очевидное, на взгляд рецензентов, достоинство монографии – ее стимулирующее воздействие на историко-лингвистические исследования как в индоевропеистике, так и в некоторых иных отраслях генетического языкознания, данные которых способны пролить новый свет на ранние этапы истории индоевропейских языков.

Хотя, подобно ее русскому оригиналу, книга распадается на два тома, ее формальная структура существенно отлична и находит свое отражение в том, что текст исследования теперь полностью составляет ее первую часть, а технический аппарат (библиография, индексы, а также обзор письменных источников по индоевропейским языкам и языкам широкого исторически смежного ареала) отнесен во вторую часть. Исключение составляют транслитерация для языков, использующих нелатинскую графическую основу, и принятые сокращения в названиях языков, источников и в грамматических терминах, которые предваряют для удобства пользования работой каждый том. Внутри глав находим более детальную цифровую кодировку параграфов, принята также поглавная, а не постраничная нумерация сносок. Значительно полнее выглядят теперь индексы (в частности, в индексе протоиндоевропейских форм последним теперь приписана их семантика).

Менее заметные технические инновации в тексте заключаются в замене греческих написаний их транслитерацией, в передаче *i̯* и *u̯* в записи индоевропейских архетипов и форм анатолийских языков через *y* и *w*, а также в обозначении реконструируемого авторами ряда индоевропейских звонких согласных (с факультативной аспирацией) в виде b^h, d^h и g^h (наряду с общепринятой в остальном системой транслитерации кириллической графики для передачи ст.-слав. *ь* и *ъ* использованы соответственно 'и").

В плане содержания рецензируемая работа претерпела весьма незначительные изменения. И хотя они дают о себе знать как в форме прямых текстовых интерполяций, так и в виде немногих дополнительно включенных сносок (ср. с. 11, 36, 60, 786, 803, 832, 864), они не имеют сколько-нибудь принципиального значения и служат дальнейшим обоснованием уже высказывавшихся ранее авторами положений. Заметна и авторская правка неточностей в языковом материале, допущенных в русском оригинале.

Естественно, что впечатление от повторного прочтения книги, к тому же спустя целое десятилетие после выхода в свет ее русского оригинала, не может в чем-то не отличаться от полученного при первом с ней знакомстве. Этого тем более можно было ожидать, если учесть, что за истекший период вокруг книги сложился и некоторый фоновый эффект, обозначивший такие темы дискуссии как степень совместимости сравнительно-исторических и типологических критериев адекватности реконструкции, исконная модель индоевропейской консонантной системы ("глоттальная" теория), типологическая характеристика праиндоевропейского состояния как активного, а также комплекс вопросов, связанных с прародиной носителей индоевропейских языков и миграциями конкретных ветвей послед-

них. И тем не менее, если говорить о тех качествах работы Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова, которые со временем выступают все более отчетливо, то прежде всего мы по-прежнему назвали бы ее неугасающее стимулирующее воздействие на ведущиеся исследования.

Как известно, стимулирующее воздействие русского оригинала книги в большей или меньшей степени отразилось на множестве публикаций последнего десятилетия, посвященных едва ли не всем аспектам затрагиваемой ее авторами проблематики (ср. работы Г. Бирнбаума, А. Бомхарда, Г. Джаукяна, Ф. Кортландта, У. Лемана, М. Майрхофера, И. Меликишвили, Р. Нормье, Г. Хэйдера, Ж. Шарашидзе и др.). Так, один из соавторов настоящей рецензии обязан предложенной в нем модели индоевропейского консонантизма более строгой характеристикой фонетических процессов, отражавших филиацию арийской "ветви" индоевропейских языков на три "подветви", с первоначальным обособлением нуристанских языков и последующей дифференциацией индоарийских и иранских (так, становление к общеарийскому состоянию четкой оппозиции аспирированных и неаспирированных звонких согласных удовлетворительно объясняется через факт совпадения неаспирированных вариантов и.-е. звонких с озвонченными рефлексами и.-е. "глоттализованных", что нарушило более раннюю дополнительную дистрибуцию аспирированных и неаспирированных звонких; при этом нечеткость аналогичной оппозиции глухих и неполная фонологизованность глухой аспирированной серии в общеарийском связаны с позиционной ограниченностью глухих рефлексов и.-е. "глоттализованных" согласных, которые могли бы снять раннюю дополнительную дистрибуцию и.-е. аспирированных и неаспирированных вариантов глухой серии)[1].

Из более крупных подобных работ к их числу следует отнести новую версию ностратической гипотезы (опирающуюся на "глоттальную" теорию индоевропейского консонантизма), принадлежащую А. Бомхарду и Дж. Кернсу [Bomhard-Kerns 1994]. Далее здесь можно назвать монографию Н.Л. Сухачева, посвященную перспективе истории в индоевропеистике [Сухачев 1994]. Упомянем также книгу второго из соавторов этой рецензии, в которой был предпринят опыт стратификации древнейших индоевропеизмов картвельских языков [Климов 1994]. Естественно полагать, что с публикацией рецензируемого издания это воздействие еще более возрастет.

Другим наиболее общим итогом работы Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова представляется опыт разработки модели современного лингвистического исследования, ориентированного на реконструкцию протокультуры и существенно расширяющего перспективу, освященную именами целого ряда выдающихся языковедов прошлого и настоящего. Важнейшей составляющей монографии является семантический словарь индоевропейских древностей, олицетворяющий собой характерный тип исследования в жанре лингвистической палеонтологии культуры. Положенная в его основу весьма детализованная анкета помимо своей специальной роли в книге имеет, несомненно, и более широкое значение как опыт разработки некоторого универсального вопросника для аналогичных работ на ином языковом материале.

Одной из наиболее оживленных дискуссий по сей день остается явно далекая от своего завершения контроверза вокруг проблемы прародины индоевропейцев (как свидетельствуют недавние монографии Дж. Мэллори и К. Ренфрю, резко контрастирующие точки зрения на этот счет высказывают и археологи). Тем не менее складывается впечатление, что если данные археологии говорят в этом смысле скорее в пользу северного Причерноморья и южной России, то лингвистический материал как будто указывает на Балканы и Переднюю Азию (в частности, отчетливая скифская гидронимика северного Причерноморья не сопоставима хронологически ни с индоевропейской топонимикой Балкан и Малой Азии, ни, тем более, с вскрывающимися следами исторического взаимодействия индоевропейских, семитских и картвельских языков). Важные в этом плане параграфы книги, посвященные древнейшим контактам индоевропейских языков с их историческими соседями (с. 768–779, 793–794, 799–804, 813–835), способны служить одной из наглядных иллюстраций известного высказывания Э. Поломэ о все возрастающей значимости лингвоареальных исследований для сравнительной грамматики индоевропейских языков. Думается вместе с тем, что отмечаемая при этом авторами ключевая роль древнейших индоевропейско-семитских и индоевропейско-картвельских

[1] Этим объясняются некоторые характеристики языков разных "ветвей" арийской общности и, в частности, вторичная фонологизация глухих придыхательных в др.-индийском при сохранении арийской оппозиции звонких [Эдельман 1992].

контактов все еще не привлекает достаточного внимания лингвистов (за исключением отчетливо негативной реакции на эти довольно давно известные в ареальной лингвистике факты со стороны большинства приверженцев различных версий ностратической гипотезы).

Конечно, в настоящее время едва ли можно догадываться, насколько общим для индоевропейского этноса мог быть намечаемый авторами в этом плане переднеазиатский ареал по соседству с семитами и картвелами. Тем не менее, существенно учитывать, что подобные контакты, вопреки мнению М. Гимбутас, немыслимы в ареале где-то к северу от кавказского хребта [Gimbutas 1973: 174], а также их вероятную хронологическую протяженность. Так, если наиболее позднее протокартвельское состояние как правило датируется, по современным оценкам, III тысячелетием до н.э., то оно должно было контактировать с уже достаточно глубоко дифференцированными ветвями индоевропейских языков. Об этом, по-видимому, говорят его древние индоевропеизмы, в своем большинстве отражающие предполагаемые авторами глоттализованные смычные фонемы в виде звонких. Однако, нельзя, конечно, не считаться и с теми из них, в которых представлены глоттализованные. Во всяком случае, если речь идет о решении вопроса на базе лингвистических данных, то степень адекватности гипотезы авторов о переднеазиатской прародине, по-видимому, в определенной степени будет зависеть от меры архаичности облика древнейших взаимных заимствований (в виду имеются параллелизмы типа картв. **otxo-* 'четыре' ~ и.-е. **okt̄o(u̯)-* 'восемь', картв. **eks₁w-* 'шесть' ~ и.-е. **(s)u̯ek̂s-* то же, картв. **diγwam-* // **diγom-* 'плодородная земля, чернозем' ~ и.-е. **dheghom-* 'земля', картв. **usx(o)-* 'жертвенный бык' ~ и.-е. **ukʷs-on-* 'бык', картв. **guga-* 'сердцевина плода' ~ и.-е. **guga-* то же, картв. **ç₁ero-* 'журавль' ~ и.-е. **ger(ou)-* то же и т.п.)[2].

С ходом исследования все большую актуальность приобретает и подчеркиваемая в работах У. Лемана необходимость внимания и к хронологически несколько более поздним этапам подобного взаимодействия, когда компонентами сравнения оказываются уже достаточно отчетливые формы отдельных ветвей исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Естественно, что и на этом уровне можно получить немало ценной информации. Так, например, сопоставление картв. **uγ-* 'ярмо' (отраженного, в частности, сванским *ūγwa-*) с древнеиранской формой типа **juγ-* той же семантики подтверждает глубокую давность реализации некоторых фонетических процессов, характеризующих иранские языки. Заметим в этой связи, что при всем своем критическом отношении к упоминаемой на с. 801 работе Э. Фюрне о "догреческо"-картвельских контактах [Furnée 1979] авторы, на наш взгляд, все же переоценивают степень надежности предпринимаемых в ней сопоставлений.

Вероятно, нелишним будет подчеркнуть и несомненные информативные качества книги, знакомящей зарубежного читателя с некоторыми результатами недавних исследований российских и грузинских ученых по затрагиваемой в ней лингвистической и смежной проблематике.

Из текста монографии явствует, что Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов не скрывают наличия целого ряда дискуссионных вопросов (в частности, по проблематике, связанной с гипотезой о переднеазиатской прародине индоевропейцев и направлениями их исторических миграций), требующих дальнейшего обсуждения. Как свидетельствуют встречающиеся текстовые интерполяции английского издания, а также его несколько расширенная библиография, имеющая и определенную самостоятельную ценность (она пополнена, а также доведена теперь до 1984 г.), нет оснований сомневаться в том, что эти вопросы и поныне остаются в сфере внимания авторов. И хочется думать, что лишь довольно строгая ориентация издателей на перевод, а не на доработанное издание, по-видимому, не позволила авторам внести коррективы там, где они могли бы это сделать в свете позднейших наблюдений (ср., например, контексты на с. 223 и 225, связанные с проблемой "s-mobile" в картвельских языках)[3].

Необходимо, наконец, отдать должное блестящему, по отзыву У. Лемана, английскому переводу книги (ср. [Lehmann 1992: 42]), выполненному выдающимся американским лингвистом-теоретиком, славистом и кавказоведом Дж. Никольс (в своем предисловии переводчица делится с читателем некоторыми секретами своего успеха, стре-

[2] Итоги имеющих немалую традицию исследований древнейшего индоевропейско-семитского ареального взаимодействия нуждаются в систематизации на уровне знаний, достигнутых наукой к концу XX столетия.

[3] См. [Меликишвили 1981: 70–78].

мясь при этом всецело приписать его сотрудничеству с коллегами различного профиля). Отчетливый лапидарный стиль научного изложения, в котором выдержан весь текст, нисколько не сказывается на адекватности передачи идейного содержания монографии. Встречающиеся моменты "вмешательства" переводчицы в авторский текст обращены, несомненно, на пользу дела, а ее примечания, ограниченные единичными случаями (ср. с. 45, 71, 289 и 550), всегда оказываются оправданными – в двух случаях они касаются кавказского материала, в двух других уточняют авторский текст. Нельзя не отметить и высокой степени экономности перевода: английское издание в целом компактнее оригинала, что обусловлено не только естественным соотношением объема русского и английского текстов, но и снятием элементов избыточности первого (ср. меньшее число абзацных выделений, краткость используемой системы аббревиатур и т.п.). Отметим также, что текст, изобилующий языковым материалом и праформами, тщательно выверен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Климов Г.А. 1994 – Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.

Меликишвили И.Г. 1981 – К объяснению двух изолированных звукосоответствий в картвельских языках // Вопросы современного общего языкознания. VI. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Сухачев Н.Л. 1994 – Перспектива истории в индоевропеистике. СПб., 1994.

Эдельман Д.И. 1992 – Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // ВЯ. 1992. № 3.

Bomhard A.R., Kerns J.C. 1994 – The nostratic macrofamily. A study in distant linguistic relationship. Berlin; New York, 1994.

Furnée E.J. 1979 – Vorgriechisch-Kartvelisches. Studien zum ostmediterranen Substrat nebst einem Versuch zu einer neuen pelasgischen Theorie. Leuven; Louvain, 1979.

Gimbutas M. 1973 – The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500–2500 BC. // The journal of Indo-European studies. 1973. V. I. № 2.

Г.А. Климов, *Д.И. Эдельман*

***A.L. Sihler.* New comparative grammar of Greek and Latin.** New York; Oxford: Oxford University Press. 1995. 686 p.

Э. Зилер – профессор университета Мэдисон в штате Висконсин. Он редко выступает с докладами на конференциях, но регулярно публикует свои работы. Рецензируемая – последняя по времени – публикация была задумана в связи с переизданием книги Ч.Д. Бака, посвященной лингвистическому сравнению латыни и древнегреческого. Здесь сразу же нужно заметить, что книга планировалась как учебное пособие, а не как исследование с ориентирующей читателя, или тем более с исчерпывающей библиографией и с изложением хотя бы в суммарном виде различных точек зрения по тому или иному вопросу. Подход Э. Зилера к составлению руководства связан как с традициями, идущими от книги Бака, так и с некоторыми особенностями классического образования в США. В отличие от европейских программ, в программах классического образования США (предыстория классических языков, как правило, вовсе не находит места, а заменяется сравнительным образом и историческим рассмотрением известных студентам языков.

Необходимо заметить, что по сравнению с другими языками, например, романскими, классическим языкам явно не везет. Как кажется, только теоретичекая грамматика классических языков нигде в мире не читается в качестве университетского курса. Все студенты, профессионально изучающие какой бы то ни было язык, считают долгом знакомство с теоретической грамматикой изучаемого языка. Для филологов-классиков как у нас, так и за рубежом знакомство с теоретической грамматикой не считается даже желательным.

Общий подход к преподаванию истории языка может строиться двояко. Согласно программам, принятым в Европе, студенты изучают историю греческого и латинского языков как две отдельные дисциплины. Естественно, что при изложении этих курсов преподавателю с самого начала приходится обращаться к сравнительно-историческому методу и характеризовать изменения в языке с точки зрения их отличий от реконструированного праиндоевропейского. Те преимущества, которые дает такое преподавание (возможность подробнее осветить языковые контакты и заимствования разных эпох), на практике используются далеко не полностью. По программам, принятым в американских университетах, предпочтение отдается другому методу, при котором на основании двух языков читается сравнительная грамматика, а затем из сопо-

ставления выводятся изменения, происходящие при переходе от праиндоевропейского к греческому и латыни. При таком подходе присутствует атомарность в рассмотрении фактов языка и почти не находят места вопросы развития языков: основным остается выяснение того, что происходит с фонетической единицей, или с отдельным морфологическим показателем. Этот метод ориентирует студентов в сторону более конкретных и наглядных знаний справочного характера, однако теоретические вопросы, касающиеся изменений языка как целого, оказываются вне поля зрения. История языка (в нашем случае – двух классических языков) оказывается сведенной к диахронному освещению разрозненных явлений, вне взаимосвязей и взаимозависимостей, и тем более вне взаимообусловленностей, т.е. вне причинно-следственных отношений, которые в диахронической лингвистике всегда устанавливаются с трудом [Hock 1986]. Оба подхода в изложении материала обладают рядом преимуществ и недостатков, однако – и это важно подчеркнуть – они не являются взаимоисключающими. Учебник, построенный на сравнении языков, достаточно легко может быть дополнен исторической канвой, позволяющей соотнести явления в рамках хронологии, чаще, впрочем, относительной, нежели абсолютной.

За этими двумя подходами к материалу стоит уже немалая история, в том числе и сравнение классических языков между собой представлено обширным списком монографий, первенствующее место среди которых, вероятно, занимает книга Мейе и Вандриеса [Meillet, Vendryès 1948].

Первое и самое главное впечатление от книги Э. Зилера – впечатление дельности и ясности мысли. Четкие и взвешенные формулировки, подробное изложение материала и реконструируемых изменений в латинском и греческом языках.

Изложение начинается с внешней истории греческого и латинского языков. Затем следует описание истории алфавитов – как греческих, так и италийских – с упоминанием о дискуссии, касающейся этрусского влияния на формирование латинского алфавита. Особый раздел посвящен слоговым письменностям – кипрской и микенской. Здесь можно было бы ожидать спорадических отсылок к линейному письму А и кипро-минойскому, а также упоминаний о микенском курсиве, отличном от знаков на табличках и представленном только надписями на вазах. Семь орфографических правил, выведенные М. Вентрисом, сведены к двум. Собственно здесь Э. Зилер сводит всю проблематику к практическому вопросу о цитации греческих диалектных форм. Той же цели посвящены и разделы, касающиеся правил чтения санскритских, авестийских, сабелльских, ст.-славянских, др.-ирландских и других форм.

Раздел фонологии (с. 35–242) начинается с таблицы звуковых соответствий и продолжается подробным рассмотрением развития отдельных звуков по позициям. Следует отметить, что учтены не все греческие диалектные варианты, в том числе – и существенные для сопоставления с латынью. Вообще по использованию диалектного материала фонетическая часть уступает "Исторической фонетике" М. Лежена [Lejeune 1972]. Однако здесь положение автора оказывается наиболее трудным: любой историк языка "разрывается" между языковой вариативностью как способом существования языка и тем очевидным обстоятельством, что учесть весь диалектный греческий материал при сопоставлении с италийскими материалами в рамках одного пособия физически невозможно. Это обстоятельство справедливо, даже если речь идет о таких особенностях греческих диалектов, при которых фонетическая вариативность достаточно широка, чтобы совпасть с латынью (в § 41.2, говоря о лат. предлоге *in*, Зилер не упоминает ни кипрского *lν*, ни памфилийского *l*). Славянский материал, почти повсеместно опущенный в книге, мог бы значительно уточнить и расширить выводы автора, особенно, например, на с. 40, имея в виду латинско-славянские схождения [Трубачев 1959; Meier-Brügger 1992].

За вводной частью следует обзор фонетических изменений, в котором подробно описаны изменения гласных (с. 35–135) и согласных (с. 135–233). Зилер последовательно использует для объяснения форм ларингальную гипотезу. Специально и очень подробно разбирается аблаут. Из наиболее интересных интерпретаций отметим с. 43 Закон Каугилла (Cowgill's law)[1], согласно которому * *o* любого происхождения в греческом в позиции между лабиальным и сонантом ($C^woR > C^wuR$; $RoC^w > RuC^w$) переходит в -υ- * nok^wt- > греч. *νύξ*, * *bholyom* 'лист' > греч. *φύλλον*, лат. *folium*; * mol-tH_2 > греч. μύλη, лат. *molîna*; * H_3nog^wh > * *onokh*-? >

[1] Ср., например, книгу М. Мейера-Брюггера [Meier-Brügger 1992], который вообще не упоминает об этом сравнительно недавно сформулированном фонетическом законе.

греч. ὄυυξ, ὄνυχ- и т.д. Обсуждая относительную хронологию закона Каугилла, которая строится на исключениях, Зилер постулирует изменение κολοφών "вершина" < * κολαφών < * *koln-* "холм". Между тем, нет необходимости постулировать ассимиляцию κολοφών < * κολαφών, когда в микенском в срединной позиции засвидетельствован переход *n* > *o*, и тем самым действие закона Каугилла должно датироваться предмикенским временем (но, вероятно, не ранее выделения будущих носителей крито-микенского диалекта из общегреческого).

Вообще в разделе фонетики материалы изложены подробнее, чем в книге Рикса [Rix 1962] и сконцентрированнее, чем у П. Шрейвера [Schrijver 1991]. Учтены многие специальные работы, прежде не включавшиеся в учебники (ср., например, статью О. Семереньи о греч. πολλύς на с. 43). Подробнее, чем у М. Лежена [Lejeune 1972], разобраны примеры на ассимиляцию гласных в греческом языке, ср. атт. μέγεθος при ион. μέγαθος из * *meg'H*$_2$-, эол. ἐδοντ- "зуб" при обычном ὀδοντ- допускает интерпретацию ὀδοντ- из ἐδοντ- или же исконное ὀδοντ-, которое дает в золийском ἐδοντ- под влиянием глагольного корня ἔδω. Основа * temH$_2$- "резать, отрезать" должна давать в греческом τεμα-, из которого происходят и τέμαχος "ломтик", и к которому восходит также τέμενος "земельный надел". Микенское *te-me-no* показывает, что подобные ассимиляционные процессы должны датироваться различным временем после вокализации ларингальных и до середины II тыс. до н.э.

Мне представляется, что сравнительная грамматика должна включать по возможности полно и вопросы относительной хронологии, поскольку ряд изменений свойствен и латыни, и греческому, но не обязательно тождествен по условиям или по последовательности их протекания. Тем самым, как того и требует сопоставление, можно было бы получить и типологию диахронических изменений, а также и сравнительно-историческую картину, которую легко было бы собрать в отдельных главах и снабдить ключевые для относительной хронологии формы отсылками на предыдущий текст книги. В книге Зилера относительная хронология присутствует, но ограничена атомарными фактами, ср. § 51, где подробно разбирается относительная хронология перехода * *â* > *ϰ* > *ê* причем выделяются следующие этапы.

1. Прагреч. * *â* – ион, атт. *ϰ*.
2. Падение интервокального *w*.
3. Сокращение гласных в различном окружении.
4. Компенсаторное удлиннение * *a* > *â* перед группой * *ns* (ок. 800 г. до н.э.), появление фонематического *â*.
5. Восстановление *ϰ* > *â* в позиции после *i*, *e*, *r*.
6. Совпадение *ϰ* с *ê* (конец 5 в. до н.э.) [?? что за дата! – *Н.К.*].
7. Падение *w* после согласного (κόρϜη > > κόρη).

При всей осторожности, какой требует метод относительной хронологии[2], только с его помощью возможно получить целостное представление об эволюционных процессах в языке. При отказе от этого метода исследователь неизбежно замыкается в разрозненных и никак не связанных между собой и по преимуществу атомарных данных.

Некоторые параграфы книги представляют особый интерес, поскольку Э. Зилер формулирует общие закономерности и методологические предпосылки анализа, а также характеризует накладываемые методом ограничения в выводах и степень достоверности результатов (§ 209 и др.). Ограничусь одним примером. Зилер отмечает (с. 152), что расположение языков сатэм и кентум однозначно должно интерпретироваться как противопоставление периферийного ареала архаизмов центральному по географическому положению ареалу инноваций. Разбирая отражение гуттуральных в и.-е. языках Э. Зилер делает важный вывод, относительно безусловной правильности реконструкции трех серий гуттуральных (с. 154) k^w, *k*, *k'*, тут же отмечая, что она представляет собой результат приложения метода (an artifact of the method), а не реальную картину, поскольку во всех языках различия между дорсальными смычными отсутствуют, а приводимые обычно приме-

[2] См. подробнее [Hock 1968: 42–44], где показано на примере санскрита, что основным изъяном метода является как правило избыточная прямолинейность выводов, так что любое уточнение механизма изменений влечет за собой и определенную смену представлений об относительной хронологии явлений. Хокк показал это на превосходном примере, основанном на работах [Sag 1974; 1976; Schindler 1976], из которых видно, как меняет относительную хронологию закона Грассманна учет закона Бартоломэ. Нужно тем не менее со всей определенностью сказать, что у нас просто нет другой методики, позволяющей охватить языковые изменения в целом и вскрыть присущую им логику.

ры из армянского и анатолийских языков ненадежны.

Подробный анализ поведения групп согласных также снабжен параллелями (без различения генетических и типологических совпадений) из истории других и.-е. языков. Неизбежная неравномерность в привлечении сравнительного материала иногда способна ввести здесь в заблуждение. Так, недостаточное внимание к фактам славянских языков заставляет читателя уверовать в редкость греческого изменения *-tt-* > *-st-*, которое между тем представлено не только в греческом и иранских, но и в славянских языках. Тем самым изменение *tt* > *ss*, засвидетельствованное в латинском, кельтском и германских, оказывается столь же обычным, как и греческое (ср. с. 201).

Объясняя появление *-n* ephelcesticon (с. 233), Зилер сопоставляет его с локативной флексией санскритских местоимений, а завершает примечанием, из которого следует, что в греческом оно могло быть инновацией, как свидетельствует кипрский и памфилийский диалекты, где это явление не засвидетельствовано. Памфилийский здесь явно не при чем, поскольку конечное *-n* в этом диалекте отпадало повсеместно по чисто фонетическим причинам.

Правила акцентуации Э. Зилер формулирует без предварительных замечаний об особенностях фонетического слова и вне связи с интерпункцией в греческих диалектных надписях. В связи с этим греческий язык сужается до понятия аттического диалекта в понимании александрийских ученых. Общий вывод здесь таков: акцентуационная система латыни ничего общего не имеет с индоевропейской, а греческая сохраняет очень немногое. Закон ограничения места акцентуации в греческом изложен очень суммарно, закон Уилера без указания на сомнения в его универсальности проиллюстрирован только прилагательными на *-lo-*, где он действительно "работает" без особых исключений; датировки этого закона, как и датировки закона Вандриеса, мы не найдем (с. 237), хотя о последнем и говорится, что он приводит от общегреческого к позднеаттическому. Мне больше нравится формулировка Вандриеса, который отмечал, что его закон следует во времени за законом Уилера и происходил в аттическом диалекте между VI и IV вв. до н.э. Зато подробнее, чем в других пособиях, Зилер разбирает, во многом следуя П. Кипарскому, вопрос о перемещении ударения к началу слова. Здесь (с. 238–239) ожидалось бы упоминание о начальном комплексе ударных частиц перед безударной глагольной формой в начальной позиции. Такая просодическая особенность засвидетельствована не только для ведического санскрита, но и для хеттского, и для микенского, и для других и.-е. языков (см. [Иванов 1979]). Зато на с. 240 при разборе латинских данных Э. Зилер фиксирует внимание на невозможности свести воедино проповедуемый поздними латинскими грамматиками перенос ударения на слог, предшествующий постпозитивной частице, и обращает внимание на данные латинского языка, говорящие совсем другое: форма *viden* < *vides-ne* отчетливо сохраняет старое место ударения.

Среди примеров на изменение группы π + δ (с. 199) приведена по ошибке форма κρύπτω "скрывать" – κρύβδην, между тем как наречие κρύφα "скрытно", а также прилагательное κρύφιος "тайный" отчетливо показывают, что это пример на изменение группы ϕ + δ.

Морфология открывается описанием имени, причем развитие в сторону синкретизма падежных показателей и синкретизма падежных значений принимается как аксиома. Э. Зилер исходит из восьмипадежной и.-е. системы и только в комментариях к таблице окончаний отмечает неравномерность в представленности флексии по языкам (§ 257, 8–10). При этом, как это обычно и бывает, Зилер лишь упоминает (§ 380 "хеттский ни на что не похож") такие ряды соответствий, как флексия дативалокатива, представленная в лат. *îîs* < *eieis*, арх. лат. *îbus*, хет. *êdas*. Между тем варианты – даже не собственно флексии, а части флексии – могли бы указывать на особую систему местных падежей, отличную от таких падежей, как номинатив, аккузатив и генетив (подробнее см. [Казанский 1988]).

На с. 258 Зилер постулирует для тематических основ окончание аблатива * *-ôt*. Напомним, что это вполне неординарное решение, впервые предложенное Д.Н. Кудрявским [Кудрявский 1896], долгое время наталкивалась на неоправданное материалом сопротивление исследователей. Рецензенту довелось после долгого перерыва возрождать точку зрения Д.Н. Кудрявского, объединявшего наречия на * *-tos* с аблативной флексией на *-t*. Приятно, что эта точка зрения теперь вошла в учебник.

Теперь имело бы смысл среди исконных падежных значений выделять также и директив (аллатив), о котором Зилер упоминает лишь кратко на с. 258. Формальное совпадение латинских *o*-основ дательного

	PIE	Mycenaean	Greek	Latin	Sanskrit
Sg. Nom	*pôts* (** *pôs*)	*Dyews* (*ti-ri*) *po*	πούς	*pês*	*pâ't*
Acc.	*pódm*		πόδα	*pedem*	*pâ'danô*
Dat.	*pdéy*	*Di-we*	ποδί, ΔιFτ	*pedî*	*padé*
Gen.	*pdós*	*ko-ru-to, Di-wo*	ποδός	*rêgus*	*padás*
	pdés			*pedis*	*padás*
Loc.	*péd, pedí*	*pi-we-ri-di*	ποδί	*pede*(?)	*padí*
Instr.	*pdéH*$_1$	*po-de, po-pi*		*pede*(?)	*padâ'*
		po-ni-ki-pi			
Pl. Nom.	*pódes*	*to-ra-ke*	πόδες	*pedês*	*pâ'das*
Acc.	*pódms*		πόδας	*pedês*	*padás*
Dat.	?	*po-ni-ki-pi*		*pedibu*	*padbh*
Gen.	*pdóm*		ποδῶν	*pedum*	*padâm*
Loc.	*ptsú*	*pi-we-ri-si*	ποσί		*pastú*

направительного (только в поэзии и только с классического времени) и хеттского директива на *-â* позволяет по крайней мере поставить вопрос об особой его форме в праиндоевропейском. Дальнейший переход функций директива к латинскому аккузативу (*Romam, domum,* etc.) говорит о функциональной необходимости наличия падежа со значением директива в системе, где имелся и локатив, и аблатив.

Зилер подробно рассматривает развитие падежных показателей по типу склонения, а также по падежным показателям, демонстрируя те инновации и архаизмы, которые содержит флексия, а также и словообразование (ср. на с. 309–310 о греч. ἕως, лат. *aurora*, где Зилер постулирует по типу лат. *flôs*: *Flôra* оппозицию * *awsôs*: * *ausôsa* со значением "явление": "покровительница явления"; это тип основ, продуктивный в латыни).

Необходимо отметить и несколько неточностей, которые неизбежны в книге такого объема: С. 305: в парадигме появляется неведомое и несуществующее *we-te-e* с удивительным примечанием: «*wetehe* 'year' (ἔτος, Fετος; Мус. *we-to* /wetos/». Такой формы в микенском нет, да и сам Зилер не настаивает на том, что она микенская. Откуда же она появилась? § 274 посвящен склонению корневых слов. Здесь сразу же нужно заметить, что остается без объяснения ряд вещей: первое, сам Зилер указывает на форму *pi-we-ri-di* как ед.ч. к *pi-we-ri-si*. Почему же она не указана в таблице? Дат. пад. *po-de* с переводом "to the foot" (p. 285) указан по ошибке: есть только контекст PY Ta 641.1. *ti-ri-po*, *e-me*, *po-de*, *o-wo-we* * 201 VAS 1 "треножник с одной ножкой (*e-me po-de*) и с одной ручкой" – по контекстуальному значению *po-de* скорее передает, как и форма *po-ni-ke*, инструменталис-социатив, а не собственно значение датива. Не упомянута в таблице и форма *po-pi* PY Ta 642, которая может быть понята и как мн. и как ед.ч. инструменталиса [Шарыпкин 1989].

По моим представлениям, таблица должна была бы иметь вид, приведенный выше.

Разбирая спряжение глагола, Зилер (§ 401–458) подробно формулирует категории "эвентивных глаголов" с различиями на дуративные и точечные, а также по залогу на активные и медиопассивные, и по наклонению на конъюнктив, оптатив, индикатив и императив. Зилер исходит из предположения, будто наблюдаемое в ведическом синтаксисе предшествует тому состоянию, которое мы обнаруживаем у Гомера (с. 451). Из этого, в частности, следует интересное предположение о древности praesens historicum, который не встречается ни у Гомера, ни в поэзии архаического периода. В качестве доказательства Зилер приводит текст ἔλαβον (aor. ind. act) δὲ κα τὸ φρουρίον καὶ τοὺς φύλακας ἐκβάλλουσιν (praes. ind. act.). Действительно здесь презенс употреблен со значением прошедшего как маркер синхронности действия. Эта функция презенса неизвестна в современных европейских языках, и очень похоже, что она на самом деле является промежуточной на пути становления preasens historicum, но с другой стороны, остается без объяснения, почему даже такая синхронизаторская функция презенса проявляется лишь в прозе и только в классическом греческом, но не встречается в поэзии. Действительно строгое соблюдение различий между презенсом и историческими временами в эпосе можно было бы попытаться объяснить законами жанра. Однако и за пределами эпоса такая

функция не представлена в греческой поэзии, при том, что ямбическая поэзия бывает близка к разговорному стилю. При всем том создается впечатление, что даже синхронизаторская функция медия появляется не прежде, но одновременно с praesens historicum только в прозе и не ранее V в. до н.э. Напомним, что в отличие от praesens historicum употребление praesens pro futuro засвидетельствовано уже в микенское время. Зилер колеблется, принять ли praesens historicum в латыни за след влияния греческой стилистики, или же видеть в нем общий архаизм, восходящий к и.-е. эпохе.

Поучительны парадигмы и реконструированные формы, намного более полные и детальные, чем в обычных пособиях. Подробно рассмотрены архаичные формы, напр., лат. *inquam* говорю, повторяю", восходящее к древней форме сослагательного наклонения * *en-sk*^{w}*-âm* "я мог бы сказать" от корня * *sek*^{w}-. Зилер (с. 547) посвящает целую страницу и сопоставлению с греч. ἔννεπε, ἐνίσπε, ἔνισπον, и разбору как морфологических особенностей (нулевая ступень огласовки корня, вообще свойственна атематическим образованиям презенса), так и аналогических процессов, действие которых включает форму мн.ч. в ряд тематических глагольных форм с нулевой огласовкой корня, типа *sistit, iungit,* что и способствовало закреплению форм inquit и пр.

В краткой рецензии не представляется возможным даже подробно перечислить оглавление интересной и содержательной книги Э. Зилера. Общее ощущение дельности, ясности и логичности изложения создается, в частности, за счет последовательного выделения спорных или не имеющих решения вопросов (напр. § 207). Неточности, подобные отмеченным в рецензии, а также некоторые спорные толкования фактов всегда неизбежны в пособии такого объема. Несмотря на них, книга Э. Зилера войдет в число настольных книг индоевропеистов и филологов-классиков. Взвешенный тон неторопливого и вдумчивого изложения сложнейших вопросов в простой и ясной форме и обилие примеров делают этот учебник приятным для изучения, а индексы слов позволяют использовать его и как справочное пособие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов Вяч.Вс. 1979 – Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // Balkanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Казанский Н.Н. 1978 – К реконструкции индоевропейского аблатива // Проблемы реконструкции. Тезисы докладов. М., 1978.

Казанский Н.Н. 1988 – К реконструкции категории падежа в праиндоевропейском // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1988.

Кудрявский Д.Н. 1896 – Суффикс ablativi singularis в индоевропейских языках // ЖМНП. Ч. CCCIV, 1896.

Откупщиков Ю.В. 1968 – Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1968.

Трубачев О.Н. 1959 – Славянская ремесленная терминология. М., 1959.

Шарыпкин С.Я. 1989 – ВЯ, 1989, № 5 – Рец.: Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка (Критомикенский период). Л., 1986.

Эрну А. 1950 – Историческая морфология латинского языка. М., 1950, 261.

Hock H.H. 1986 – Principles of historical linquistics. Berlin; New York, 1986.

Meier-Brügger M. 1992 – Griechische Sprachwissenschaft. Bd. I–II. Berlin; New York, 1992.

Meillet A., Vendryés J. 1948 – Traité de grammaire comparée des langues classiques. 2-me éd. Paris, 1948.

Lejeune M. 1972 – Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris, 1972.

Rix H. 1962 – Geschichte der griechischen Sprache. Leipzig, 1962.

Sag I.A. 1974 – The Grassmann's law ordering pseudoparadox // LIn. 5. 1974.

Sag I.A. 1976 – Pseudosolutions to the pseudoparadox: Sanskrit diaspirates revisited // LIn. 7. 1976.

Schindler J. 1976 – Diachronic and synchronic remarks on Bartholomae's and Grassmann's laws // LIn. 7. 1976.

Schrijver P. 1991 – The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Latin. Amsterdam, 1991.

Н.Н. Казанский

Palaeoslavica. International journal for the study of Slavic Medieval literature, history, language and ethnology. Cambridge (Massachusetts). V. 1 (I/1993). 262 p.; V. 2 (II/1994). 357 p.; V. 3 (III/1995)*.

Список славистических журналов в 1993 г. обогатился новым международным разноязычным ежегодником Palaeoslavica, который специализируется на изучении языков, литератур и духовной жизни славян с древнейших времен до начала XVIII века. Это издание представляет собой журнал широкого профиля, посвященный славянским древностям по проблемам, общим для славистов-медиевистов и фольклористов всех направлений, но с явной ориентацией на традиционную методологию, которая далеко еще не исчерпала своих возможностей и, по справедливому мнению издателей, может обеспечить высокое качество разысканий в области славянской старины.

В редакторском предисловии А.Б. Страхов выразил надежду, "что новый журнал – хоть в какой-то степени – возобновит и продолжит традиции таких старых славистических изданий, как *Чтения в Обществе истории и древностей российских, Живая старина, Глас* и *Споменик* Сербской королевской академии наук и проч. У старой науки с ее вниманием к фактам и неторопливой осторожностью выводов есть чему поучиться" (V. I: VII).

Журнал состоит из четырех разделов: Статьи, Публикации, Speculum и Смесь, причем издатели придают особую важность второму и четвертому разделам, которые, по их мнению, должны в значительной мере определять лицо ежегодника введением в научный оборот новых фактов и уточнением старых.

В рецензируемых томах журнала в разделе "Статьи" помещено 12 исследований по общим и конкретным проблемам изучения славянских древностей в языке и фольклоре.

Открывающая первый том статья О.Н. Трубачева "Этногенез и культура древнейших славян" (V. I: 9–40) посвящена дискуссиям вокруг проблемы дунайской прародины славян, возникшим в связи с идеями одноименной со статьей книги автора [Трубачев 1991] по их предварительным публикациям в периодике и научных сборниках, а также в устных докладах и лекциях исследователя. С ней перекликается помещенная в отделе "Смесь" небольшая заметка "К отдаленнейшим истокам нашего самосознания. Презентация одной книги" (V. II: 313–324), где автор выступает против предвзятого отношения к трактуемой им проблеме, которое проявляется в отказе рассматривать предлагаемые гипотезы без всякого их обсуждения.

Среди "Статей" значительное место занимают исследования издателя журнала А.Б. Страхова по проблемам славянской этимологии, в которых он то восстанавливает в полных правах когда-то поспешно отвергнутую этимологию, выводящую русское междометие *чур (меня)!* из греческого κύρ(ιος) "господь, господин" ("Восточнославянское *чур*: от детской игры – к взрослой магии" – V. I: 41–86), то раскрывает возникшую на паронимической основе "формулу несбыточности" *на святого Николу* в значении "никогда" (укр. *ніколи*, блр. *ніколі*) в условиях индифферентного отношения к святому Николаю, культ которого на Руси поверхностно описан Б.А. Успенским лишь как якобы пережиток язычества [Успенский 1982], с приведением разных параллелей из языков Европы ("На святого Николу..." – V. II: 49–83). В томе III/1995 в отделе "Смесь" опубликован отклик Ф. Ойнаса (Remarks on St. Nicolas – с. 303–305) на последнюю статью А.Б. Страхова. Здесь привлекаются эстонские параллели трансформации имени святого Николая. Тот же А.Б. Страхов в статье "Румынское название 'пояса' в полесских говорах и фольклоре (V. III: 177–178) убедительно доказывает происхождение от рум. *cingătoára, cingătoáre* (мн. *cingători*) – "пояс" ряда зачастую уже почти десемантизировавшихся полесских слов, известных из колядных и щедровных песен и за их пределами: *дзенкатора, дзінь-котора, дзілинь-котора, чанкотора* и т.п.; при этом А.Б. Страхов оставляет без специального объяснения в некотором отношении составляющие особую группу лексемы: *чинтокора, чиндокора, чинтакора, цындакора, циндокора, ціндокора, чындокора, чиндакур(а)* и т.п. Последние можно было бы вполне удовлетворительно объяснить как преобразование тюркского сложения **čanta + *qur* (ср. турецк. *çanta* "сумка, сумочка, кошелек и т.п.", чагат. *čontaj + qur* "пояс, кушак и т.п."). Такая этимология хорошо согласуется с указанием А.Б. Стра-

* На обложке и титуле ошибочно: 1994. 308 p.; V. 4 (IV/1996). 249 p.

хова на то, что образцами для местного производства служили персидские и т у р е ц к и е пояса (V. III: 184). Промежуточное положение между румынскими и тюркскими названиями заняли контаминированные формы *цингакора, цинкагора* (V. III: 177, 188).

В статье А.Б. Страхова «'Кувада' по старообрядческой рукописи начала XIX века» (V. I: 101–110) неясное место сейчас уже утраченной рукописи с сочинением "О волшебстве" поясняется с помощью этнографических материалов В.Н. Добровольского.

Проблемам славянского фольклора как исторического источника посвящены две статьи известного фольклориста Ф. Ойнаса [Kalev (Kolyvan) in Russia – V. I: 87–99; Folklore and History – V. II: 31–47], в которых смело трактуется распространение имени героя эстонского эпоса *Kalev* в русских топонимах типа *Колывань*. Впрочем, не все суждения автора могут быть приняты. Например, непонятную фразу *koiter unda* из эстонской легенды, произнесенную караульщиком разбойников при нападении на них местных жителей, Ф. Ойнас изменяет в *quaytar undan* и считает "свое сочинение" татарским и совершенно неправильно переводит "уходи, убирайся (*go away, get out of here*)" (V. II: 41). Нельзя также признать корректным и вывод о том, что разбойниками были татары (какие?). В изначальном виде фраза непереводима, а во вновь сочиненном ее следовало бы перевести "верни оттуда", что не решает проблемы.

Две содержательных статьи П. Сигалова по истории славянских наречий (Adverbs with -ь in East Slavic languages – V. II: 5–29; История славянских наречий на *-о/-ě* – V. III: 5–40) впервые подробно трактуют весь славянский материал совместно с балтийским, на основании чего делается справедливый вывод о древности большей части наречий указанных типов, которые получили активность в более поздние времена. Наречия на *-ě* вытесняются наречиями на *-о*.

Л. Герец (Ruthenian-moscovite cultural contacts in the time of Troubles: The fate of one religious-polemical text – V. II: 85–110) рассматривает западнорусские (Ruthenian) истоки произведений И.А. Хворостинина и сопоставляет их.

В обширной статье О.Б. Страховой "Литературная деятельность Евфимия Чудовского (Библиографические материалы)" (V. III: 41–161) на основе многочисленных рукописных сборников учтено 16 100 листов, которых коснулась рука этого ученого монаха. В этом впечатляющем своим объемом рукописном наследии книжника 42% составляют переводы и столько же правленные его рукой тексты, 14% приходится на оригинальные сочинения и 2% – на переписанные им тексты.

Результаты работы О.Б. Страховой над рукописным наследием Евфимия Чудовского отражены также в двух обстоятельных и комментированных публикациях: 1) Из истории древнерусских описей книг: Дополнения к "Описи библиотеки иеромонаха Евфимия" (V. I: 149–160); 2) Пятая и шестая редакции Жития Алексия митрополита, Московского чудотворца (V. II: 127–195), а также в двух заметках в разделе "Смесь": а) Сколько переводов Св. Писания было сделано в последней четверти XVII века в Московской Руси? (V. I: 253–266); б) Из истории церковнославянской окказиональной лексики в конце XVII века (V. II: 349–357). Во второй заметке особенно важен этюд о слове *новшество*, вносящий уточнения в оставшиеся автору неизвестными соображения В.В. Виноградова, который безосновательно связывал это слово со старообрядчеством [Виноградоов 1994: 381–382]. В свете материалов О.Б. Страховой представляется весьма вероятным, что создателем слова *новшество* был Евфимий.

Интересна статья К. Мюллера "Sanctimonialia nominalia. Фрагмент русской исторической ономастики" (V. III: 163–175), посвященная именам монахинь, которые до сих пор не исследовались специалистами по русской ономастике, однако его предположение о принадлежности к монашеским имени *Светлана* осталось недоказанным.

В разделе "Публикации", кроме уже упомянутых сочинений Евфимия Чудовского, изданных со вступительными статьями и комментариями О.Б. Страховой, также напечатаны "Слово на рождество Господа нашего Иисуса Христа" Петра Постникова со вступительной статьей Н.Н. Запольской и О.Б. Страховой "Забытое имя: Петр Постников (Из истории русской культуры конца XVII – начала XVIII веков)" (V. I: 111–148), а также "Путивльская писцовая книга 1628–1629 гг." с комментариями Л.[Ю.] Астахиной (V). II: 111–126.

Значительное место в журнале занимают этнографические и фольклорные записи нашего времени, сделанные преимущественно в Полесье, а также в Архангельской и Рязанской областях. В некоторых случаях они публикуются с комментариями.

В разделе Speculum объединяющим для всех томов являются весьма обстоятельные "Филологические наблюдения над берестяными грамотами" А.Б. Страхова (V. I: 183–223; V. II: 205–233; V. III: 231–279), представленные девятью разными этюдами, которые трактуют грамоты целиком или фрагментарно (№№ 19, 266, 439, 589; свинц.; 21, 39, 131, 549). При этом автор пытается анализировать даже безнадежные грамоты вроде № 39, от анализа которых уклонился признанный многими лидер в лигвистическом изучении берестяных грамот А.А. Зализняк [Зализняк 1995], вынужденный все же принять некоторые соображения А.Б. Страхова по чтению и интерпретации этих памятников (№ 19), некоторые вяло и бездоказательно оспорить (№№ 19, 589, свинц.), а некоторые обойти молчанием (№№ 266, 439; причем надо иметь в виду, что разыскания о грамотах №№ 21, 39, 131, 549 опубликованы в год выхода книги А.А. Зализняка 1995). "Филологические наблюдения" А.Б. Страхова показывают, что изучение берестяных грамот далеко не завершено и сулит еще много неожиданного, если подходить к ним без предвзятости.

В качестве примера можно было бы привести анализ загадочной фразы *изо оятѣ закрою с проста@* в грамоте № 131, где А.А. Зализняк, как бы ориентируясь на современное *закрывать (наряды)*, видит что-то вроде соцобязательств: "[Сбор дани] из Ояти закончу скоро", и не знает, что делать с цифрой @= 100 000. Слово *закрою*, по А.Б. Страхову, надо понимать не как глагол, а как существительное *закрой* "нерестящаяся семга", а всю загадочную фразу следует толковать как оценку на глазок количества семги (100 000), которую можно выловить в сезон (V. III: 236–238).

Перу А.Б. Страхова принадлежат также острые "Критические заметки по поводу некоторых черт 'кривичского' диалектного наследия в интерпретации С.Л. Николаева" (V. II: 249–311). Здесь вскрываются источниковедческие беззаботность и небрежность, а также методологическая неразборчивость, свойственные статье [Николаев 1988].

В разделе Speculum (V. II: 235–247) напечатана хроникальная заметка О.Н. Трубачева "О работе XI Международного съезда славистов (историческое языкознание)", вызвавшая неудовольствие со стороны Ф. Томсона освещением его выступлений, по поводу чего последний написал открытое письмо О.Н. Трубачеву "The intellectual culture of Early Russia and the historical task", помещенное в разделе "Смесь" следующего тома журнала (V. III: 297–302).

В этом же разделе Speculum напечатана интересная статья О.Н. Трубачева "Мысли по поводу книги: *Leszek Moszyński*. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Böhlau Verlag, Köln–Weimar–Wien, 1992", только по названию, поводу и по форме представляющаяся рецензией. Фактически в ней излагаются взгляды О.Н. Трубачева на динамику дохристианской славянской религии независимо от взглядов М. Мошинского.

По сути краткими рецензиями являются напечатанные в разделе "Смесь" (V. II: 329–333) компактные отзывы М.Ф. Мурьянова и В. Клейна о книгах: [Верещагин 1993] и [Лебедева 1985; 1988]. В этом же разделе помещаются обычно краткие реплики по поводу других публикаций журнала (которые уже были упомянуты нами) или заметки "по поводу" – в связи с уточнением каких-либо конкретных фактов. Большая часть заметок этого раздела принадлежит перу А.Б. Страхова. Оно то касается вопроса о том, как неучет библейской цитаты приводит к неправильному пониманию летописного текста ("Был ли пьяницей князь Святополк?" – V. I: 223–231), или неучет диалектной фонетики при интерпретации фольклорного текста превращает соматический термин *церево* "чрево" в топоним *Царевгород* ("Царьград") ("'Во чреве' или 'в Царьграде'?" – V. I: 233–235). Начатое в заметке "'Гусли-мысли'" (V. I: 237–240) рассмотрение связи между фольклорным сложением *гусли-мысли*, толкованием одного из образов Псалтыри (CL, 3–5) в азбуковниках *гусли–мысли* и сближением этих слов в "Слове о полку Игореве", было продолжено в заметке "Псковская тайнопись и "Слово о полку Игореве" (V. II: 335–336), где высказывается едва ли доказуемая мысль, что это сближение мыслей с гуслями в "Слове о полку Игореве" обязано знаменитой приписке к Псковскому Апостолу 1307 г., где в тайнописи есть реминисценции образов Псалтыри (и – вторично! – азбуковников). Заметка "Что такое шифтелија?" (V. I: 261–262) раскрывает значение неизвестного Н.И. Толстому сербского слова путем обращения к более известному его варианту *шефтелија* "шептала, сушеные персики". Серию интересных мелких заметок к надписям на предметах "Палеографические догадки" (V. II: 325–328; V. III: 291–296) точнее было бы назвать догадками эпиграфическими. В остающемся до сих пор загадочным выражении *въ самънавской*

великъ день Псковской I летописи под 1496 г. А.Б. Страхов убедительно выделяет прилагательное *навской* (= *навский*) от древнерусского *навь* "мертвец" и все выражение толкует как "в сам главный день поминовения усопших (на Радуницу)" (V. II: 337–341). Объектом его заметки "Spiritual Folk Culture and Christianity" (V. II: 343–348) является предостережение специалистам по славянским древностям против легкомысленного возведения к языческим пережиткам таких явлений народной жизни, которые фактически восходят к глубоко укоренившимся в народную жизнь христианским преданиям с некоторыми элементами их секуляризации. Заметка "Об одной фикции украинской демонологии" (V. III: 307–308) вскрыла ошибочность упоминаемых в книге О.А. Черепановой [1983: 97] украинских мифических персонажей *широйды*, которые появились вместо слова *сироїди* плохо переданного первоисточника. Искоренение подобных ошибок – дело весьма трудное и требует длительного времени, о чем могу судить по собственному опыту: в 1975 году я выяснил, что фигурирующее в "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера "вятское диалектное" слово *бустурган* "домовой" на самом деле является словом удмуртским и русским говорам неизвестно [Добродомов 1975: 56–57], но, несмотря на это, слово продолжает фигурировать у неосторожных исследователей [Черепанова 1983: 58, 89 (в "Словоуказателе" слово почему-то отсутствует); Ахметьянов 1981: 21].

Интересную сводку сведений о системах тайнописи и аббревиатурах в славянских текстах дает О.Б. Страхова в заметке "Тайнопись или аббревиация" (V. I: 241–251). О планах издания корпуса древнерусских (славянских) надписей Киева с английскими переводом и комментариями в заметке "Ancient Kievan graffiti: linguistic and historical sources" (V. III: 281–290) поведал В.Э. Орел.

Четвертый том (IV/1996) целиком занимает монография покойного М.Ф. Мурьянова "Слово о полку Игореве" в контексте европейского средневековья", которая будет специально рассмотрена ниже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметьянов Р.Г. 1981 – Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

Верещагин Е.М. 1993 – Вновь найденное богослужебное последование обретению мощей Климента Римского – возможное поэтическое произведение Кирилла Философа. М., 1993.

Виноградов В.В. 1994 – История слов. М., 1994.

Добродомов И.Г. 1975 – Удмуртское слово в русском словаре // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск, 1975.

Зализняк А.А. – Древненовгородский диалект. М., 1995.

Лебедева И.Н. 1985 – Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводческой литературы XI–XII вв. Л., 1995.

Лебедева И.Н. 1988 – Словоуказатель к тексту "Повести о Варлааме и Иоасафе", памятника древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1988.

Николаев С.Л. 1988 – Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балтославянские исследования 1986. М., 1988.

Трубачев О.Н. 1991 – Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.

Успенский Б.А. 1982 – Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Черепанова О.А. 1983 – Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

И.Г. Добродомов

***Мурьянов М.Ф.* "Слово о полку Игореве" в контексте европейского средневековья. Вступительная статья и комментарии О.Н. Трубачева. Комментарии и послесловие А.Б. Страхова = Palaeoslavica. International journal for the study of Slavic medieval literature, history, language and ethnology.** Cambridge (Massachusetts). V. IV/1996. 249 p.

Изданная в 1995 г. в Санкт-Петербурге несколько сумбурная, пестрая по уровню обработки материала и переполненная повторами пятитомная «Энциклопедия "Слово о полку Игореве"», призванная, по-видимому, заменить более выдержанный компактный и красочный однотомный краткий энциклопедический словарь М.Г. Булахова «"Слово о полку Игореве" в литературе, искусстве» [Булахов 1989], констатировала застой в изучении этого памятника древнерусской литературы, наступивший после 1950 г., когда в серии "Литературные памятники" под редакцией В.П. Адриановой-Перетц вышло издание "Слова о полку Игореве" с участием Д.С. Лихачева, до сих пор якобы "непревзойденное по своей обстоятельности и науч. значимости" [Энциклопедия... 1995, 3: 172]. Эта оценка едва ли справедлива по отношению к многим работам по изучению и изданию "Слова о полку Игореве": наряду с некоторыми срывами и промахами в этой области были несомненные удачи, к числу которых хочется отнести и вышедшую недавно в США книгу нашего соотечественника М.Ф. Мурьянова «"Слово о полку Игореве" в контексте европейского средневековья».

Составившая целый годовой том IV/1996 международного славистического журнала "Palaeoslavica" монография известного русского филолога широкого профиля Михаила Федоровича Мурьянова (1928–1995) посвящена лексике, фразеологии и поэтике "Слова о полку Игореве" и представляет собой разыскания о наиболее "темных местах" этого окутанного тайнами памятника древнерусской литературы XII века, который получил лаконичную историко-культурологическую характеристику в редакторском предисловии О.Н. Трубачева "О XII веке и последующих веках" (с. 7–13), дающем как бы общий культурно-исторический фон для понимания посмертного труда М.Ф. Мурьянова.

В "Предисловии автора" (с. 15–17) подчеркивается, что господствующие в обширнейшей современной литературе о "Слове о полку Игореве" самые разнообразные подходы к интерпретации этого таинственного древнерусского художественного произведения почти полностью исчерпали себя. М.Ф. Мурьянов возлагает большие надежды на последовательно проводимую этимологическую методику на фоне широкого контекста европейского средневековья с преимущественным вниманием к исторически изменчивым семантике и – особенно! – к символике слов и предметов в ту весьма отдаленную от нас эпоху, с которой нас связывают исключительно слова, одновременно нас от нее отделяющие возможностью их неисторического использования.

Сама книга М.Ф. Мурьянова состоит из основных девяти более или менее самостоятельных обширных этюдов о трудных для понимания местах все еще не постигнутого памятника. Этюды разбиты на три группы по три этюда в каждой, между которыми помещены два экскурса о словах и символах, к "Слову о полку Игореве" непосредственного отношения не имеющих: "Из истории славянских цветообозначений" (с. 58–75) и "Древнерусские модели времени" (с. 147–168).

В первой тройке этюдов: "Копье Рюриковича", "Ночная мгла" и "Гнѣздо" (с. 19–57) – рассматривается возможное символическое содержание не только вынесенных в название рубрик слов, но и связанных с ними не только контекстно (синтагматически), но и ассоциативно (парадигматически). В замысловатой фразе заглавного героя "Слова о полку Игореве": *хощу бо... копіе приломити конець поля Половецкаго* – не вполне ясными символами являются лексемы *копие, конец* (граница) и *поле*, от выяснения значения которых и зависит понимание содержания всей загадочной фразы.

Среди примеров использования копья в качестве символа фигурирует метание копья на территорию противника или в его сторону в ритуале объявления войны или в начале сражения (с. 23–25), однако ритуальное ломание копья медиевистами до сих пор не было отмечено, и потому М.Ф. Мурьянов сосредоточил внимание на символическом значении границы (*конець поля*), высказав по этому поводу целую серию интересных соображений. Но это едва ли нужно было бы делать, если бы своевременно было обращено внимание на чисто фольклорный рассказ, отразившийся в поздней западнорусской Хронике Литовской и Жмойтской (под 1375 г.) и у польского историка XVI в.

Матвея Стрыйковского (под 1332 или 1333 гг.), о ритуальном ломании копья Ольгердом после апокрифического успешного похода на Москву; по-видимому, копье ломалось с чисто символическими целями как уже ненужный предмет вооружения. Правда, М. Стрыйковскому был известен и другой вариант предания, который отмечен также в западнорусских Евреиновской летописи и Хронике Быховца: согласно этому варианту, Ольгерд свое копье не сломал, а символически приклонил или прислонил его к городу.

Аналогичный ритуал ломания копья после победы над врагами зафиксирован и в Библии (Псалт. LXV, 10), но в славянском переводе с греческого здесь фигурирует *оружие* (как эквивалент греч. ὅπλον в переводе LXX), в связи с чем говорить о библеизме в "Слове" и западнорусских источниках не приходится.

Выявление скрытых от наших современников аллюзий составляет содержание следующей триады этюдов: "Владимира *нельзѣ бѣ пригвоздити*", "О каком времени пели красныя дѣвы?", "Ярослав Галицкий и его *времены*" (с. 76–146). Наиболее загадочным из разбираемых образов являются *готскія красныя дѣвы*, которые *въспѣша* по поводу поражения Игоря и в связи с которыми Н.М. Карамзин, по мнению М.Ф. Мурьянова, «выразил недоверие к тексту издания в интересующем нас месте, как это видно по его пересказу-переводу "Слова о полку Игореве": "Половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен и девицы их 'поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом'"» (с. 96–97). М.Ф. Мурьянова особенно смущало слово *готскія*, «как это значится в первопечатном тексте "Слова о полку Игореве". Но это ли слово стояло в рукописи, разборчиво ли оно было написано, не прочитали ли публикаторы то, что им хотелось прочесть, и почему с этим прочтением не согласился Н.М. Карамзин?» (с. 99). Го́тов, по мнению М.Ф. Мурьянова, Древняя Русь знала плохо, однако «когда готовилась первая публикация "Слова о полку Игореве", русское общество имело некоторое представление и об истинных готах Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов; об этих готах писал, в частности, С.С. Бобров ("Херсонида". 1798–1804). Здесь остатки готов действительно обитали во время Игорева похода, когда в Европе уже никто не считал себя готом. Этот исторически достоверный факт доныне тревожит воображение – и питает пустую надежду, что именно их имел в виду поэт "Слова о полку Игореве"» (с. 100).

В послесловии к книге М.Ф. Мурьянова ее издатель А.Б. Страхов пошел еще дальше и увидел в этих словах покойного автора вынужденную попытку «заговорить об издательских вставках в текст ("Готскія дѣвы")» (с. 234) древней поэмы.

Со всем этим, однако, нельзя согласиться по целому ряду причин. Во-первых, Н.М. Карамзин вполне убедительно, хотя и без особых обоснований в *красных готских девах* чисто поэтическим чутьем уловил *дев половецких* (у Карамзина д е в и ц ы и х), никак не выразив сомнения в тексте. Во-вторых, правильность этого интуитивного отождествления половцев с готами может быть подтверждена указанием австрийского дипломата XVI века Сигизмунда Герберштейна (1486–1566) на существовавшие тогда в русской историографии взгляды о генетической связи готов и половцев: "Русские утверждают, будто половцы – это готы, но я не разделяю этого мнения" [Герберштейн 1988: 165 (упоминание здесь готов в указателе не отражено)].

Сохранявшееся даже в XVI в. представление о тождестве готов и половцев, обитавших на одной и той же территории Северного Причерноморья соответственно в III–IV вв. и XI–XIII вв., было, судя по всему, гораздо более живым в эпоху "Слова о полку Игореве", когда половцы реально проживали на той же территории, где раньше обитали готы.

М.Ф. Мурьянов высказывает возражения против широко распространенного толкования *времени Бусова*, о котором пели "готские" девы, как времени антского царя (rex) *Боза*, и указывает, что автором этого легкомысленного объяснения были не Е.М. Огоновский (1876 – распространением этой ошибочной атрибуции мы обязаны Д.С. Лихачеву) и не Н.Г. Головин (1846), как настаивает «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"», а польской публицист Андрей Кухарский, мнение которого зафиксировал, воздержавшись от оценки, П.И. Шафарик в своих "Славянских древностях" (1837). За именем антского царя *Боз* (*Boz*) у готского историка Иордана (551 г.) скрывается или славянское адъективное имя типа **Božjь*, как думает М.Ф. Мурьянов (с. 98–99), или же титул типа **Vodjь* (= русск. *вождь, вожь*), как думает О.Н. Трубачев (с. 101).

Вполне понятны также соображения М.Ф. Мурьянова, обошедшего многозначительным молчанием известную ему относительно новую и чисто дилетантскую попыт-

ку М.А. Салминой объяснить таинственное *время Бусово* как производное от зафиксированного в памятниках XV–XVIII вв. названия корабля *буса*. Замечу, что в сочувственном отношении к этой этимологии, возводящей *время Бусово* к популярному в XVII в. корабельному термину *буса*, солидаризовались такие антагонисты в изучении "Слова", как А.Л. Никитин и Д.С. Лихачев. И хотя эта неожиданная и экстравагантная новинка уже вызвала решительную критику [Карсанов 1988: 223; Добродомов 1996: 82–83], ей, скорее всего, предстоит стать основой для нового всплеска скептицизма в отношении многострадального памятника: сочетание 'эпоха бус' (*время Бусово*) могло бы возникнуть только тогда, когда бусы уже исчезли, но память о них была еще жива, т.е. в XVIII веке. Впрочем, этих следствий опрометчивые "гипотизеры" не учли, не затронул их и М.Ф. Мурьянов.

На обильном материале семантических параллелей из разных эпох и регионов, связанных с разными этносами и языками, построены этюды заключительной триады – "О древнерусском плаче", "*Кликну, стукну земля*", "Игорь- горностай" (с. 169–205). Благодаря этому получает освещение своеобразие древнерусских символов и образов "Слова", имеющих аналогии как в древности, так и в средневековье у разных народов мира.

Заключительный этюд "Эсхатологическое. Кому и чего *не минути*?" (с. 206–211) посвящен анализу соотношения языческих и христианских взглядов на понятие *божий суд* у разных средневековых народов.

После "Указателя имен" (с. 212–220) находятся послесловие издателя А.Б. Страхова «О М.Ф. Мурьянове и о "Слове о полку Игореве"» (с. 221–240), а также "Список трудов М.Ф. Мурьянова" (с. 241–249), насчитывающий 159 публикаций, отражающих широту филологических и исторических интересов автора (более полный и точный список см. [Библ. 1996]).

М.Ф. Мурьянов по странным причинам не попал в пятитомную «Энциклопедию "Слова о полку Игореве"», хотя неоднократно и притом весьма профессионально касался проблем, связанных с этим интереснейшим памятником, и высказал по их поводу немало оригинальных суждений в своих многочисленных трудах. Характерно, что одновременно с рецензируемой книгой в Москве в издательстве "Наследие" появилась книга о символах и аллегориях у А.С. Пушкина [Мурьянов 1996], где не раз упоминается "Слово о полку Игореве", причем не только в качестве интересных параллелей к Пушкинским символам, как в случае с "кричащими" телегами "Слова" в связи с "Телегой жизни" [Мурьянов 1996: 173], но и как объект отдельного обстоятельного истолкования (ср. рассуждения М.Ф. Мурьянова об аллегорико-символических выражениях "Слова", таких как *растѣкашется мыслию по древу*, об упоминании лебедя в этом памятнике или о характеристике курских крестьян-ополченцев (*къмети*) [Мурьянов 1996: 49–54, 74–82]. Эти интересные образы "Слова о полку Игореве" привлекали внимание А.С. Пушкина, и это дает М.Ф. Мурьянову право комментировать соответствующие места "Слова" в своей пушкиноведческой книге.

Лексика, фразеология и символика "Слова о полку Игореве" освещается разнообразными параллелями из современных этому памятнику XII века литературных, исторических и философских сочинений, относящихся к различным этническим и государственным традициям Западной Европы, а также параллелями библейского Востока, который через Св. Писание отражался и в западноевропейской культуре и литературе.

Обилие фактического материала сочетается с неожиданными аспектами его освещения, где совершенно внезапно и непредсказуемо внимание исследователя сосредотачивается на неких деталях, которые оказываются не такими уж незначительными и второстепенными, как представляется на первый взгляд. Интересное обсуждение поднимаемых в книге вопросов усиливается дополнительными соображениями или уточнениями, которые высказываются редактором и издателем в специальных примечаниях, надежно отделенных от авторских. В этом плане авторская книга М.Ф. Мурьянова приобретает характер диалога трех ученых, заинтересованных в установлении истины, где в диалог с автором вступают О.Н. Трубачев и А.Б. Страхов, высказывающие обычно дополнительные соображения в пользу мнения автора или против него. При общем сочувствии редактора и издателя идеям М.Ф. Мурьянова в позициях всех троих имеются и существенные различия. Жаль только, что в этих интереснейших разговорах последнее слово уже не может принадлежать М.Ф. Мурьянову.

При изучении языка и символики такого деятельно изучаемого в течение почти двух веков памятника, каким является "Слово о полку Игореве", обойтись без полемики невозможно. М.Ф. Мурьянов ведет ее неуто-

мимо и язвительно, особенно с застойными мнениями, которые (при некоторой лабильности!) бездумно тиражируются. Затрагивает М.Ф. Мурьянов и неудачные мнения многих авторитетов, которые он также не без сарказма критикует.

На этом фоне огорчительно воспринимаются те несколько неожиданные случаи, когда М.Ф. Мурьянов вдруг повторяет чужие ошибки, как это произошло в частности с толкованием фразы Плача Ярославны касательно неблагосклонности Солнца по отношению к воинам Игоря, которое *"В полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже"* (с. 39 первого издания). М.Ф. Мурьянов соглашается с переводом своего хронического антагониста Р.О. Якобсона *иссушил⟨о⟩ им жаждою луки,* добавляя, что «эта точка зрения основана на выведении аориста *(съ)пряже* не от глагола *прягу, прящи* ⟨следовательно бы восстановить и чисто русскую форму инфинитива *прячи – И.Д.*⟩, а от *прягу, пряжити* "жарить, поджаривать"» (с. 180). В действительности от глагола *пряжити* настоящее время будет *пряжу* (1 л. ед.), а форма аориста *пряжи* (3 л. ед.). Кроме того, едва ли возможно тождество *иссушить* и *изжарить* применительно к боевому оружию.

Вступая в спор со многими, М.Ф. Мурьянов не боится выставить свои соображения на обсуждение. В экскурсе "Древнерусские модели времени" он высказывает сожаление о том, что до сих пор не получила обсуждения высказанная им в 1978 г. идея о том, что в названии *Повесть временных лет* фигурирует определение *вре́менный* как обозначение "лет преходящих" перед лицом вечности. Но дискуссия после длительной подготовки все-таки началась: кроме указанных в примечании издателя статей А.А. Гиппиуса [1991–1992] и Г.Г. Ланта [Lunt 1997], появилась статья И.Н. Данилевского [1995], где обсуждается возможность возникновения подчинительной определительной конструкции *временьная лѣта* на базе сочинительной *времена и лѣта*. Но во всех этих суждениях не учитывается многозначность существительного *лѣто*, которое обозначало и "теплый сезон годового цикла", и "возраст человека (и животного)" (*въ молодыхъ лѣтѣхъ*), и "время, эпоху" и даже "юг". В названии *Повесть временных лет* согласованное определение выделяет у определяемого слова значение "год" и, может быть, "эпоха", что позволяет объяснить название памятника значительно проще.

Живо и остро написанная книга М.Ф. Мурьянова вносит много нового и интересного в изучение языка и стиля "Слова о полку Игореве", показывая тем самым, как быстро устаревает вышедшая за год до этого "Энциклопедия", с упоминания которой началась наша рецензия.

М.Ф. Мурьянов трудился, опережая издательские возможности, поэтому в его архиве есть целый ряд уже готовых работ, которые должны быть доведены до читателей. Особенно много он работал над гимнографическим наследием Древней Руси, готовя к изданию древнейшие служебные Минеи, одну из которых – так называемую "Путятину Минею" XI в. – обещает опубликовать журнал "Palaeoslavica", а сохранившаяся лишь фрагментарно Минея Дубровского, тоже XI в., с 1989 года ждет под редакцией проф. Г. Роте своей публикации в Бонне в серии "Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven". Как видно из обзора всех филологических материалов, появившихся за четыре года в новом журнале "Palaeoslavica", это издание вполне оправдало надежды своего издателя. Журнал, объединивший многих славистов-медиевистов, не только вводит в научный оборот новый материал, но и активно пересматривает старый, будучи открытым для дискуссий и обсуждений, ставших характерным признаком уверенно заявившего о себе издания. Своеобразие его в значительной степени определяется личностью его издателя: А.Б. Страхов – ученый самого широкого профиля, не боящийся острых дискуссий, хотя их острота в некоторых случаях могла бы быть несколько усмирнена, хотя бы по части резкости формулировок. Например, по поводу отсутствия комментариев «в советском издании 1950 года "Повести временных лет", в остальном дающем довольно подробный комментарий» (V. IV: 93), издатель делает едва ли справедливое замечание: "На мой взгляд, отсутствие комментария объясняется не идеологическими причинами и соображениями, а просто невежеством комментатора". Я думаю, что здесь более подходила бы ссылка на легко исправимую неосведомленность, но отсутствие комментариев соблюдено и почти полвека спустя в издании 1996 г., поэтому неосведомленность может быть хронической.

Весьма отрадно, что в наше время пренебрежения фактами и увлечения смутными теориями точность и доказательность поставлены во главу целого периодического издания, причем журнал "Palaeoslavica" в этом отношении не одинок: на год позже

(1994) в Москве появился двуязычный журнал по русской и теоретической филологии "Philologica" (уже вышло три годовых тома), который пытается распространить требование точности и на историю литературы трех последних столетий, что знаменует тоску филологов по акрибии, в свое время во многом вытесненной структуралистскими манипуляциями. Примечательно, что, совершенно в духе времени, обычно неповоротливая академическая лексикография в лице авторов двадцатитомного "Словаря современного русского литературного языка" предусмотрительно поспешила убрать за ненадобностью из языка и само слово *акрибия*.

Во время подготовки к публикации этого материала вышел в свет 5 том журнала "Palaeoslavica", который достойно продолжает наметившиеся линии журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библ. 1996 – Библиография опубликованных трудов М.Ф. Мурьянова (1959–1996) // Philologica. 1996. Т. 3 (№ 5/7).

Булахов М.Г. 1989 – "Слово о полку Игореве" в литературе, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь / Под ред. чл. корр. АН СССР Л.А. Дмитриева. Минск, 1989.

Герберштейн С. 1988 – Записки о Московии. М., 1988.

Гиппиус А.А. 1991–1992 – "Повесть временных лет": О возможном происхождении и значении названия // Cyrillomethodianum XI–XVI. Thessalonique, 1991–1992.

Данилевский И.Н. 1995 – Замысел и название "Повести временных лет" // Отечественная история. 1995. № 5.

Добродомов И.Г. 1996 – *Время Бусово* в "Слове о полку Игореве" и *время бус* в XVII веке // Русский филологический вестник. Т. 81. № 2. М., 1996.

Карсанов А.Н. 1988 – К вопросу о "времени бусовом" в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Комплексные исследования. М., 1988.

Lunt H.G. 1997 – Повѣсть врѣменьныхъ лѣтъ? or Повѣсть врѣменъ и лѣтъ? // Palaeoslavica. V. V/1997.

Мурьянов М.Ф. 1996 – Из символов и аллегорий Пушкина. М., 1996 (= Пушкин в XX веке. Вып. II).

Энциклопедия. 1995 – Энциклопедия "Слово о полку Игореве". СПб., 1995. Т. 1–5.

И.Г. Добродомов

CONTENTS

V.V. Potapov (Moscow). The problem of dying languages in some regions of the world; V.Ju. Apresjan (Moscow). Adverbs of exertion and small degree: semantics and its reflexes; A.N. Šalamova (Moscow). Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries: problems and results (founded on the materials of the published volumes); V.G. Gak (Moscow). Some features of Biblical phraseologisms in Russian; A. Timberlake (Berkely). The augment of the perfect in the Lawrence chronicle; I. Mayer (Uppsala). Russian verbal rection in the XVII century: the problem of original phenomena and influence of the translated text (founded on the materials of the "Vesti Kuranty"); M.Ju. Fedosjuk (Moscow). Unsolved problems of the theory of speech genres; M.V. Filipenko (Moscow). On the hierarchy of aspectual features in an utterance (the analysis of adverbials determining the "process"); G.S. Goleva (Moscow). Persian phraseology (linguistic and sociocultural aspects); **Reviews:** G.A. Klimov, D.I. Edelman (Moscow). *Th.V. Gamkrelidze, V.V. Ivanov*. Indo-European and the Indo-Europeans; N.N. Kazanskij (St.-Petersburg). *A.L. Sihler*. New comparative grammar of Greek and Latin; I.G. Dobrodomov (Moscow). Palaeoslavica. International journal for the study of Slavic medieval literature, history, language and ethnology; I.G. Dobrodomov (Moscow). *M.F. Murianov*. "The Igor Tale" in the context of the European Middle Ages.

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 29.06.97. Подписано к печати 18.08.97 Формат бумаги 70 × 100 1/16
Офсетная печать Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отт. 20,5 тыс. Уч.изд.л. 15,6. Бум.л. 5,0
Тираж 1531 экз. Зак. 2152

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка 18/2. Институт русского языка, телефон 201-74-42